

3 бестселлера о сильной девушке

Екатерина Боброва
Ночная Фиалка

Глава 1

Боль от стояния на каменных плитах пола кинжалами вонзалась в колени, но поменять позу или облегчить своё состояние Дара не решалась. Рук она почти не ощущала. Верёвка грубыми узлами впилась в кожу запястий, посечённая спина нестерпимо ныло, голова кружилась, а губы запеклись от крови, но все это неважно. Важно было только одно — присутствие в гостиной замка Монресак высокой светловолосой красавицы. От неё сейчас зависела судьба девушки. Вот уже пару часов, как она личная рабыня пресветлой графини Тао-Ресак.

Пряди неровно обрезанных черных волос падали Даре на лицо, сквозь них она с трудом различала сидящую за столом графиню. В руках та держала хрустальный на тонкой ножке бокал с вином. На тёмно-красном платье ярко выделялись волны светлых распущенных волос, алые губы кривились в капризной усмешке, а глаза застыли

двумя кусочками льда.

— Милый, — протянула красавица, делая маленький глоток из бокала, — я уже устала ждать.

— Придётся, сестрёнка, — раздражённо дёрнул плечами молодой человек, сидящий на другом конце стола. Одет он был в щегольский замшевый камзол зелёного оттенка, на шее ярко-жёлтым пятном выделялся шейный платок. Маленькие усики придавали ему немного хищное выражение лица, — Наши люди в Туумене с ног сбились, выполняя заказ. Кстати, дорогая, зачем тебе это пугало? — он кивнул в сторону Дары.

— Фу, какой ты недогадливый, — графиня надула свои очаровательные губки, — смотри, — она качнула бокалом в сторону девушки, — какая упорная тварь. Ей сегодня здорово досталось. Если бы я не подлечила её, да-да, не делай такое лицо, мой дар, на кого хочу, на того и трачу, она бы давно уже без сознания валялась, и шансов выжить у неё было бы немного. И всё равно крошке порядком перепало, но, как видишь, стоит, пощады не просит, даже голову заставить её опустить не могу. Гордая..., пока, — в голосе послышалась насмешка пополам с одобрением, — Представь, какое будет удовольствие сломить такую упрямицу, заставить ползать у своих ног, — глаза графини полыхнули лихорадочным блеском. Дара невольно вздрогнула, столько обещания было в голосе хозяйки.

Ну, почему она попалась ей на глаза в весёлом доме? Лучше бы Пёс просто прибил взбунтовавшуюся новенькую. Смерть, она же ласковая матушка для подобных горемык. Раскрыла свои нежные объятия, приняла бы её измученную душу, отгоняя боль и страдания всевластной рукой.

Нет, углядела, вмешалась. Какой такой изгиб дороги послал блистательную лэсса в заведение к тасу Фойлу?

В маске, инкогнито, графиня лишь мельком взглянула на Пса, волочащего за волосы по полу, задушено хрипящую девчонку. Увидела упрямо сжатые губы, полные решимости черные глаза, перекошенное от боли лицо мужчины и бархатным голосом поинтересовалась у хозяина: «Кто эта крошка?»

— Ах, простите, пресветлая лэсса, — Фойл склонился почти до пола, ухитряясь при этом не сводить с высокой гостью преданного взгляда, — она не стоит вашего внимания. Новенькая, но, увы, испорченный материал.

— Раз он испорчен, значит, обойдётся мне дёшево, — пожалала плечами графиня.

— Хозяин, — взвыл Пёс, понимая, что девчонка ускользает от расправы, — эта тварь мне чуть пол руки не откусила.

Они сошлись на пяти золотых и двадцати ударах плёткой. Сиятельная лэсса пожелала лично

присутствовать при наказании.

Двадцать ударов, и каждый длился вечность, взрывая плоть, разрывая нежную кожу. Пёс бил в полную силу, мстя за унижение, за вред, нанесённый уважаемому клиенту, за попытку сопротивляться наказанию, не понимая, что жертва сама выбрала этот путь, желая пройти его до конца и как можно быстрее.

Дара уже приготовилась к смерти, но, видно, чаша жизни не была ею испита до дна. Исцеляющий холод коснулся рассечённой спины, останавливая кровь, затягивая раны тоненькой кожей. Нет, полного исцеления ей не подарили, оставив боль и воспоминания о порке, но жуткие раны перестали угрожать жизни девушки.

Ярко бордовое с безвкусной золотой вышивкой и широкими разрезами платье почти не держалось на Даре, и чтобы прикрыть голую спину, ей выдали чёрный плащ.

Пару недель назад она вошла в этот дом, полная надежды обрести новую семью, с детским любопытством вглядываясь в лица обитателей, улыбаясь им чистой улыбкой незамутнённой души, а уходила в мужском плаще на израненных плечах, с окровавленной душой, в которой не осталось больше места для наивности и веры в людей. Детство осталось за порогом этого дома, обителища изломанных судеб, развратных и похотливых

страстей, дома, который по какому-то недоразумению прозвали «весёлым».

— Если тебе так хочется — развлекайся, — пожал плечами молодой человек, — только не жалуйся, когда эта тварь проткнёт тебе сердце кинжалом.

— О, не переживай, — графиня возбуждённо облизала губы, — я умею справляться с такими бунтарками. И поверь, мои крошки не чета твоим послушным куколкам в постели, которые и стонут лишь по команде, — граф поморщился на грубую реплику сестры, но промолчал. Пресветлая Тао-Ресак встала из-за стола, и грациозно покачивая бёдрами, направилась к девушке.

В этот момент Даре истово хотелось исчезнуть, испариться, на крайний случай, стать кем-нибудь маленьким, незаметным, хотя бы пауком или мышью, только бы не ощущать на своей коже прикосновения прохладных пальцев графини.

Щеки ещё горели от ударов, которыми хозяйка щедро наградила новую рабыню за попытку побега. Руки девушке связали сразу же после того, как она выпрыгнула из кареты на полном ходу и лишь по счастливой случайности отделалась лёгким ушибом. В тот момент, стоя на коленях, с трудом сдерживая слезы от боли, Дара с ужасом понимала, что хозяйка не просто злится за

неповиновение, не просто наказывает, а получает от причинения боли удовольствие. «Бежать отсюда, бежать!» — стучало в голове.

— Правда, милая? — подошедшая к ней графиня обвела большим пальцем контур губ девушки, потом цепко ухватила за подбородок и, наклонившись, шепнула на ухо: «Ты будешь меня обожать, обязательно будешь».

Живот скрутило от резкого приступа тошноты. Дара попыталась отшатнуться, но затёкшее от долгого стояния тело отказывалось повиноваться. Стало жутко и противно, и больше всего её пугала убеждённости в словах графини.

Внезапно со двора донёсся непонятный шум. Мужчина вскочил из-за стола, бросился к окну и грязно выругался.

— Скорее уходим. Похожи, твари ночи все-таки добрались и до нас. Давно говорил, что нужно избавиться от маменькиного наследства. Нет, ты вцепилась в ожерелье, словно не понимаешь, что на отрубленную голову его не оденешь.

Графиня побледнела, на секунду замерла, а потом метнулась в личные покои.

— погоди, — крикнула она, — я им его не оставлю.

Брат уже стоял около камина, поворачивая цветочное украшение на решётке. Заскрипела,

отходя в сторону, часть стены, открывая чёрный зев подземного хода.

— Быстрее, — поторопил сестру граф, нервно оглядываясь на дверь, ведущую в холл. Потом не выдержал, рванул к двери и, захватив один из стульев, подпёр им ручку.

Через пару мгновений из арки, ведущей в личные покои, показалась графиня, в руках она сжимала чёрную резную шкатулку. Граф ловко зажёл факел и вместе с сестрой, не мешкая, нырнул в потайной проход. Стена вслед за ними заняла своё место, скрывая беглецов.

Дара осталась одна, лишь два полупустых бокала на столе безмолвно свидетельствовали о том, что недавно здесь кто-то был.

Девушка попыталась встать, но ноги не слушались, и она неуклюже завалилась набок. Сил совсем не осталось, и Дара решила остаться на полу, но тут на лестнице, ведущей в столовую, раздался шум схватки, чьи-то крики, а затем дверь содрогнулась от мощного удара.

«Надо где-то спрятаться», — мелькнула разумная мысль. Страх придал девушке сил, она завозилась, силясь подняться, но успела лишь встать на колени, как дверь с громким треском распахнулась, подпирающий её стул отлетел в сторону, врезался в стену, и в столовую ворвались трое.

Дара, не делая никаких попыток пошевелиться, бесполезно пытаться обмануть смерть, замороженно смотрела, как две тени бесшумно скользят по комнате, обнажив клинки, и скрываются в личных покоях графини.

Третью тень девушка потеряла из виду, а зря. Её рывком оторвали от пола, встряхнули, как нашкодившего котёнка, и мужской голос, растягивая гласные, произнёс: «Признавайся, гадёныш, куда делась твоя хозяйка?»

В ответ Дара лишь просипела нечто неразборчивое. Завязки плаща с силой впились в повреждённое горло.

— Молчишь? — неправильно понял её незнакомец. Голубые глаза вспыхнули от гнева, — Таблах ас тахатъ, — выругался он, отшвыривая девушку в сторону, словно испорченную вещь. Стена больно ударила в спину. Ещё не успевшие до конца зажить после исцеления раны от удара раскрылись, что-то тёплое потекло по пояснице. «Кровь», — мелькнула мысль и пропала под натиском боли.

Дара прикусила губу, чтобы не застонать. Не стоит привлекать к себе внимание детей ночи. Может ей повезёт, и они уйдут, не став добивать полудохлого слугу? Надежды мало. Убийцы не оставляют после себе живых, со страшной жестокостью расправляясь со всем, кто встаёт у них

на пути. Давно уже они терзают империю, вот уже почти век ими пугают ребяташек, но особенно страшны эти рассказы для богачей. Дети ночи охотятся за сокровищами. Сказывают, что не за всеми, а только за проклятыми, а как соберут их полностью, так и спадёт с них самих страшное проклятие.

Маски, одетые на лица теней, не позволяли Даре понять, действительно ли убийцы имеют звериные рожи или того хуже облик страшных чудовищ, но проверять, что правда, а что нет, она бы не стала даже под угрозой казни.

Вы бы решились из любопытства заглянуть в лицо смерти? Только если не желаете перед её визитом заранее подобрать новый платок старушке в подарок.

Даре не было видно, как в комнату вошли ещё четверо теней, а из личных покоев с пустыми руками вернулись двое. Но она прекрасно понимала, что добыча ускользнула от убийц, и те сейчас пребывают не в лучшем настроении. Как жаль, что их разговор ей непонятен!

— Ты уверен, что он бесполезен? — старший кивнул в сторону лежащей на полу фигуры.

— Уверен, — с презрением в голосе ответил тот, кто задавал Даре вопрос, — тварь мучает их, убивает, а они все равно её защищают. Ведьма, — он сделал рукой знак, отгоняющих злых духов.

— Я попробую его разговорить. Он последний, кто её видел и скорее всего, знает, куда она делась.

Старший подошёл к лежащему на полу пареньку. «Совсем еще мальчишка!» — подумал, глядя на избитое лицо. Нечто похоже на жалость шевельнулось в его сердце. Коротким взмахом перерезал верёвки на руках, мельком отметил посиневшие запястья — давно связан, подхватил под руки, помог встать. Паренёк с насторожённой слежкой следил за каждым его движением. От взгляда черных глаз, обрамлённых густыми ресницами, старшему вдруг стало не по себе.

— Кто тебя так? — спросил он, с трудом выговаривая чужие слова, — Она? — глупый вопрос. Чудовище в этих краях только одно — обворожительно-прекрасное белокурое создание.

Паренёк в ответ просто кивнул. Стоять ему было тяжело, и старший почти держал его на весу.

Внезапно худенькое тело дёрнулось и шагнуло вперёд, заваливаясь носом вниз. Старший выругался, подхватил паренька за плечи, стараясь держать как можно аккуратнее, итак по лицу понятно, что бедняга сильно избит. Но на одном падении тот не остановился и продолжил двигаться дальше на прямых ногах, пытаясь на каждом шаге пробить голову пол.

Таким странным способом они добрались до камина. Что могло там понадобиться убогому, старший не представлял, но упорство всегда уважал. Если человек так к чему-то стремится, почему бы не помочь?

Пацан, дойдя до цели, покачался, собираясь с силами, и затем почти повис на каминной решётке. Тени переглянулись — представление явно затягивалось, но тут в сторону поползла часть стены, открывая проход.

Убийцам не нужно было повторять приглашение, один за другим они скрылись в темноте. Лишь последний задержался, пробурчал что-то на непонятном языке и, взвалив пацана на плечо, поспешил за остальными.

Висеть вниз головой было весьма неудобно. Ещё неудобнее в таком положении думать. «Почему он не убил меня? Не стал тратить время? Так его много и не требуется. Вжик и всё. Мне одного удара хватит».

Покачиваясь на мужском плече в такт плавным движениям убийцы, Дара словно плыла по подземному коридору, даже звук шагов едва прорывался сквозь гулкую тишину подземелья. Двигались они в полной темноте. Тени не стали зажигать свет, прекрасно обходясь без него.

Но вот вслед за ними поползла серая тень, из мрака выступили призраки стен, покрытые

капельками влаги и наростами мха. Впереди раздался чей-то тонкий вскрик, тут же поглощённый тишиной. Сердце девушки испуганно сжалось, однако её носильщик не замедлил шаг, все так же уверенно идя по проходу.

Стало светлее, а затем они оказались в естественной пещере, куда уже смог пробраться лунный свет. В его серебряных лучах высветилось пышное облако светлых волос, разметавшихся по серым камням, чёрный зев распахнутой шкатулки, изрыгнувшей из себя ворох драгоценностей. Браслеты, ожерелья, серьги и кольца сплелись в один разноцветный комок, а рядом в темной луже блестили веером рассыпанные золотые монеты.

Ботинок убийцы опустился на сокровища, с равнодушием сминая украшения. Дара попыталась закрыть глаза, но не смогла. Так и застыло навсегда в её памяти серое нутро пещеры и окровавленная цена жизни пресветлой графини Тао-Ресак.

Снаружи было тепло и безветренно, но девушка этого даже не заметила. Зубы отбивали нервный ритм в такт шагов похитителя или спасителя? На этот вопрос у неё ответа пока не было.

Шли недолго. Деревья лунными тенями застилали обзор, лес из темных уголков грозил неведомой напастью, но какой толк бояться лесных чудовищ, когда самое опасное из них несло Дару на

плече.

Впереди послышалось негромкое приветственное ржание. Усталость и боль не помешали сердцу девушки затрепетать в восхищении. Неужели она сейчас увидит знаменитых пегасов — летающих коней, на которых передвигались ночные убийцы?

Этих чудесных созданий мечтали заполучить все знатные семьи от Хрустального моря до Синих гор. Но ни одну, даже имперскую конюшню не переступало копыто крылатого красавца. Тени тщательно оберегали пегасов от грязных рук дельцов и предпочитали умереть вместе с конём, чем оставлять его недругам.

Дару аккуратно спустили на землю, придержали, не давая свалиться, руку поставили на стремя. Девушка судорожно вцепилась в него, ощущая, как рядом кто-то шумно вздохнул, и с трудом удержала визг, когда по ногам скользнуло нечто пушистое. «Крыло!» — вовремя догадалась, рука сама потянулась потрогать, погладить, но в тот же момент земля резко ушла из-под ног, Дару за шкуру вздёрнули вверх, и она очутилась верхом на пегасе позади мужчины.

Дальше руки сами вцепились в кожаную куртку, и все равно ей потребовались все жалкие крохи оставшихся сил, чтобы не свалиться с коня, когда тот в пару взмахов рванул ввысь.

Полет продолжался несколько часов, и когда небо начало сереть на востоке, пегас пошёл на посадку.

Приземлились они на поляне, со всех сторон окружённой темным лесом. Дару сняли с коня, поставили на траву. Девушка смогла пройти пару шагов, а затем без сил рухнула на землю. Пусть убивают, пусть мучают, она не в состоянии больше сделать ни одного движения. Закоченевшее тело отказывалось повиноваться. Но тени, казалось, потеряли к ней всякий интерес.

На поляне уютно разгорелся костер. Вкусно запахло чем-то варёным.

Подойти погреться к огню Дара не решалась, так и сидела, обхватив колени руками, настороженно вглядываясь в мелькающие в отблесках пламени силуэты.

Видимо она все-таки заснула, иначе выходило, что сидевший перед ней на корточках мужчина появился прямо из воздуха. Убийца не стал открывать лица, и Дара видела только серые глаза, внимательно разглядывающие девушку.

— Держи, — ей протянули миску, от которой валил пар, а запах... Дара сглотнула моментально образовавшуюся слюну. И сама удивилась тому, как она проголодалась. Кажется, после случившегося неделю в рот ничего не возьмёт, нет же... Рука судорожно вцепилась в ложку, стремясь

впихнуть в рот как можно больше еды.

Мужчина кивнул с довольным видом, встал и направился к костру. Вернулся он с жестяной кружкой. Поставил рядом с девушкой, опускаясь опять на корточки.

— Мы скоро уйдём, — видно было, что чужой язык давался ему с трудом, — ты, — ткнул пальцем в Дару, чтобы у девушки не оставалось сомнений, кого он имеет в виду, — останешься здесь. Как станет светло, пойдёшь вон туда, — и снова указующий жест, теперь в сторону высокого дерева, замершего на краю поляны, — идёшь до дороги, по ней сворачиваешь налево, — убийца на секунду задумался, затем махнул в сторону, — налево — это туда. Повтори! — потребовал он, видимо, серьёзно сомневаясь в умственных способностях своего подопечного. Дара послушно показала рукой.

— Хорошо, — удовлетворённый кивок, — к вечеру выйдешь к деревне. Найдешь таверну. Там спросишь Большого Тынга. Скажешь, что от Корявого Пня. Он тебя примет. Ему давно помощник требуется. Запомнил? Тогда доедай быстрее, нам нужно торопиться.

Девушка принялась за еду. Как резко повернулась её судьба! Ещё несколько часов назад она шла по краю пропасти, а теперь вывернула на прямую ровную дорогу.

Дети ночи, оказывается, не только убивать

умели. Вывезли из замка, где никто не стал бы спасать неизвестного бедолагу; трупы они равнодушны к чужим страданиям; накормили, напоили и отправили к своему человеку — поразительная щедрость.

Хозяин таверны явно не просто знаком с тенями, но и работает на них. Учитывая «популярность» убийц в империи, занятие довольно рискованное. Дара надеялась, что Большому Тынгу сгодится не только помощник, но и помощница.

Девушка прикрыла глаза. После сытой и горячей еды еще больше клонило в сон. Мысли путались, и в мечтах она уже видела, как скопив денег на дорогу, вернётся в приют, где займётся обучением младших девочек, а в этот мир больше ни ногой. Хватит с неё приключений и «добрых» дядечек.

Кристан похлопал Дарга по шее, проверил подпругу. Конь всхрапнул и потянулся к карману за лакомством.

— Будет тебе, сладёна, — мужчина погрозил пегасу, — на перевале получишь, а пока не заработал.

Конь обиженно отвернулся, по пути боднув головой хозяина в плечо.

— Но-но, не шали, — Кристан щёлкнул Дарга по носу.

— Командир, все готовы, — доложил Лэс,

выныривая из утреннего тумана.

— Да, пора трогаться, — Кристан оглядел недовольным взглядом стремительно светлеющее небо. Задержались они сегодня... Будут теперь маячить у всех на виду, словно стая жирных ворон. Хорошо хоть до гор рукой подать, есть надежда, что никакому дураку в ранний час не придёт в голову любоваться облаками. Получить снизу подарочек, ой, как не хочется.

— А как же ритуал? — вскинулся Лэс.

Старший мысленно застонал. Нет, всем хорош помощник — умён, находчив, ответственен, да только дотошен до каждой буквы Свода Подчинения. Какой к тухмену ритуал, когда в округе только они, да убогий из замка?

— Но ведь положено на каждой остановке, — жалобно проговорил Лэс, глядя в мрачнейшее лицо старшего.

Н-да, придётся провести, иначе не отвяжется.

Кристан достал из-за пазухи висящий на шее тканевый мешочек, привычным жестом, как и сотню раз до этого, вытряхнул на ладонь священную землю из пещеры прародительницы, скороговоркой выпалил фразу пробуждения. Не глядя, серая — она же всегда серая, хотел было ссыпать землю обратно, но замер, не в силах пошевелиться.

Первой на ладони возникла белая искорка,

мелькнула и пропала, но тут же появилась вновь и не одна. Золотые, зелёные, алые и голубые искры разгорались все ярче, превращая серые комочки высохшей земли в пригоршню мелких разноцветных светлячков.

Кристан с трудом отвёл взгляд от невиданного зрелища, мельком отметив застывшего в удивлении Лэса, да и остальные бойцы представляли собой скульптурную группу под названием: «Не может быть!?» Эх, какой подарок имперским законникам они бы сделали, окажись те поблизости. Их же голыми руками брать можно было.

И лишь когда свет померк, командиру удалось сомкнуть ладонь в кулак, а затем ссыпать пробудившуюся землю обратно в мешок, подчинённые зашевелились.

— Командир, где она? — недоуменно озираясь, пробормотал Лэс. Остальные, впрочем, вели себя не лучше, вертя головами в разные стороны, пытались найти ту, на кого среагировала земля.

— В лесу искать будем? — деловито осведомился один из них.

— Зачем в лесу? — прищурился Кристан, — Сначала поближе кое-кого проверим, — и он направился к прикорнувшему в стороне пареньку.

Глава 2

Убогий спал сидя, положив голову на колени. Криво обрезанные пряди черных волос падали на лицо, закрывая глаза. Старший наклонился, убрал волосы в сторону. Парень даже не пошевелился, так вымотался бедняга или бедняжка? Тонкие черты лица терялись на фоне синяков и ссадин, губы распухли, глаза... Кристан вспомнил взгляд паренька и решительно тронул за плечо.

Даре снился родной приют, большой сад, в котором так весело играть в прятки. Она бежала по траве, торопясь скорее оказаться за широким стволом старой липы. Стоящая около сарая Юлка уже заканчивала считалку. Дара видела, как сбоку мелькнула жёлтая кофточка Лиз, скрываясь за кустом акации. Хорошее место, но сама она выбрала дальнейшее дерево и теперь спешила к нему. До него Даре оставалось совсем чуть-чуть, когда ей навстречу шагнула высокая женская фигура, закутанная с ног до головы в расшитое серебряными звездами покрывало. «Дариэлла», — разнеслось над садом, незнакомка повернула к ней голову, и девушка буквально задохнулась от страха. Лицо женщины было скрыто серым туманным облаком. Она медленно подняла руку и поманила Дару к себе.

«Нет!» — крик замер в груди, сердце забилося израненной птицей.

— Эй, па-арень, проснись, — ворвался чужой голос в сон, прогоняя кошмар.

Дара открыла глаза, зябко поёжилась, обвела окруживших её мужчин мутным, непонимающим взглядом. Бешено стучащее после пережитого кошмара сердце на секунду замерло, а затем начало колошматиться с удвоенной силой. В первый момент девушка решила, что убийцы передумали оставлять её в живых. На мгновенье обида даже пересилила страх. Так и знала, что не стоило им доверять! Зачем тогда спасали, кормили, показывали дорогу к деревне?

— Кто ты? — задал вопрос сероглазый, перестав трясти её за плечо.

«И что я могу ему ответить?» — подумала Дара, с тоской глядя на сидящего перед ней мужчину. Художественно просипеть собственное имя или прокивать? Наверяд ли это его удовлетворит. «И стоило будить?» — злилась она, отчаянно борясь с зевотой. Решили прикончить, так лучше во сне, чтобы меньше мучилась.

Однако выводы из её молчания девушки сероглазый сделал. Кивнул кому-то за спиной, и в следующее мгновенье Дару поставили на ноги, крепко придерживая за плечи.

Спокойно глядя в застывшие от ужаса глаза девушки, убийца потянулся к завязкам плаща. Дара задёргалась, затрепыхалась, силясь освободиться,

куда там! Плечи словно зажали в тиски — не шевельнуться.

Сероглазый в два счета распутал узел, распахнул плащ, прошёлся недоверчивым взглядом по платью.

— Женщина! — с какой-то странной смесью сожаления и восторга произнёс он. Дара спорить не стала, лишь раздосадовано качнула головой. Лучше бы и дальше принимали за мужчину — спокойнее было бы.

— Эсар, глянешь, что с ней? Знаю, что выложился, вытягивая Тойла, но хоть посмотри, а? — обратился сероглазый в темноту, продолжая коверкать свой язык. Какая пугающая забота! С чего бы только? Дара быстро припомнила все рассказы про детей ночи, но ни в одном из нападений не пропадали женщины. Если и пропадали, то их потом находили, правда, в мертвом виде. Похоже, версию о похищении невест придётся отбросить.

Из скопившегося на поляне утреннего тумана к девушке шагнула тень.

— Только посмотреть и смогу. На остальное, прости, командир, сил нет.

Убийца встал перед Дарой, протянул руку, не касаясь кожи, провёл ладонью вдоль тела. Девушка попыталась отшатнуться, бесполезно, держали её крепко.

— Так, — протянул Эсар, и светло-голубые глаза потемнели, — разверни-ка.

Дара даже пискнуть не успела, как очутилась прижатой к груди державшего её мужчины. Плащ оказался сброшенным на землю, открывая обнажённую спину девушки. А там... там же Пес с чувством платье рвал до самой этой..., а может и ниже.

Сзади кто-то выругался, кажется, Эсар, а потом сероглазый произнес: «Можем не довести».

— Я смажу спину, — Эсар говорил правильно, с еле уловимым акцентом, — остальное не так серьёзно — несколько ушибов, ссадин. Горло сильно повреждено, но исправить это мне пока не по силам.

— Значит, она не немая? — уточнил кто-то из теней.

— Нет, судя по синякам на шее, её пытались придушить, а затем прошлись по спине плеткой, но умереть не дали. Я вижу остатки исцеляющего заклинания.

— Не бойся, красавица, — Дара ощутила, как по волосам провели рукой. Интересно, где это сероглазый углядел красоту? Между синяком на левой скуле и разбитой губой справа? — сейчас мы тебя подлечим. Тимьяр, давай, к костру.

Скоро на поляне вновь заиграл огонь, жадно поглощая сухие ветки. Туман пугливо попятился,

образуя круг молочно-белой стены.

Дара сидела, практически полулежа, на коленях у Тимьяра. Сил сопротивляться у нее не осталось. Она с равнодушием отнеслась к тому, что Эсар сдвинул платье, обнажая спину, и аккуратными движениями начал втирать пахучую мазь. Под эти легкие касания девушка задремала, проснувшись только, когда её укутывали в тёплый плащ и усаживали на пегаса. Затем снова провалилась в сон.

Кристан уловил движение за спиной, обернулся.

— Командир, — замялся помощник, остановившись в паре шагов — неужели, это действительно она?

— Не веришь? — сощурился старший, но обрывать подчинённого не стал. Видно же, что у парня душа не на месте.

— Как-то неожиданно, — не стал спорить Лэс, — просто мы столько искали и..., - он вздохнул, а потом заторопился, опасаясь, что ему не хватит решимости продолжить разговор, — наши вернулись ни с чем. Прочесали округу — только пару зверьков вспугнули. Это она, больше никому. Но, понимаешь, платье...., клеймо.....

— Я тоже видел и платье, и клеймо на плече, — спокойно подтвердил Кристан, — Боишься, что драгоценность, которую мы искали

все эти годы, окажется простой стекляшкой?

— Да-а, — голос Лэса от волнения стал хриплым, — Неужели, она займет горный трон?

— Молод ты, — усмехнулся старший, бросая взгляд в сторону костра, — мало кто из них добровольно в веселые дома попадает. Так что не нам с тобой судить о судьбе этой несчастной. Не иначе, как сам Создатель отправил её к нам в руки. Как представляю, что последний потомок королевской семьи мог погибнуть в замке, сердце в пропасть падает. Ну, а займет она трон или нет, решать будем не мы.

— Согласен, — Лэс облизал пересохшие от волнения губы, вздохнул с облегчением. Старший, как всегда прав. Кем бы ни была эта женщина в прошлом, она — последняя из королевской династии, и их задача доставить её на родину в целостности и сохранности. А дальше... дальше пусть Наместник со старейшинами соображают, что делать с таким подарком судьбы.

— Сплетничаем? — рядом с ними нарисовался целитель. Кристан вопросительно изогнул бровь, — Спит, — махнул рукой в сторону девушки Эсар, — я пару капель снотворного в мазь добавил. Для неё сон — лучшее лекарство.

— Придётся будить, — посуловел Кристан, — Мы и так задержались. Возьмёшь с собой. Если что... лучше на скалы сядем, чем домой труп,

вместо принцессы, — оба подчинённых вздрогнули, услышав подобное обращение, — доведём.

— Не переживай, командир. Доставим живой и отчасти невредимой. Ты не смотри, что она мелкая, да бледная. Такие сильны духом. Могут представить, как её было больно, однако жаловаться не стала. Уверен, выдержит перелёт.

— Ну, дай Создатель, — Кристан шагнул к костру, остановился перед лежащей на коленях у Тимьяра девушкой. Сон сделал её ещё моложе и беззащитнее. Сколько же ей лет? Совсем ребёнок. В таком возрасте у них только одних начинают из дома выпускать, а не отправляют в весёлые дома. Много грязи скопилось в империи, много погани развелось. Собственные удовольствия стали ставиться выше любых норм, местные графы творят, что хотят, а император занят собой, не думая о стране.

Он вспомнил белобрысую бестию, из лап которой выдернули принцессу. Как долго девочка пробыла в замке? Если хотя бы половина слухов, которые они собрали о графине, правда, то каждый день в том месте должен быть подобен аду.

Дара проснулась от холода. Колючки ледяного ветра упорно пробирались сквозь ткань тёплого плаща, неприятно вонзаясь в кожу иглами стужи. Тело затекло от неудобной позы. Она пошевелилась, но рука, обнимающая её за талию,

лишь сильнее прижала к груди.

— Скоро, — донеслось сквозь завывания ветра, -ась... го.

Девушка повернула голову, сиюсь рассмотреть хоть что-нибудь. Прилетевший под капюшон порыв ветра, густо замешанный на снежной пыли, заставил нырнуть обратно и спрятать лицо на груди у державшего её мужчины. Вокруг рычала, завывала и бесилась метель, сиюсь сбросить девушку вниз, выдернуть из рук всадника.

Внезапно желудок резко сжало от тошноты. «Снижаемся», — с облегчением догадалась Дара. Она с трудом представляла, как бедные пегасы вообще могут летать в такую непогоду.

Ветер стих, а затем гулко застучали копыта по каменному полу, слышались оживлённые голоса и радостное фырканье уставших лошадей.

— Добрались, слава Создателю. Что-то перевал совсем разбушевался, — проговорили над ухом девушки, а затем руки исчезли с её талии, чтобы через мгновенье ловко схватить под мышки и спустить Дару вниз прямо в объятия сероглазого.

— Добро пожаловать в наш ледяной приют, — голос сероглазого был жутко довольным, — меня зовут Кристан, сюда тебя доставил и не уронил по дороге Эсар, он же наш врачеватель. Остальных представлю позже. Идём.

Аккуратно придерживая пошатывающуюся от

слабости Дару, он отвёл её в центр пещеры, где уже разжигали костёр.

Видно было, что дети ночи здесь бывают часто. Вдоль почти хрустальных, покрытых толстым слоем льда стен стояли связки дров и хвороста, виднелись ящики с припасами и пузатые бочонки.

Дару усадили на покрытое шкурой возвышение, ноги укутали попоной, а на плечи набросили ещё один плащ. Возражать девушка не стала — в пещере царил лютый холод. Тёплый воздух белым облачком вырывался изо рта, оседая инеем на ресницах и бровях. Зато здесь не было пронизывающего ветра, плюющего в лицо колючий снег.

Оставив девушку около разгорающегося костра, мужчины занялись пегасами. Расседлали, счистили налипший снег и лёд, насухо вытерли шкуры, дали корма и лишь после этого вернулись к обустройству стоянки и приготовлению еды.

Полумрак пещеры разукрасился красноватыми отблесками огня, стало теплее и уютнее. Дара потянула к костру озябшие руки.

— Замёрзла? — сбоку подсел высокий темноволосый парень с открытым добродушным лицом и тёплым взглядом карих глаз, — я — Тимьяр. Потерпи, сейчас чай вскипятим, вмиг согреешься.

Первая мысль была: «Ой, это же на его коленях я лежала с голой спиной». Вспыхнувшим от смущения щёкам требовался уже лёд, а не горячий чай, и только затем она осознала царापнувшую душу странность — убийца был без маски. Сердце сжалось одновременно от ужаса и от абсолютно нелогичного восторга. Дети ночи никому не открывают лиц, даже тем, кто видит их в последний раз. Тогда зачем? Почему такая честь? И стоит ли ею гордиться? Увы, сипящие звуки, издаваемые её горлом трудно расшифровать в вопросы.

Страх, промелькнувший в глазах Дары, Тимьяр воспринял на свой счёт, вздохнул и пересел подальше.

Дети ночи оказались обычными людьми, никаких видимых следов проклятий, страшных рож или звериных глаз, и девушка вздохнула с облегчением, хотя в тайне для самой себя уже начала привыкать к мысли, что она попала в лапы к проклятым чудовищам.

Все мужчины были довольно высокими, не чета низкорослым жителям империи.

Тем временем убийцы старательно делали вид, что ничего странного не происходит, как будто каждый раз после налёта возвращались с живой добычей, однако Дара время от времени ловила на себе заинтересованно изучающие взгляды, а на

каждое её движение оборачивались хором.

Всего в отряде насчитывалось семь человек. Старший Кристан, его помощник Лэс, целитель Эсар, Тимьяр, рыжеволосый Лукх, и два блондина Тойл и Рубан. Дара легко запомнила их имена. У нее всегда была хорошая память. И вот сейчас мелкие детали, подмеченные ею при свете костра, постепенно складывались в общую картину. Загорелая кожа, высокие скулы, непривычный разрез глаз, у четверых смолянисто-черные волосы и странные прически — обрезанные спереди волосы и заплетенные в тонкую короткую косичку сзади. Остальные трое стриглись коротко, так как было принято в империи.

Между собой дети ночи разговаривали на своём языке, часто заменяя слова быстрыми жестами. Интересно, откуда они? Явно родом не из империи, да и акцент у них смешной — растягивают гласные в словах, словно мяукают.

Наблюдая за мужчинами, Дара невольно выделяла одного — сероглазого. Подсознательно она тянулась к тому, кто вытащил её из замка. Девушка была уверена — решение забрать с собой, принимал тоже он. Она пока не понимала, хорошо это или плохо, оказаться в руках детей ночи, но надежда крепла с каждым часом — здесь её никто не обидит.

Вскоре по пещере разнёсся

умопомрачительный запах мясной похлёбки.

И кто утверждает, что мужчины не умеют готовить? Дара и сама не заметила, как миска опустела.

Как же это здорово, после пронизывающего холода обнять ладонями горячую кружку с чаем, вдохнуть терпкий аромат трав и просто сидеть, бездумно смотря в огонь. Костер словно сжигает страхи, и дети ночи перестают восприниматься, как безжалостные убийцы, вот уже улыбаешься, принимая добавку, и не вздрагиваешь, когда чужая рука, затянута в чёрную перчатку касается твоих пальцев. И даже Эсар не пугает, когда с грозным видом требует выпить отвратительно горькое лекарство, подумашь... всего лишь лекарь, и как-то забывается, что день назад он, как и все в отряде, отправлял души на тот свет.

Даре было тепло и уютно. Спина практически не болела, горячий чай обратил холод в бегство, даже ноги, промёрзшие в тонких ботинках, согрелись под попоной.

«Мы здесь до утра, — пояснил Кристан, — как раз буран стихнет. По эту сторону перевала он ещё тихий, а вот там буйствует по-настоящему». И Дара верила, представляя, как завывает ветер, стремясь свернуть непокорные скалы, как призывает на помощь метель, и горе тому, кто окажется в этот момент в горах без укрытия.

После еды мужчины стали укладываться на отдых. Постепенно у костра замерли разговоры. Тяжёлая ночь и не менее трудный перелёт вымотали всех, а вот Даре спать не хотелось.

Тишина оказалась плохой подругой. В голове возникали странные мысли, одна хуже другой, незаметно подкрались воспоминания, коварная память подкидывала картины прошлого. Сердце в ответ заболело, заныло, и даже костер больше не помогал, сочувственно мигая прогоревшими углями. Даре стало неудобно. Сгустившаяся темнота ожила затаёнными страхами, скрывая, казалось, под своим покровом неотрывные взгляды убийц. «Я словно редкий зверь, попавший в сети ловчих», — с грустью подумала девушка, вставая с места. Остаться у костра больше не было сил.

Дара прошла к выходу, хотела выглянуть — стих ли буран, но по пути нечто более интересное привлекло её внимание.

Огромные черные кони спали, шумно посапывая во сне. Кто-то сложил крылья на спине, кто-то, выправив пушистое крыло, прятал под него голову. А вокруг искрило и переливалось ледяное царство, отражая мириадами искр огненные всполохи костра. Огромные ледяные сосульки нависли над входом. Часть из них была обломана, крошечком валяясь на полу. Покрытые льдом стены пещеры, казалось, таили в себе несметные

богатства.

Но настоящее живое сокровище сейчас сладко вздыхало, отдыхая после тяжёлого перелёта. Дара замерла, с восторгом рассматривая крылатых красавцев — само воплощение силы и грации.

Шаг, ещё шаг, ближе и ближе она подходила к пегасам.

— Хочешь его покормить? — раздавшийся за спиной голос, заставил девушку резко дёрнуться от неожиданности. И как только у них получается так неслышно подкрадываться? Ещё парочка вот таких вопросов, и сердце у неё разорвётся от страха.

— Держи, — в руку девушки вложили кусочек сахара. — Это Дарг, — Кристан ласково провёл по морде мигом проснувшегося коня, — он большой сладкоежка, но сегодня честно заработал угощение.

Сладкоежка вздохнул, мол, сколько можно болтать, и потянулся к руке девушки. Дара улыбнулась, раскрыла ладонь, тёплые губы аккуратно ухватили лакомство. Пегас хрустнул сахаром, заглотил и вопросительно уставился на стоящих рядом с ним людей: «Может, ещё чем угостите?»

— Хватит, обжора, — усмехнулся Кристан и замер от удивления. Лицо Дары внезапно искривила странная гримаса, она шагнула вперёд и, уткнувшись лицом в шею коня, разрыдалась. Нет,

плакала почти беззвучно, но вздрагивающие плечи, судорожно вцепившиеся в гриву пальцы...

В первый момент командир растерялся. Затем погрозил Даргу, чтобы тот не вздумал дёргаться, ещё испугает. Пегас и не собирался вырываться из вцепившихся в него женских рук, он так и застыл с выражением ужаса и полнейшего недоумения на морде.

Нет, кровь врагов на копытах — дело привычное, хрипы умирающих — частое явление, а вот слезы, текущие по шее, попеременно с э-э-э соплями и жалостные всхлипывания — нечто совершенно новенькое. И как с этим сражаться, да и нужно ли, если хозяин со зверской рожей грозит увесистым кулаком? Но он же боевой конь, а тут... тьфу...

Дара сама не ожидала, что мягкое прикосновение к ладони вызовет такой порыв щемящей жалости в душе. Дрогнуло сердце, заныло, а потом слезы потекли сами собой, высвобождая скопившуюся боль. Она так долго сдерживалась, что сейчас рыдания прорвались безудержным потоком, сжимая горло болезненными спазмами. И заново ожили картины прошлого. Только на этот раз омытые слезами, они не были такими мучительными.

Тот день, когда тас Фойл появился в приюте, Дара по праву считала самым счастливым в своей

жизни. Ведь такой обходительный тас в дорогом костюме с целым набором рекомендательных писем выбрал именно её, Дару, в компаньонки к своей больной дочери.

«Дарушка, — прощаясь, сказала матушка, — я бы, конечно, хотела оставить тебя здесь в приюте. Из тебя вышла бы замечательная наставница для младших девочек, но ты — моя любимая ученица и достойна лучшей судьбы. Милая, помни, в жизни всему бывает своё время. Когда и поплачешь, когда улыбнёшься. Главное, верь в лучшее».

И Дара старалась верить, даже когда в душе зародились первые подозрения, и выяснилось, что конечный пункт прибытия корабля совсем не тот, который тас Фойл указал для связи с Дарой. Не обращала внимания и на подробные расспросы о ней, о её увлечениях, почти экзамены на знания истории, владение письменностью, счётом. Не осознавала, что хозяин уже тогда подбирал ключик к рабыне — согнуть, но не сломать.

Лишь когда переступила порог весёлого дома — закаменело сердце, отгородилась душа от происходящего, и ни единой слезинки не упало из глаз. И когда клеймо ставили, не порадовала Пса мольбами и рыданиями. Четыре раза сбегала — ловили, запирали и пуще прежнего следили за каждым шагом. Лишь однажды дрогнуло сердце, когда случайно услышала брошенную Псом фразу:

«Жалко новенькую. Загубит ведь или покалечит». И холодный ответ хозяина: «Он заплатил столько, что покроет все убытки».

Удивительно тёплый вечер царил тогда в городе, но, несмотря на жару, Дару трясло от холода. Девушку одели в вызывающе открытое платье, заплели черные волосы в сложную косу, нацепили дешёвые яркие украшения. В комнату для встреч разрешили взять лишь статуэтку Создателя — подарок матушки и то, наверное, потому что та по цвету вписывалась в интерьер.

Старика с водянистыми глазами она почти не запомнила. Память дальше отказывалась служить хозяйке, выдавая лишь смазанные картины.

Сильные руки держат за плечи, жёлтые зубы кривятся в ухмылке, аромат дорогого парфюма не перебивает тошнотворный запах изо рта. Её собственный крик звучит слабой поддержкой. Старик довольно щурится, не думая выпускать трепыхающуюся жертву. А вот плевок в лицо выводит его из себя. Пальцы вцепляются в горло девушки, сдавливая, лишая доступа воздуха. Дара ещё борется, руки сами нащупывают стоящую у кровати статуэтку, взмах, удар, и долгожданный воздух врывается в лёгкие. Старик отшатывается, закрывает голову руками, сквозь пальцы хлещет кровь.

Дверь, коридор и недоуменный взгляд Пса,

который мгновенно сменяется злостью, стоит ему поймать вид пошатывающегося старика за спиной у девушки. Ноги Дары, кажется, приросли на месте, так медленно они начинают двигаться. «Прочь. Прочь» — стучит в голове.

Рывок за плечо, Пес оказывается быстрее, второй рукой он вцепляется в косу, разворачивая к себе лицом.

Изогнуть голову, вцепиться зубами в чужую плоть, ощутить вкус крови во рту, услышать удивлённый возглас, громкие проклятия и... приготовиться к смерти.

Пес опытный, добычу не выпустил, лишь крепче намотал косу на руку, вытаскивая пораненной рукой кинжал из ножен.

Блеск лезвия, странная лёгкость на голове и обрезанные пряди, падающие на лицо. И тут же снова боль.

Пёс крепко хватает за волосы, заставляя опрокинуть голову назад. Удар, еще удар и вкус крови во рту, на этот раз собственной.

Рывок, она падает назад, но Пса это не останавливает, он тащит её по коридору к хозяину, для вынесения приговора — смерть или продажа в портовые кабаки — та же смерть, только мучительно долгая...

И надменный женский голос: «Кто она?»
Дальше завеса боли, погрузившая сознание во тьму,

холод исцеления, мужской плащ, прикрывший спину, чужая карета, изучающий взгляд незнакомки, от которого желудок пронзает тошнота.

Тело среагировало само, открывая дверцу и выпрыгивая во тьму.

Падение, боль, чьи-то руки, поднимающие с земли. Насмешливый голос: «Упорная. Люблю таких». Верёвка, врезающаяся в кожу запястий, каменный пол под коленями и бесконечная усталость... Сил не осталось ни на гордость, ни на страх.

Первое чудовище — всегда самое страшное, ну а двадцатое?

Потому и убийцы, ворвавшиеся в замок вызвали лишь краткий всплеск ужаса, сменившийся все той же безразличностью. И только мысль, что таким, как хозяйка нет места на свете, придала сил открыть потайной ход детям ночи.

За спиной было подозрительно тихо. Никто не возмущался, не лез с утешениями, лишь по гладкой шкуре пегаса периодически пробегала нервная дрожь, но сам он стоял смирно, не делая попыток отодвинуться.

Дара вздохнула, подняла голову. Провела рукой по шкуре, прошептала про себя: «Прости». Ей в ответ укоризненно фыркнули. Пегас изогнул шею, взглянул на девушку своими большими

умными глазами, легонько боднул в лицо, мол, совсем расклеилась, разве так можно?

Дара невольно улыбнулась, обняла морду руками, не удержалась, поцеловала. Пегас вздрогнул, покосился куда-то за спину девушки, по-человечески тяжело вздохнул.

«Прости, прости, — беззвучно зашептала Дара, — знаю, ты — большой мальчик. Это я — глупая, лезу со своими нежностями».

На душе у неё было пусто и удивительно спокойно. Прошое не исчезло, нет, оно ушло из настоящего, став всего лишь плохим воспоминанием.

Внезапно пегас встревоженно всхрапнул и, толкнув девушку крылом, загородил от выхода из пещеры. Остальные кони спешно перестраивались, окружая Дару тесным кольцом. Чье-то яростное рычание заставило девушку похолодеть от ужаса, вцепиться руками в гриву Дарга. Чем заняты дети ночи она не видела, как и того, кто издавал страшные звуки, волнами прокатывающимися по пещере: от злобного низкого рыка до пронзительного, бьющего по ушам визга. Даре уже казалось, что целая армия чудовищ атакует их отряд, когда визг, добравшись до высокой ноты, резко оборвался. А затем полный ярости стон наполнил пещеру, захрапели кони, попятились назад, увлекая за собой. Стон перешел в надрывный

хрип, а затем воцарилась тишина.

Пегасы расступились, как ни в чем не бывало, возвращаясь к прерванному сну.

— Испугалась, — сероглазый стоял в центре пещеры, руки сложены на груди, вид насмешливый и одновременно встревоженный. Дара шмыгнула носом, кивнула и лишь потом осознала, что вопроса и не было, — хочешь посмотреть, кто почтил нас своим присутствием?

Кристан протянул руку, девушка шагнула к нему.

— Кажется лэссе требуется платок, — в протянутой руке неизвестно как появился белый лоскуток ткани. Дара даже усомнилась, не маг ли сероглазый, но потом решила, что всему виной ловкость рук, а платок действительно был нужен.

Выйдя из-за пегасов девушка, наконец, смогла разглядеть нападавшего — гряда желто-белого меха почти полностью перекрывала выход из пещеры.

— Мы называем их Йорфи. Обычно они живут выше этих мест, но этого малого, похоже, что-то выгнало из норы. В такой-то буран, бедняга, — Кристан любовно провел рукой по свалывшемуся меху, с трудом приподнял голову, вытащил из шеи кинжал. — Правда, красавец?

Матушка всегда говорила, что красоту можно увидеть в любом творении Создателя, каким бы

отвратительным оно не было на первый взгляд.

И Дара честно старалась.

Густой желтовато-белый мех, в бурых потеках крови, огромные черные когти на кончиках лап, вцепившиеся в пол, стеклянно-голубые глаза, в одном чернеет рукоять метательного кинжала, маленькие ушки со смешными кисточками по краям, вытянутая морда с черным носом, длинный розовый язык, вываленный на пол, и желтые клыки, каждый размером с ладонь Дары. Белая смерть среди белых снегов. Можно ли ею восхищаться? Если сам умеешь убивать, всегда оценишь искусство другого.

Подошел Тимьяр, наклонился и потянулся к рукоятке кинжала, торчащей из глаза зверюги, но замер, бросил на девушку задумчивый взгляд и убрал руку. Вместо этого приподнял тяжеленую лапу, нырнул под неё, пытаясь разыскать ещё один кинжал.

— Здоровый, — пожаловался он, почти целиком скрывшись под тушей, — с одного удара и не завалишь, а в ближний бой подпускать — верная смерть.

Глава 3

Даре всегда нравилось вставать рано, когда утренний воздух пьянит своей свежестью и

прохладой, когда весело гомонят птицы еще не уставшие от полуденной жары, когда особенно четко видны горы в лучах восходящего солнца, а внизу мягким одеялом расстилается туман.

Она стояла на балконе, всматриваясь в лежащую у её ног долину. Удивительно, как быстро промелькнули эти четыре месяца, словно и не было кошмарных двух недель в веселом доме, обворожительно гадкой графини и страшных убийств. Прежняя жизнь осталась глубоко в недрах памяти, не беспокоя даже ночными кошмарами.

Резкий крик оповестил небеса, что на охоту вышел пернатый хищник. Девушка проводила взглядом стремительный силуэт и заторопилась в комнату. До прихода наставника Лиграна следовало закончить перевод еще одной страницы книги. Арганский язык давался ей легко, хоть и звучал непривычно — жители гор протяжно выговаривали гласные, словно привыкли перекрикиваться друг с другом, стоя по разные стороны от ущелья. А может, так оно и было.

Дара открыла книгу, поморщилась, опять история. Как будто нельзя для перевода дать что-нибудь интересное или легкое, например, сказания морского народа, описание путешествия быстрого Ташла. Но мечты, мечтами, а перевод нужно делать. Наставник, конечно, ничего не скажет, если она не справится, но взгляд... Умел

тас Лигран так заглянуть в душу, что хотелось вывернуться наизнанку, лишь бы ему угодить. Хороший учитель ей попался, что и говорить. А как он рассказывал! Словно словами рисовал по воздуху, и прошлое оживало яркими картинами.

Дара вчиталась в текст, аккуратно выписывая непонятные слова. «Арганцы вышли их пещер», — гласил первая строчка. Девушка подчеркнула сложное слово «прародительница». А непослушные мысли опять убежали прочь от книги. Ей вспомнились первые дни в горном королевстве.

Наместник, правящий арганцами, отбыл с дружеским визитом и собирался вернуться из поездки к берегам далёкого Среднеморского континента месяцев через четыре-пять. В его отсутствии девушку принял сиятельный тас Нурсах — один из девяти советников.

Высокий темноволосый мужчина выглядел довольно молодым, но глаза выдавали длинный жизненный путь.

После взаимных приветствий, последовали аккуратные расспросы о прежней жизни Дары. Удовлетворив своё любопытство, Нурсах извинился за то, что не может сразу решить судьбу гостыи.

— Понимаете, — проговорил он, огорчённо вздыхая, — клятву подданства принимает только Наместник.

— А если я не хочу принимать подданство? —

осторожно уточнила Дара, — если попрошу вернуть меня домой?

— Дариэлла, — здесь почему-то её все называли именно так, — вы, конечно, можете просить все, что угодно. Ваша помощь достойна любой награды, но я бы не советовал торопиться с возвращением. Давайте дождёмся наместника, и тогда вы окончательно все решите, хорошо? А пока поживёте здесь в малом гостевом дворце. Чтобы вы не скучали, я распоряжусь предоставить вам учителей. Изучите наш язык. Можете заняться, чем пожелаете — танцы, живопись, пение.

Дара улыбнулась — её явно заманивали и таким красивым пряником, вот только не окажется ли начинка горькой?

— И все же, я настаиваю.

— Милая, — тас недовольно покачал головой, — упорство и упрямство — разные вещи. Я понимаю, вам дорог уют проведённым там детством. Вы не стали рассказывать, что заставило вас оставить его стены, но у меня нет уверенности, что подобное не повторится.

— У меня есть, — Дара задрала подбородок. Она не сомневалась, больше никто на свете не выманит её обманом из приюта.

— Неужели? — брови таса изобразили крайнюю степень недоверия, и неожиданно со слезами в голосе он произнес, — любезнейшая

Дариэлла, моей милой, больной матушке, требуется ваша помощь. Нет, нет, не спорьте, ей подойдёте только вы. Ваше терпение, образованность, начитанность помогут ей скрасить одинокую старость. Прошу, не отказывайтесь.

— Вы знали, — скривившись, произнесла Дара.

— Под покровом ночи становятся известны многие дела, — дипломатично отозвался тас, — поверьте, здесь вас не обидят. Мы умеем ценить помощь, оказанную вовремя и бескорыстно. Не сейчас, так потом, вам обязательно захочется чего-нибудь особенного, тогда и вернёмся к разговору о награде. Пока же отдыхайте, набирайтесь сил. Мне было приятно познакомиться с такой очаровательной лэссой, — он широко улыбнулся.

Дару разместили в четырёх комнатах — непривычная роскошь. В приюте даже старшие девочки делили одну комнату на троих. А тут личная столовая, спальня, гостиная и даже кабинет для занятий. Первое время она чувствовала себя крайне неловко, но ровное отношение слуг, дружеская поддержка наставника, а главное возможность передавать весточки матери настоятельнице в приют, сделали своё дело — девушка начала привыкать к новой жизни в Аргании. И все же ей было крайне любопытно, что

же такого ценного уносила с собой графиня, что помощь Дары оценили так высоко? Впрочем, ответ на этот вопрос она получила на первом же занятии.

Тас Лигран начал с рассказа о своей стране.

Аргания располагалась в уютной горной долине с трёх сторон защищённой Джуйским и Лесорскими хребтами. Четвертая сторона обрывалась отвесной скалой с потрясающим видом на Среднее море и зелёную прибрежную полосу.

Появившись в долине, арганцы не стали селиться в ней, а построили свои города на скалах — изумительно изящные, просторные и уютные. Умели горцы заставить камень становиться послушным, словно глина. Пять городов, каждый — жемчужина в короне Арганского королевства.

Внизу жили пастухи с семьями, присматривающие за многочисленными стадами коров, овец и коз. Но лучшие пастбища принадлежали пегасам. Пегасы были для этих людей всем, от верных боевых товарищей до членов семьи, которым безбоязненно доверяли детей.

Особенно красиво здесь было на закате, когда воздух в долине, казалось, оживал от шума крыльев, возвращающихся домой коней. Вся жизнь арганцев была связана с этими удивительными животными, и те платили им преданной любовью. Здесь на совершеннолетие дарили жеребёнка, и не

было весомей подарка в жизни юноши или девушки.

Границы Аргании так же простирались вниз, на побережье, а оттуда на два близлежащих острова. На них кроме торговых портов и пары рыболовецких деревень стояли мощные крепости с военными гарнизонами. Здесь же, в гаванях располагалась половина флота Аргании, остальные корабли охраняли главный порт — Белый город.

Спустившись из долины, арганцы обнаружили широкую прибрежную полосу, ограниченную с двух сторон горными хребтами. Земля была плодородной, воды — богаты рыбой, но как оказалось, этот кусок суши требовал надёжной защиты.

Пережив четыре нападения пиратов, арганцы построили почти идеальную линию обороны. С двух сторон береговую полосу защищали каменные крепости, оснащённые пушками. Полоса рифов, идущая вдоль берега, создавала естественную защиту от высадки неприятеля. Рифы тянулись вдоль побережья вплоть до островов. Между островами и пролегал единственный безопасный путь в Арганию. Любая попытка зайти с другой стороны расценивалась, как нападение. И кроме ядер из пушек на нарушителя обрушивалась воздушная кавалерия. Арганцы одни из первых поддержали изобретение пороха, оснастив

прибрежные гарнизоны пушками, а их защитников ружьями. В остальном мире дороговизна ружей пока останавливала правителей от закупок их в больших количествах.

На дальнем острове Шук-лостр торговые корабли проходил первый досмотр. Здесь же выносилось решение о допуске во внутренние воды. Новички, как правило, вынуждены были выгружать весь товар в первом же порту, без всякой надежды получить за него хорошую цену. Но те, кому везло получить допуск в Белый город, покрывали убытки в несколько раз. Только там можно было купить знаменитые арганские клинки, тончайшее овечье сукно, ароматные, вызревшие в глубоких холодные пещерах сыры, горьковатые зерна кофе, за которые знать платила золотой монетой, но главным товаром оставались драгоценные камни и ювелирные изделия. Об арганских украшениях мечтала любая женщина, и лишь немногие могли себе позволить их купить.

Побережье было единственным местом, где разрешалось селиться чужакам или открывать торговые лавки. Доступ в горную долину имели только арганцы и те, кто получил подданство королевства. Как, усмехнувшись, сказал тас Лигран: «Наше подданство стоит так дорого, что за последние сто лет его смогли получить лишь пятеро, и то бесплатно». И было непонятно, шутит

он или говорит всерьёз.

Слушая рассказы наставника, Дара невольно сравнивала империю и королевство и не могла не признать, что арганцы во многом опережают своего загорного соседа. И все начиналось, казалось бы, с мелочей. Например, забота о пегасах. Чтобы облегчить их труд, грузы с долины и с побережья поднимались и спускались на специально созданных механических платформах, приводимых в действие сменной командой выносливых осликов. И даже породы пегасов арганцы вывели три — каждая для своего рода занятия. Боевые — способные не только ударом копыта раскроить череп врага, но и вынести раненного хозяина из боя. Ла-пегасы — дружелюбные, преданные создания, на спинах которых вырастало не одно поколение семьи, и последние — тяжеловозы. Выносливые, с широкими спинами и мощными крыльями. Именно они заменяли транспорт в горах, возя продукты, инструменты и одежду на прииски, взамен принося горючие камни и металлы. И летали они без хозяина, прекрасно запоминая несколько маршрутов.

— Ты, верно, хочешь знать, что делали арганцы в том замке? — наставник сам начал этот разговор, и Дара в который раз подивилась его пронизательности, — Что же, секрета здесь нет. Всё произошло около ста лет тому назад. Вашей

страной тогда правил светлейший тас Лиашанг. Он был умён, честолобив и с детства болел лошадыми, а когда увидел пегасов — задумал сделать из арганцев союзников. Мы изредка наведывались по ту сторону гор, низина нас особо не привлекала. Трудный путь сквозь горы, высокий перевал, да и торговля не приносила выгоду.

Император же намеревался подписать с нами договор об оказании взаимной военной помощи, рассчитывая заполучить целый отряд арганцев с пегасами для степного дозора, уж больно ему досаждали быстрые, как ветер, и прожорливые, как тучи саранчи, степняки. Кроме того его интересовал наш флот, могущий при надобности обогнуть континент за неделю.

Ты знаешь, что такое политический союз? Знаешь! Хорошо.

Император не был женат, а юная принцесса Аразлла как раз расцвела к тому времени. Долго правитель Аргании не соглашался на этот брак, но Лиашанг под видом секретаря посольства обманом проник в наши земли. Тогда мы еще пускали сюда чужаков. И как не следили за гостями, а упустили их встречу. Правду говорят, что судьба — девица упрямая, если задумала свести два сердца, ни перед чем не остановится. Погоревал отец, но любимой дочке отказывать не стал, да и сердцу не прикажешь.

И вот одним утром свадебный кортеж с принцессой вылетел в горы. Они переночевали в пещере Тин-Дага и... больше их в живых никто не видел.

Дара охнула, прижав ладони к щёкам. Воображение живо нарисовало: скалы, покрытые пятнами крови, хрипы лошадей, распостёртые крылья, изломанные фигуры людей и белое платье невесты.

Наставник помолчал, а затем ровным голосом продолжил, лишь только заблестевшие глаза выдавали его состояние.

— Они попали в засаду. Живым не ушёл никто.

— А принцесса? — не утерпев, перебила Дара.

— Пропала. Её судьба осталась неизвестна. Вместе с ней исчезли все драгоценности из приданого. Это было не просто ограбление, это был плевок в лицо Аргании.

— А что император? — тихо спросила девушка.

— Знаешь, — тас Лигран откинулся на спинку кресла, — мы даже не стали его убивать. Сама жизнь без любимой — худшее из возможных наказаний. Ведь он её действительно любил, так и не женился больше. Трон оставил сыну сестры, когда тот вырос.

Ну, а мы... вначале искали, искали везде. Наши люди платили огромные деньги за малейший намек, но все было тщетно. Нам смеялись в лицо, устраивали целые спектакли, чтобы выманить награду и... ничего. Ни следа, ни правдивого слова. Одна ложь и пустота.

Когда драгоценности из приданого стали появляться на шеях герцогинь и баронесс, мы построили усыпальницу, поставили хрустальный гроб... пустой. Прошло время надежды, пришло время мести.

Лучшие из наших парней ушли подмастерьями в кланы убийц и воров. Они учились этому поганому мастерству, ибо таково было условие возвращения чести нашему народу.

Перед тем как оставить трон, Лиашанг сделал нам последний подарок — призвал подданных вернуть приданое принцессы. Но сокровища лишь подскочили в цене. Вечное человеческое желание обладать чем-то запретным. Однако своей просьбой император развязал нам руки. Ничто больше не могло помешать вернуть украденное домой.

Мы не стали церемониться с теми, кто посмел присвоить себе честь Аргании.

После первой волны убийств, часть драгоценностей нам вернули, и за каждое мы выплатили двойную цену. Оставшиеся укрыли еще надёжнее, надеясь сбить нас со следа.

— Как можно рисковать жизнью ради бездушных камней? — поражённо воскликнула Дара.

— Ты ещё слишком молода, и не знаешь — чем больше крови на камне, тем он дороже стоит, ибо к его цене прибавляется стоимость человеческой жизни.

— Я понимаю, — задумчиво произнесла девушка, — вы возвращаете своё, но убийствами принцессу не вернуть!

— Даже, — наставник сделал паузу, — если Араэllu оставили в живых, прошло уже слишком много лет для одной человеческой жизни. Поверь, не стоит жалеть тех, кто умер, защищая награбленное. Они знали цену и её заплатили. Или тебе жалко графиню? Нет? Почему-то я не удивлён.

Но это ещё не вся история. После пропажи принцессы, в буре погибли два её брата, вместе с родным дядей. Мать-королева, не выдержав повторного удара, слегла. Король тоже не задержался на этом свете, передав бразды правления наместнику. С тех печальных пор, горный трон пустует без владельца.

Дара быстро закончила перевод, просмотрела ли, закралась ли досадная ошибка. Нет, все правильно. Взглянула на часы — до прихода наставника оставалось время. Значит, она успеет спуститься в конюшню и навестить Илька. Это

сокровище ей подарили месяц назад. Как подозревала Дара, исключительно, чтобы развеять последние сомнения оставаться или нет. И отказаться было нельзя. Как тут откажешься, когда на тебя смотрят огромными глазами с опаской, сомнениями и надеждой — возьмёшь или нет?

Ильку не повезло — умерла его хозяйка, несчастный случай. Тогда и решили сделать исключение из правил и подарить пегаса чужачке.

Непонятно почему, но тас Нурсах не оставлял надежды, что Дара определится с наградой, и при каждой встрече интересовался, не желает ли гостя нечто особенное, достойное оказанной услуги. Девушка лишь растерянно пожимала плечами — что можно желать, когда у тебя все есть — одежда, еда и даже книги?

— Может, что-нибудь из украшений? — настойчиво предлагал он.

В ответ Дара отрицательно мотала головой. После зрелища окровавленных драгоценностей под ногами, её мутило от одной лишь мысли о них.

Зато кое-кто запомнил, как загорались от восхищения глаза девушки при виде коней, как смогла довериться, выплакав боль на шее у пегаса.

— Прости, что не можем подарить жеребёнка, — Кристан провёл рукой по смолянисто-черной гриве, — но ты — не арганка, а значит, не знаешь, как нужно его воспитывать.

Дара кивнула, соглашаясь. Чтобы чему-то научить, нужно уметь это самому. Она же только начала постигать мудрость и суровость законов гор.

Отряд арганцев, спасший девушку из рук графини, по возвращении не забыл про неё. Через пару дней после исцеления, они заявили в полном составе. Принесли цветы, фрукты, медовые сладости. Много шутили, смеялись, говорили, что Дарг до сих пор не пришёл в себя после того, как его буквально залили слезами. Мол, скучает, передавал привет. Обещали показать долину, как только Дара окончательно поправится.

Улучив момент, девушка тогда спросила Кристана, почему не оставили на поляне, как хотели, почему забрали?

— Ты женщина, — последовал простой ответ, — с такими ранами не дошла бы. Проводить тебя мы не могли, проще было взять с собой.

С тех пор Кристан с товарищами навевались регулярно. Учили языку, помогали с занятиями, ненавязчиво рассказывали про обычаи, традиции. Иногда появлялись с друзьями. Когда Дара немного освоилась и подучила арганский, стали забирать на прогулки. Теперь за ней залетал кто-нибудь один и отвозил к остальным.

Дара улыбнулась, вспомнив пикники у водопадов — потрясающей красоты место, где любила собираться молодёжь. Ей даже удалось

подружиться с двумя милыми девушками. Жаль, что арганский она знала пока плохо. Дара не могла не заметить, как вздрагивали и напрягались арганцы, слыша речь жителя низин, и поэтому старалась не говорить на родном языке. И как хорошо, что всегда можно спросить незнакомое слово у Эсара или Тимьяра.

В Аргании лишь Ночная гвардия, да совет с Наставником говорили на языке загорных соседей. Именно отряды летучих гвардейцев терроризировали империю, выкрадывая драгоценности, отправляя на тот свет их владельцев.

Порядки в гвардии царили суровые — ни жены, ни детей, частые длительные вылазки на вражескую территорию и риск не вернуться домой. И все равно многие стремились попасть туда. Не было почётнее обязанности для арганцев, чем вернуть честь своей стране.

После водопадов, больше всего Даре нравился Белый город. Огромным цветком он распустился на побережье, обрамлённый жёлтой полосой пляжа. Голубые крыши выглядели сверху, словно капельки моря на бело-зелёном фоне, будто волна брызнула на берег, да так и застыла. Даре так полюбился морской город с его уютными улочками, яркими лавочками экзотических товаров, шумным базаром и солёным запахом моря, замешанным на терпких

ароматах пряностей, что она всерьёз подумывала попросить советника поселить её здесь.

— И ведь почти каждую неделю кто-нибудь сбегает на корабль, — вздохнул Тимьяр, разглядывая лес мачт в порту. Они стояли на набережной, выбрав укромное место, где не было толчеи и шума.

— Их возвращают? — тихонько спросила Дара.

— Если на чужой по дурости залезут, то да. А если к своим... Восточку домой и юнгой на службу. Зачем дарить человеку крылья, если у него в душе царит море.

— Ты не прав, — Гестар покачала головой, — когда корабль несётся на всех парусах — это почти полет, только очень низко над водой.

— Да я и не спорю, — отмахнулся Тимьяр, — и моряков весьма уважаю. Каждому своё. Кому-то горы, кому-то море. Главное, чтобы в жизни был выбор, а уж по какой дороге идти — дело каждого. Слышал, младший Рухана сбежал вчера в рейс.

— Да, ты что! — воскликнул Гестар, — вот старик-то огорчился. Он же клялся, что все его сыновья пойдут в гвардию и никуда больше, а тут такой «подарок». Представляю, как он рвал на себе волосы от огорчения, да поздно — парень небось и возвращаться побоится.

Гестар — темноволосый, как и все горцы,

командир еще одного отряда присоединился к их компании пару месяцев назад, когда вернулся из очередного рейда в Империю. Балагур и весельчак, он был мастером на разные затеи и развлечения. С ним девушка чувствовала себя легко и непринуждённо. А вот некоторые его побаивались — острый на язык Гестар мог высмеять любого, но тут же помириться, если остроты сильно кого-то обидели.

Как же он отличался от молчаливого уравновешенного Кристана. Сероглазый даже двигался неторопливо, словно обдумывая каждый шаг. И все-таки Дара именно его выделяла среди прочих арганцев, как своего спасителя из цепких лап графини.

— Знаешь, что означает твоё имя в Аргании? — спросил однажды Кристан, — Оно переводится, как цветок ночи — небольшой с черными лепестками и красивый, как ты. Цветёт только по ночам на высоких лугах.

— Ночная фиалка, — догадалась девушка, — в Империи тоже растёт такой цветок, — она тряхнула отросшими до плеч волосами, улыбнулась, — но по ночам я сплю.

— Зато у тебя черные волосы и глаза, а когда ты улыбаешься — словно расцветаешь.

Дара покраснела. Ухаживания Кристана ей нравились, как и сам гвардеец, но сердце не

торопилось с выбором. Ещё не зажили нанесённые раны, не стёрлась память о боли. Наверное, поэтому каждое утро, находя на подоконнике букет фиалок, девушка не искала дарителя цветов.

Кроме Гестара с ними часто выбирался на прогулки Тукхан — молчаливый здоровяк с застенчивой улыбкой из отряда Гестара. Даргей, еще один арганец, был единственным не гвардейцем из их компании, зато его интеллекта смело хватало на всех здоровых и сильных. От него Дара узнала и про таможду на островах, и про торговые законы, и даже про то, как отличить поддельный камень от настоящего и многое другое. Как и большинство арганцев, Даргей был темноволосым и голубоглазым.

Все они хорошо относились к девушке. Но иногда Дара ловила себя на мысли, что их забота носит оттенок некой настороженности. Так родственники наблюдают за тяжело больным ребенком, ловя малейшие признаки ухудшения здоровья.

Слава Создателю, про прошлое её никто не спрашивал, да и сама Дара кроме приюта не готова были ничего вспоминать.

Дара быстро шла по коридору в конюшню. Провела рукой по карману платья — не забыла ли положить кусочек сахара, нет на месте.

Ильк оказался жутким сладёнам, и девушка

его беззастенчиво баловала, не взирая на все ворчания Кристана. Зато Илька можно было гладить, целовать в бархатный нос и ни капельки не бояться, не то, что боевых монстров гвардейцев.

Она спускалась по лестнице, когда впереди слышались мужские голоса. Фраза: «И когда ты собираешься все рассказать Дариэлле?» заставила её замедлить шаг и застыть, затаив дыхание. Девушка аккуратно выглянула из арки. Впереди в галерее стояли двое, боком к ней: неизвестный и тас Нурсах. Вопрос задал последний.

— Сначала я должен с ней побеседовать, а потом уже принимать решение. Вдруг она все ещё не готова услышать правду?

— Думаю, тут никто не будет готов услышать, что является законной наследницей на горный трон.

— Друг, — тяжело вздохнул незнакомец, — ты видел её, общался. Как она?

— Как мы все в юные годы — наивна, неопытна, но добра, мила и искренна. Я не почувствовал в ней лжи. Да, она рассказала только про детство, но ты сам понимаешь почему.

— Да, понимаю. Мне уже доложили. Представить не могу, что принцесса, будущая королева и продажная женщина. Но это полбеды, пережили бы! Не страшно, что не обучена и не знает законов, языка — выучили бы. Совет поддержал бы, не дал наделать ошибок. Но

Тао-Ресак! Всем известны дурные наклонности графини. Одному создателю ведомо, успела она отравить душу девушки или нет. И более всего осознавать, что кому-то из моих сыновей по законам гор придётся жениться на ней. Я даже представить не могу, какой сложный выбор им предстоит — трон и страна или собственное счастье.

Дара зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Пора уходить, пока она не выдала себя. Шаг, еще шаг и напоследок доносится фраза.

— Наместник, я не был бы так категоричен в отношении Дариэллы. Ваши сыновья довольно часто встречались с девушкой, может у них другое мнение в отношении этого брака?

Глава 4

Стыд, ярость, обида и злость — всё смешались в противоречивый комок эмоций.

— Как, как они могли?! — билось в голове. Заманить в страну, скрыть, что она — потомок королевской семьи, правда, непонятно откуда узнали, улыбаться всё это время и думать лишь об одном, как такая падшая женщина может занять горный трон — позор для Аргании! Как могли обманывать, лгать, глядя в глаза... а сами лишь оценивали, взвешивали шансы вылепить из неё

что-то достойное. Вот и объяснение хорошим учителям, отдельным комнатам и постоянному присмотру. Как она могла думать, что здесь каждой проходимке выделяют отдельные комнаты во дворце! Дура!!!

Когда схлынули первые эмоции, и Дара захлопнула за собой дверь комнаты, к ней вернулась способность рассуждать здраво.

Ну, действительно, какая из неё королева — смех, да и только. Ничего не умеет, не знает, на публике впадает в полуобморочное состояние, речь произнести — настоящая пытка. Нет, такая королева — позор для Аргании. Выход один — бежать и прямо сейчас. Жили же они как-то без неё и дальше прекрасно проживут. Наместник опять же страну до процветания довёл, пусть и дальше шлифует. Сыновья у него есть, вот и наследники для трона. А если им не даёт на это право существование Дары, так пусть не волнуются. Она здесь больше не появится. Жаль, детей завести не придётся, чтобы окончательно род прервать. Но это ничего, потерпит. Главное, спрятаться хорошенько, чтобы не нашли, не вернули. Поищут и забудут. Не впервой им принцесс терять.

Прав, наместник, прав. Ну, какая из неё жена? С таким-то прошлым? Пусть и не случилось ничего в весёлом доме, пусть обошлось, вот только ту грязь из души так просто не вычистишь. Две недели

всего была, а казалось — целую жизнь. Чего только там не насмотрелась, каких только слов не набралась! Пёс заставлял обучать новенькую. Нет ничего проще, чем светлое замарать, а вот отмыть потом, ой, как тяжело. И графиня... склизкой змеёй в душу вползла. Пробудь Дара там хоть пару дней, страшно представить, что было бы.

Арганцы совсем другие. Для них брак — священен, один и на всю жизнь. Разрывы крайне редки. Дара встречалась с другими девушками — белые лилии вместо душ. И тут она... чёрная фиалка. Не на это ли намекал Кристан?

И эти красавцы, тоже хороши. Заботились они, видите ли, о Даре. Дружили.

Сколько сыновей у наместника? Два, три? И кто из них маскировался под друга? Вот позор-то какой! Все вокруг были в курсе, что кому-то из сыновей придётся жениться на меченой принцессе. Предатели! Вот этого обмана она им не простит.

Но обида, обидой, а портить кому-то личную жизнь из-за внезапно свалившегося трона, она не собирается. Хватит, пожила в довольствии, ухватила свой кусочек счастья, пора и честь знать.

Дара заметалась по комнате, собирая вещи. Штаны, пару юбок попроще, рубашки, одеяло, тёплый жакет, сменную обувь, ещё немного полезных вещей для дороги.

Теперь записку с извинениями учителю, что

она летит на побережье вместе с Кристаном. Мол, там приплыл корабль с животными, и ей очень хочется на них взглянуть. Если все пройдет удачно, хватятся её только завтра утром.

Дальше степенным шагом на кухню с пустым мешком в руках.

— Шайгар!

— А, маленькая Дари, — улыбается повар, — что опять на пикник?

Она кивает.

— И опять с этим прожорливыми созданиями? Ладно, ладно, положу побольше. А то, знаю я их. Сами все съедят, а тебе не достанется. И так худая — кожа, да кости.

— Будет, вам, Шайгар, — смеётся девушка, — благодаря вашим чудным пирожкам у меня даже животик появился.

— Эээ, какой-токой животик? — повар свернул ладони трубочкой, разглядывая фигуру Дары, — одну немочь худосочную вижу. Пирожков положу побольше.

— Помочь донести, Дари?

— Спасибо, Шайгар, справлюсь. До конюшни недалеко.

— Держи еще бутылку травяники, а то вдруг пить захочется.

— Вот за это — спасибо! — Дара искренне улыбнулась. Местная травяника — лучшее средство

от жажды, кроме того она прекрасно поддерживает силы, а силы ей ещё, ой, как понадобятся.

Нагруженная припасами девушка вышла во двор. Дара старалась ничем не выдать охватившее её волнение — ещё чуть-чуть и она вырвется отсюда. Встречные слуги не обращали никакого внимания на медленно идущую девушку, привыкли, расслабились — не пленница же, а гостя на особом положении. А вот и конюшня.

— Дядько! — крикнула Дара, заглядывая в царящий внутри полумрак. В ответ полумрак зашевелился, засопел, зафыркал, перестукивая множеством копыт по дощатому полу.

— О! Даришка пожаловала! — сбоку вынырнул конюх и, прихрамывая, направился к девушке.

Дядько раньше служил в гвардии, но на одном из заданий повредил ногу, а главное — потерял собственного пегаса. Его самого, раненного, чудом вывезли товарищи. Остаться среди своих наставником Дядько не захотел, и попросился в конюшню, поближе к пегасам.

Вот его Дара побаивалась — бывший гвардеец мог раскусить план побега.

— Куда собралась, птичка ранняя?

— Кристан звал на водопады.

— Что ж, дело хорошее. А где же твой красавчик?

— Сюрприз хочу ему сделать, — Дара потупилась, — подожду на белой скале.

— Одна, значит, — Дядько потёр подбородок, девушка замерла — позволит или нет? — а не заблудишься?

— Разве можно тут заблудиться, когда её отсюда видать.

— Видать-то, видать, — конюх задумчиво покачал головой, пожевал губы, потом махнул рукой, — ну, да ладно. Ильк — надёжный, довезёт. Да и ты на нем уже хорошо держишься. Давай, оседлаю. Принеси мне попону теплую, да одеяло себе возьми, а то опять на камнях сидеть будете.

Дара прошла в дальний конец конюшни, выбрала попону, взяла с полки одеяло, потом воровато оглянувшись, подхватила с полу мешок овса. Быстро отсыпала в пустой мешочек пару мер, сверху бросила жакет.

Когда вернулась, Дядько уже заканчивал седлать Илька. Пегас радостно заржал, потянулся к Даре.

— Ты — мой хороший, — она дала ему кусочек сахара, затем провела ладонью по бархатному носу, — обещаю, все будет хорошо, — еле слышно прошептала, сглатывая комок слез.

— Чтой-то ты загрустила, — выглянул из-за крупа конюх, — али поссорилась с кем?

— Нет, просто сон дурной приснился, —

отмахнулась девушка, кляня в душе Дядько с его пронизательностью.

— Ну, это дело проходящее. Полетишь, развеешься, мигом все забудешь, — рассудил конюх, — Кристану, привет!

— Обязательно передам.

Дядько споро пристегнул к седлу мешки с одеждой, едой, свернул попону, подвесил сложенное одеяло. Под его суровым взглядом девушка повязала тёплый плащ, хоть на улице и было солнечно, а день обещался быть жарким.

Горы не любят легкомысленного к ним отношения. Здесь погода переменчива, как настроение младенца, здесь даже на лёгкую прогулку берут тёплую попону для коня и плащ для себя.

Дара до последнего ждала окрика в спину: «Стой!», но нет, обошлось. Ильк радостно заржал, расправляя крылья.

Пара подскоков, и они взмывают в нежно голубое небо, направляясь к белой скале. Девушка даже не сомневалась, что Дядько проследит за тем, куда они полетели. Но это не страшно, её путь все равно лежит в ту сторону.

Хорошо, что Кристан с утра ушёл в море на рыбалку, и во дворце сегодня не появится. Была у Дары надежда, что о его планах мало кому известно, и ложь вскрыется только завтра.

Ей вспомнились слова Нурсаха: «Ваши сыновья довольно часто встречались с девушкой». Мысль о том, что Кристан может оказаться сыном наместника оказалось довольно неприятной. Более того, Даре вдруг нестерпимо захотелось, что он был простым арганцем, через пару лет разыскал её в Империи, и тогда они бы улетели вдвоём далеко-далеко.... Увы, Кристан — настоящий арганец и никогда не предаст закон гор.

Дара решительно отбросила глупые мечты и сосредоточилась на маршруте. План побега был прост, и пока все шло хорошо.

В Империю из Аргании вели два пути. Первый — короткий через перевал выходил практически в центр страны, до столицы рукой подать, и гвардейцы использовали короткий, но более опасный путь, не желая привлекать к себе лишнего внимания.

Второй — более долгий, шёл по пологой части Джуйского хребта, сплошь искорёженной сетью глубоких ущелий. Этот путь выходил на окраину Империи, и последний раз им пользовался свадебный кортеж принцессы.

Дара прекрасно понимала, что перевал ей не по силам, а вот в ущельях легко затеряться. Там её будет трудно отыскать, главное — самой не заблудиться. Как она помнила, ущелья, хоть и пересекались друг с другом, шли в сторону

Империю.

Обогнув белую скалу, Дара направила возмущённо фыркнувшего Илька вглубь горного массива.

— Не бойся, — похлопала по шее, — как только прилетим, отдохнёшь и отправишься домой, а я..., — она вздохнула, — останусь.

Решимость, владевшая ею до этого момента, постепенно таяла, как туман внизу в горах. Она прикусила губу, смаргивая непрошенные слезы.

Судьба странным образом плетёт своё кружево. Если бы Дара не попала к Тао-Ресак, то и не встретила бы арганцев, не оказалась бы в королевстве, не узнала бы о своем происхождении. И в тоже время, не попади она в веселый дом и затем к графине, кто знает, как сложилась бы её судьба в Аргании, может уже и корону примеряла бы.

Через пару часов полёта углядев небольшой водопад, Дара отправила пегаса вниз. Рассёдлывать не стала, лишь сняла мешки. Ильк с довольным видом потрусил к видневшейся среди камней зелёной траве. Сама девушка умылась ледяной водой, набрала полный кожаный мешок — неизвестно встретится ли им дальше вода, а пегасу нужно пить.

Отдохнув полчаса, они полетели дальше. Ярко голубое небо радовало своей безлюдностью, значит,

её побег до сих пор не обнаружен.

Солнце высвечивало каждую чёрточку проносящихся под крыльями скал. Дара боялась потерять направление и пока держалась над горами. Невысокие отроги серыми каменистыми змеями извивались внизу, их шкуры местами расцветчивал серо-коричневых мох, голубыми глазками поблёскивали редкие озерца.

Лишь когда Ильк нырнул в первое ущелье, девушка вздохнула с облегчением. Первая часть пути преодолена.

Место для отдыха она высматривала долго — кругом острыми зубьями торчали скалы, спускаться вниз было опасно, а наверху — те же камни, ни одной ровной площадки. Наконец, сбоку показался уступ, достаточно широкий, чтобы на него сесть.

Дара расседлала пегаса, дала остыть, затем накормила овсом, напоила. Ильк требовательно ткнулся носом в плечо.

— Держи, сладкоежка, — она протянула кусочек сахару, — но больше не дам. Воды у нас с тобой только этот мешок.

Сама Дара, не смотря на полуденный час, не смогла заставить себя поесть. Оставшуюся часть отдыха она провела сидя на уступе, бездумно глядя на отвесную стену ущелья, возвышающуюся напротив. Думать о будущем не хотелось, переживать о прошлом — не было сил. Побег отнял

все, выжал досуха. Жутко хотелось спать, но эта роскошь ей была пока недоступна. Да и ночь предстояло провести в горах. Пожалуй, место для ночёвки стоило выбрать заранее. А завтра к обеду, если все получится, она увидит зеленые холмы Империи.

Кристан стоял, облокотившись о перила борта. Внизу пенились волны, с шипением обругивая разрезавший их корпус корабля.

— О чем задумался? — спросил Даргей, вставая рядом.

— Гроза, какая с гор заходит, — арганец кивнул на темно-лиловую часть неба, повисшую над Джуйским хребтом, — пора к берегу заворачивать. А то угодим под шторм. Ишь, как быстро идет.

— Уже. Капитан отдал команду держать курс на острова, до берега боится, что не успеем.

— Хорошо, что Даризэllu не взяли с собой. Хотя, веришь, тревожно как-то на сердце. Странно, она ведь во дворце, и все должно быть в порядке, а все равно не по себе.

— У меня тоже тревожно на душе, — Даргей помолчал, потом добавил, — с Быстрого просигналили, что корабль наместника на рассвете причалил в порту.

— Давно пора, — кивнул Кристан, — значит, завтра во дворец?

— Куда деваться. Он же захочет со всеми побеседовать, а потом уже будет принимать решение. Уверен, тебе не стоит бояться за Дариэллу — она хорошая девушка, и ему понравится.

— Я боюсь не за нее, а за нас. Мне кажется, мы настолько привыкли жить без королевской власти, что теперь будем искать любой предлог, чтобы не посадить Дару на трон.

— Может, ты и прав. Главное, не обидеть её этими поисками. Если мы потеряем принцессу второй раз по собственной глупости — мы потеряем себя.

Дара несколько раз заставляла Ильяка перелетать в соседние ущелья, как только между скалами виднелся подходящий перевал. Кто знает, как хорошо эти горцы могут идти по следу. За то время, которое девушка провела в королевстве, она не раз сталкивалась с необычными вещами. Все эти каменные дворцы, изящные интерьеры, таинственные прииски, странные камни, а что говорить про пещеру прародительницу, о ней Дара ведала лишь название. Теперь, когда ей была известна настоящая причина пребывания в Аргании, подобные недомолвки превращались в обиду. Раз не захотели посвящать чужачку в свои тайны, значит, не были уверены, что она останется.

«Нет, побег был верным решением», — окончательно убедила себя Дара.

Когда на вершушках скал легли первые розовые проблески заката, она начала высматривать место для ночёвки. Как назло ущелье впереди, словно топором обтесали — сплошь отвесные скалы. Нужно было рискнуть подняться и перелететь в соседнее ущелье, может там повезёт, или сверху сможет присмотреть что-нибудь подходящее. Не хотелось бы ютиться ночью на узком пяточке.

Дара направила пегаса вверх. У самых вершушек скал резкий порыв ветра чуть не сбросил их на камни. Сердце девушки сжалось от дурных предчувствий, но слева небо было безмятежно голубым, а вот справа — она бросила взгляд в ту сторону и обмерла от страха. Огромная завораживающе-черная смерть заняла всю правую часть неба. Она была близка, очень близко. Внутри облака уже колыхалась буря, раскидывая слепящие ветви молний. Раскаты грома еще звучали глухо и невнятно, словно туча раскачивалась, тихонько ворча, чтобы потом налететь в одно мгновение, превратив ясный погожий день в дикий хаос с оглушительными раскатами грома, тучами мусора и пыли в воздухе, белыми змеями на черном небе и под конец сплошными потоками воды.

— Вниз! — закричала Дара, но было уже поздно. Сильный порыв ветра, словно игрушку, подхватил коня, закрутил, перенёс через гряду, а

затем с силой швырнул на скалы. Ильк изогнувшись, оттолкнулся от камней, но крыло спасти не успел.

Сквозь шум бури Дара не слышала, как хрустнуло сломанное крыло, скорее почувствовала, как вздрогнул пегас, а затем они стремительно понеслись вниз. Ильк пытался держать равновесие вторым крылом, но скалы острые, прямые, равнодушные в своей твердыне были повсюду.

Удар — Дару выбросило из седла, она прокатилась по дну ущелья, а затем потеряла сознание.

Очнулась от потоков воды, стекающих по лицо. Первые секунды сознание слабо пыталось понять, где оно и что с ним, но память вернулась, принесла боль и отчаянье.

— Ильк! — Дара попыталась встать, голова отчаянно кружилась, а ноги дрожали, — Илькушка! — она плача, поползла назад, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь потоки дождя.

«Только бы жив, только бы жив», — шептали губы. Она протянула руки, дрожащими пальцами нащупала холодную мокрую шкуру коня. Грива слипшимися сосульками свисала вниз, крылья — гордость и красота пегасов, теперь изломанные с выдранными перьями раскинулись на камнях.

— Прости, прости, — Дара приникла к шее коня, — прости меня, это я — дура со своей

гордыней. И зачем только сунулась в эти горы? Как же я без тебя, Ильк? Я же не смогу дальше. Ильк, ну очнись, Илькушка. Клянусь, никогда больше не пожалею тебе сахару. Только живи, умоляю, живи.

Губы шептали что-то бессмысленное, руки гладили гладкую шкуру, перебирали гриву, а небо равнодушно взирало на них, плача из-за своей собственной беды, неизвестной никому из копошащихся внизу существ.

— Илькушка...., милый, — слабое ржание донеслось до девушки.

«Жив!» — радостно забилося сердце, и разом забылись собственные беды, стало важным лишь одно: «Он будет жить! Должен! Не будь я... а, не будь я — принцессой Аргании!»

Первым делом долой седло и мешки. Некогда распутывать намокшие верёвки, вот и пригодился кинжал — подарок Тимьяра. Они тогда собирались на праздник начала лета, а парадный костюм горца без кинжала немыслим, как у мужчин, так и у женщин.

Теперь проверить повреждения. Крылья она трогать не будет, там даже на вид ничего хорошего. Больше всего Дару беспокоили ноги. Если перелом... нет, даже думать об этом страшно. Она аккуратно проверила все четыре. На правой обнаружился глубокий порез. Хорошо бы это был только порез. Но времени на детальный осмотр нет.

Нужно найти укрытие, в крайнем случае, место повыше. Скоро по дну ущелья потечёт ручей, и оставаться здесь нельзя.

Как не хотелось ей покидать коня, но пришлось. Стена ущелья ещё проглядывалась сквозь серые сумерки, да и дождь стал пореже. Вроде бы справа что-то темнело. Ей повезло — сказочно. Второй раз за сегодня. Неужели горы смилостивились и перестали мстить за то, что она посмела бежать?

Это не было даже пещерой — углубление под нависшей скалой, но в глубине сухо, а по краям валялись принесённые весенними ручьями сучья.

Перенести вещи и седло было самым простым делом, но что делать с Ильком? Даже если каким-то чудом ей удастся втащить его на попону, она все равно не сдвинет коня с места. Как же быть?

Пегас следил за её перемещениями и жалобно ржал, если она скрывалась из виду.

— Потерпи, милый, все будет хорошо, — уговаривала она его и себя.

Умный конь сам понял, что от него требуется. Неловко качнулся, пытаясь встать. Девушка охнула и бросилась на помощь. Она тянула, напрягая свои невеликие силенки, и чуть не упала, когда Ильк, встав с третьей попытке, положил голову ей на плечо. Дара закачалась, но устояла. Медленно, шаг за шагом под уговоры девушки: «Ну, еще

чуть-чуть, мой хороший, давай, еще немного. Вот умница», они все-таки дошли.

К радости Дары, Ильк хоть и прихрамывал, но на правую ногу немного приступал.

Теперь первым делом тепло и свет. Она собрала сучья, достала из мешка один из двух горючих камней, которые прихватила из камина собственной комнаты. Знала же, что в горах ночевать придётся.

Огонь разгорался неохотно, с трудом отдавая тепло. И все же с ним стало гораздо веселей.

Дара развернула попону, сухой частью тщательно обтёрла коня, затем попыталась с помощью мешков и попоны сделать хоть какую-то преграду для ветра и капель дождя.

Теперь пришло время заглянуть в аптечку. Её Даре вручили вместе с Ильком, и выучить заставили, что от чего применять надо. Жаль, только, что здесь опытный врач нужен, а не новоиспечённая любительница.

Так, противовоспалительная мазь — обработать рану на ноге и перевязать. На бинты пустить белую рубашку. Набрать ровных палок, и приступить к самому сложному — крыльям.

Дара от сосредоточения закусила губу, даже дышать старалась реже, чтобы руки не тряслись. Выпрямить кости, разгладить перья, наложить палки и примотать покрепче. И так повторить

несколько раз, пока оба крыла не стали похожи на белые замотыши. Теперь закрепить их на спине, чтобы не мотались в воздухе, и без сил рухнуть около костра.

Ильк мужественно перенес лечебные процедуры, лишь тяжело дышал, с присвистом, сквозь который изредка прорывались жалобные стоны. И тогда сердце девушки замирало, на глаза наворачивались слезы, а руки начинали мелко трястись.

— Потерпи, милый, потерпи, — бормотала она, смахивая с ресниц слезы.

Когда закончила, бросила на камни запасной плащ, расстеленное на просушку одеяло было еще мокрым, под голову положила седло и попыталась заснуть. Дара понимала, что сон необходим, силы ей завтра, ой, как понадобятся, вот только испуганное сердце продолжало биться в груди, не желая успокаиваться.

Стихший было дождь, зарядил с новой силой. Небольшой костер не мог спрятать от непогоды усталую путницу и покалеченного коня. Было зябко, холодно, неудобно, а еще очень страшно. Страшно за Илька — как она теперь отправит его домой? В Империи такой конь — обвинение в измене и верная смерть. Пегаса продадут, а её казнят, как шпионку Аргании.

Что же, сейчас у Дара одна забота —

поставить Илька на ноги, точнее на крылья. Удаляться от гор нельзя. День пути, максимум два, найти убежище и ждать, пока он поправится. Если нет... если повреждения окажутся слишком серьезными, и пегас не сможет летать... Нет, Дара даже думать об этом не хотела. «Все будет хорошо», — убеждала она себя.

Ночью, замерзнув, она подползла под теплый бок коня, так и заснула, положив голову ему на живот.

Утром заочневшее тело отказывалось повиноваться. Привыкло оно спать в мягкой дворцовой постели, а не на голых камнях.

Солнце еще не поднялось над горами, утро было серым и промозглым. Редкие клочки тумана ютились по дну ущелья, лишь добавляя унылых красок, а наверху стремительно бежали тучи, обещая расплакаться при первой возможности. Наступал последний месяц короткого лета, по ночам становилось уже прохладно, но днем Дара надеялась, будет тепло.

Девушка не стала разжигать костер, наскоро перекусила холодным мясом, съела сыр и пару сладких булочек, напилась травяники. Её морозило, голова болела и немного кружилась, но Дара не обращала внимания на собственное недомогание. Хоть ей и плохо, но Ильку еще хуже — со сломанными крыльями и пораненной ногой.

Девушка поменяла повязку, проверила, не ослабли ли узлы на самодельных лубках, добавила еще несколько полосок ткани, чтобы крепче зафиксировать палки. От овса Ильк отказался, а вот воду выпил охотно, почти полностью осушив мешок. «Значит, первым делом ищем воду», — решила Дара. Теперь нужно было уговорить пегаса идти дальше. Остаться здесь, на голых камнях — верная смерть.

Умница Ильк послушно поднялся, хоть и на дрожащих ногах, но сделал несколько шагов.

— Ты у меня самый лучший, — чмокнула его в нос Дара, стряхивая набежавшую слезу.

Половину багажа пришлось оставить под скалой — ей просто не утащить столько. Чтобы не травмировать крылья, на спину коня девушка уложила одеяло и попону. Сама взяла еду, немного одежды, лекарства и разных полезных мелочей, без которых им просто не выжить.

— Что же, в путь!

Пошла впереди, поминутно оглядываясь. Сзади, прихрамывая, ковылял Ильк.

Дара не знала, как далеко им удалось улететь, но явно преодолено больше половины пути, а значит, идти до Империи ближе, чем возвращаться назад. Да и не хотелось девушке признавать себя побеждённой. «Я справлюсь, — твердила она про себя, — не сдамся. Вылечу Илька, отправлю домой,

и буду сама устраивать свою жизнь без всяких принцесс и арганцев».

Впереди ущелье раздвоилось. Дара заглянула в одну сторону, затем в другую и радостно вскрикнула. Второй путь уходил вниз, но главное — в углублениях блестела дождевая вода.

Ильк заржал, почуяв воду. Шли они уже долго, и пегасу давно хотелось пить. Около первого же маленького озерца Дара устроила привал. Конь долго и с чувством пил, фыркая, жадно втягивал воду.

Это ущелье оказалось настоящим спасением для них. Здесь было много небольших луж, полных воды от прошедшего ночью дождя. Из некоторых до сих пор текли вниз ручьи. Ильк осторожно ступал по скользким камням, а вот Дара шла, плюхая босыми ногами и поднимая брызги. Ботинки она связала и повесила на шею. Мешки давили на плечи, усталое тело просило отдыха, но девушка упорно шла дальше. Осознание, сколько мало еды осталось для коня гнало её вперед. Лишь когда Ильк начинал отставать, она устраивала привалы.

Дара старательно вглядывалась в серые камни ущелья — вдруг мелькнет зеленый куст или кривое деревце, неведомо как проросшее на скалах. Каждой травинки она радовалась, словно сокровищу.

Уже к вечеру пегасу явно полегчало. Он шел все уверенней. И девушка, как могла, поддерживала его силы. Яблоки, хлеб — все ему. Овес, она сэкономила, стараясь оттянуть неизбежное.

— Ильк, смотри, какой куст! Какие жирные листья! Погоди, я наклоню верхнюю ветку. Вот видишь, Ильк, какие мы везунчики. В скалах и такой славный куст нашли. А что дождь опять пошел, не беда. Главное, что теплый и не сильный. Мы же не сахарные Ильк, не растаем.

Глава 5

— Уважаемые тасы, — окрик Лиграна застал их при входе на главную лестницу гостевого дворца, — я, конечно, понимаю, молодость, увлечения, но впредь прошу запомнить — Дариэлла должна ночевать в своей комнате. Неприлично ей останавливаться в гостевых домах.

— Где она? — рыкнул Кристан, делая шаг к наставнику принцессы.

— Разве не с вами? — побледнел Лигран, — но записка...

Кристан не стал дослушивать до конца, а развернулся и бегом помчался в конюшню.

— Мы вчера целый день были в море, а ночь из-за бури провели на островах, — пояснил Тимьяр, направляясь вслед за Кристаном, — с нами не было

Дариэллы.

— О, Создатель! — потрясённо проговорил Лигран, следуя за ними, — как я мог так ошибиться?

— Мы привыкли ей доверять, — пожал плечами Гестан, — интересно, что же здесь вчера произошло?

— Она улетела вчера утром, — Кристан встретил их на пороге, за его плечами маячил бледный Дядько, — сказала, что хочет сделать сюрприз и встретить меня на Белой скале. Туда и направилась. Когда не вернулась вечером — особо никто тревожиться не стал. Шла сильная гроза, и все решили, что мы остались переночевать в близлежащем поместье.

— Или на побережье, — хмыкнул Даргей, — девочка отлично замела следы.

— Не говори так, — насупился Тимьяр, — я не верю, что к побегу она готовилась заранее. Возможно, что-то стало причиной такого поступка.

— Мы все знаем, что причиной спешного побега могло стать возвращение наместника, — нахмурившись, сказал Кристан, — не будем терять времени, нужно поднимать гвардейцев. Пойдем пятью отрядами к перевалу. Обшарим каждый закоулок. Дариэлла не слишком опытный наездник. Всякое могло случиться.

Уже в пути, Даргей подлетел к Кристану.

— Я вот, что не понимаю, — прокричал он, пересиливая порыв ветра, — она торопилась, а поворот к Белой скале — это лишний крюк и довольно большой. Чтобы вернуться к дороге на перевал, ей пришлось фактически пролететь мимо дворца, а ведь для нее это было нежелательно — могли заметить.

— Меня тоже это мучает, — крикнул в ответ Кристан, — я бы сам полетел к Белой скале лишь в одном случае, если рассчитывал вернуться в Империю через ущелья Джуйского хребта.

Он резко натянул поводья, пегас недовольно захрипел, расставил крылья, тормозя полет.

— Если ты прав, — Кристан нахмурил брови, — мы идем по ложному следу. Дариэлли следует искать совсем в другой стороне.

— Если я прав, — Даргей тоже притормозил коня, — она уже второй день в горах, и одному Создателю ведомо, что с ними могло случиться.

— Буря, — прошептал Кристан, бледнея.

— Предлагаю разделить отряды. Часть отправить к перевалу, остальные пойдут к ущельям.

— Согласен. Хоть найти их там будет нелегко, но Эсар обещал помочь. Вперед.

Отряды разделились, двумя группами отправившись на поиски.

Едва сиреневые сумерки стали вырастать из расщелин скал, Дара принялась искать место для

ночлега. Она уходила на пару десятков метров вперед, заглядывала в каждую щель — тщетно, ничего подходящего.

Впереди показался обвал, рухнула верхняя часть скалы, открывая проход в соседнее ущелье. Дара сбросила мешки, поднялась по обвалу вверх, и вот — удача! Прямо перед ней на противоположной стороне склона сияло черное отверстие пещеры. Девушка радостно вскрикнула и отправилась на разведку. Пещера оказалось неглубокой и вполне подходящей. Теперь оставалось перевести через обрушившуюся скалу Илька.

Дара вернулась, с сомнением оглядела обвал. Убрала несколько особо опасных камней и аккуратно перевела пегаса на ту сторону.

Укладываясь на ночлег, она достала второй горючий камень, подожгла его. Хоть какое-то, но тепло. Жаль, веток собрать не удалось. Нечем подкормить огонь, а самого камня хватит ненадолго. Скромный ужин и долгожданный отдых. Вытянуть ноги, укрыться плащом, обнять пегаса за шею и... провалиться в сон.

Пафнорий, настоятель храма Единого Создателя, тяжело поднялся с колен. Как только утром стало известно о побеге принцессы, он вылетел из Белого города, где отдыхал после долгого путешествия, и отправился в храм. Здесь с полудня молил о снисхождении к девочке, о

помощи отрядам в её поисках. Горы всегда отвечали на его мольбы, иногда показывая даже больше, чем он просил. Для арганцев почти вечные камни были воплощением силы Создателя, а дух, обитавший в пещере Прародительницы — их надёжным хранителем.

Но сегодня больше ждать нечего. Горы приняли решение и его не изменят. Увы, в помощи им отказано, более того, Дариэлли скроют от поисковых отрядов.

Пафнорий нащупал прислонённый к стене посох, с облегчением опёрся на него. Да-а, задержался он на этом свете, вот уже и ноги не стоят без поддержки куска дерева. Устал, ох и устал настоятель ждать. Вставать каждое утро с мыслью — может, сегодня исполнится пророчество матери-королевы, и в Арганию придёт последняя из рода Лэардан.

— Ну, как? — кинулся к нему навстречу наместник, едва Пафнорий вышел из пещеры.

— Увы, — тот беспомощно развел руками, — она не вернет Дариэлли в Арганию. Девочка сделала свой выбор, и горы его приняли. А тебе просили передать, что не вовремя сказанные слова могут многое разрушить.

— О, Создатель! — простонал наместник, — значит, она слышала наш с Нурсахом разговор. Какой позор на мою голову! Не прощу, если с ней

что-нибудь случится.

— Успокойся, — настоятель ободряюще похлопал его по плечу, — она жива, и горы о ней позаботятся.

— Позаботятся! — эхом отозвался наместник, — это мы должны были о ней позаботиться. Веришь, я ведь хотел, как лучше. Думал, выдать Даризеллу замуж. Пусть выбрала бы кого, достойного, хоть из моих — слово бы не сказал. Неволить не стал бы, да трон навязывать. А уж из детей мы бы воспитали настоящих наследников.

— Эх, Эльзар, — покачал головой Пафнорий, — разумом жизнь наладить пытаешься, а сердце все равно вмешивается. Боюсь, моих сил не хватит дождаться, покуда ты достойнейших воспитывать будешь. Да и не нам с тобой судить о достоинствах чужих.

— Ты прав, насудился уже. Последняя принцесса из родной страны сбежала.

— Не кори себя. Нам не ведомы пути Создателя. Какими бы сложными они не казались на первый взгляд, мы никогда не знаем, что в итоге получится. Мне не ответили отказом на вопрос, вернется ли девочка сюда. Значит, есть надежда.

— Надежда! — лицо наместника просветлело, — Хорошо, я не стану отзывать отряды, может им удастся найти её в Империи, а

пока отправлю людей по следам прошлого принцессы. Пора узнать правду. Не бойся, не из любопытства хочу знать о её жизни, лишь из желания не нанести большей обиды.

Кристан гнал пегаса изо всех сил. Слишком много потеряно времени, ведь беглянка больше суток назад улетела из дворца. Страшно подумать, что могло случиться с неопытной наездницей во время бури, свирепствовавшей над горами прошлой ночью.

— Есть след? — крикнул он Эсару.

— Да! — ответил тот, уверенно сворачивая в ущелье.

Солнце уже клонилось к закату, когда арганец внезапно издал предупреждающий крик и жестом показал вниз — снижаться. Отряд медленно и аккуратно опустился на дно ущелья. Здесь в глаза сразу бросились следы трагедии: выдранные перья с засохшей кровью, обрывки веревок, ремней, а чуть поодаль под скалой остатки стоянки.

— Они упали, — Даргей поднялся с колен, держа в руках несколько перьев, — пегас скорее всего сломал одно крыло, а то и два. Судя по тому, что его расседлали, перевязали — девушка не пострадала. Ночь провели вон там под скалой, а затем отправились пешком.

— Хорошо, — Кристан с хрустом сжал кулаки, — мы успеем их догнать до темноты.

Далеко они не могли уйти. Эсар, что со следом?

— Прости, командир, ерунда какая-то. Вот только что чуял их, а затем, как отрезало. Ничего, пустота.

— Что значит пустота? — взревел Кристан.

— Э-э, не в том смысле, что их нет в живых, нет, ты не подумай ничего дурного. Просто, перестал их ощущать, словно прикрыл кто-то.

— Горы, — задумчиво проговорил Даргей. — Я читал о таком. Если они прячут кого-то, бесполезно искать. Эх, как чувствовал, что не все так просто с этим побегом.

— Да, какое у них есть право скрывать от нас принцессу? — возмутился Тимьяр.

— Горы, не горы, мы все равно не сдадимся, — принял решение Кристан, — пойдем пешком по следу. И запомните, без Дариэллы нам дороги домой нет.

— Да-аринушка, — мягкий женский голос ворвался в сон, — Даринушка, солнышко, просыпайся.

— Да, матушка, — девушка сладко зевнула, с трудом раскрывая глаза, — что-то случилось?

Спросила и сама поняла, свою ошибку. Вместо светлых стен родной комнаты — черный камень пещеры, а вместо матушки — знакомый женский силуэт в расшитом серебряными звездами плаще. Осознала и испуганно вскрикнула,

окончательно просыпаясь.

— Не бойся, милая, — ласково проговорила женщина, — я не причиню тебе зла.

Лунный свет падал на плащ незнакомки, и Даре казалось, что в его лучах звезды светятся, словно живые, переливаются, медленно скользя по тонкой ткани, а сама ткань, словно дымка — дунет ветер и развеется, как туман.

— Кто вы?

— Меня зовут Ниимтахаринга. Ты можешь называть Ниим.

— Ниимтахаринга, — повторила девушка, затем перевела, — та, кто живет внутри гор.

— Ты делаешь успехи в арганском, — одобрительно кивнула незнакомка, — хотя ничего удивительного в этом нет. Вашему роду всегда легко давались языки. Нам пришла пора поговорить, Даринушка. Долго я ждала, не вмешивалась, не хотела пугать. Да, только, когда ты бежать вздумала, не могла не встретиться с тобой.

— Я все равно не вернусь, — девушка села, обняла колени руками, с вызовом посмотрела на гостью, — отправите в Арганию силой — опять побегу.

— Дитя, — капюшон качнулся, все так же оставаясь опущенным вниз, — глупое упрямое дитя!

— Пусть так, — Дара поджала губы, — но это

мое право быть глупой и упрямой.

Темнота под капюшоном недовольно хмыкнула: «А вот дерзость — не лучшее качество, поверь мне, милая».

— Почему я не вижу вашего лица? — спросила Дара, не в силах оторвать взгляд от темного провала, скрытого под капюшоном. Женщина медленно подняла голову, и девушка задохнулась от страха — ниже серебристой полоски края капюшона не было ничего — лишь тьма без проблеска света.

— Быть может потому, что ты сама этого не хочешь, — загадочно ответила темнота, — что ты знаешь о королях и королевах Аргании? — внезапно спросила она.

— Что они правили до недавнего времени, — пожалала плечами Дара. Станный сон или явь — не лучшее время для экзамена по истории.

— Не просто правили. Дворец, в котором ты жила, построила прабабка принцессы Араэллы, а главный дворец создавали несколько поколений королей Аргании.

— Но как? — удивлённо воскликнула девушка.

— Особый дар, — пояснила Ниим, — подчинять камень, превращать его в послушную глину. Жаль, что этот дар ушел вместе с принцессой Араэллой.

— Почему тогда они отпустили её? — с недоумением спросила Дара.

— Никогда не знаешь заранее, кого одарят благосклонностью горы, на кого ляжет благодать Создателя. Иногда это дочь, иногда — сын, изредка внук или внучка. В те времена никто и не мог предположить, что дар наследует младшая Лэардан. У королевы было два старших сына — настоящие горцы, смелые, отважные, умные, а принцесса выросла избалованной, слабой, хоть и с добрым сердцем. Все ждали, что дар проснётся в одном из принцев, но он проснулся в принцессе, когда та погибала на границе моих гор.

— Она умерла, да? — не смогла удержаться от вопроса Дара, и только затем поняла, какую глупость сказала. Ведь она сама — потомок принцессы.

— Камни молчат о её судьбе, — тихо ответила Ниим, — но сегодня мы говорим о твоей.

— Я все равно не вернусь, — упрямо повторила Дара, — пусть хоть какой дар проснётся, мне нет места в Аргании.

— Ты уверена? — в голосе Ниим послышалась насмешка, — но прошло четыре месяца. Все это время они ждали, что ты проявишь хоть какой-то признак королевской крови, кроме упрямства, конечно же. Теперь вижу, что ждали напрасно. Ты настолько боишься, саму себя, что

предпочитаешь убежать, чем остаться и разобраться во всем. Хорошо, я помогу тебе. Жаль, конечно, беднягу Пафнория. Ему была обещана смерть, когда последняя из рода Лэардан сядет на трон. А старик уже заждался, но придется ему еще подождать мне просьбами.

Теперь слушай внимательно, здесь в горах ты в безопасности. Я скрою тебя от тех, кто идет по следу. Но в Империи моей власти нет. Не хочешь, чтобы арганцы нашли и там, носи мой подарок. Я оставлю тебе один из своих камней. И еще, как бы трудно не пришлось — не продавай кинжал. Он тебе пригодится.

— Почему вы отпускаете меня?

Ниим помолчала. Тьма под капюшоном сгустилась сильнее.

— Я легко могу вернуть тебя обратно, но заставить принять трон — не в моей власти. К чему тогда принуждать жить в Аргании? Твоя судьба — в твоих руках. Выбор — вот тот дар, которым владеет каждый из людей, пусть этот выбор и может привести в гиблое болото. А теперь, спи. Завтра тебе понадобятся силы. Я поведу тебя кратчайшим путем и уже к вечеру выведу в Империю.

Утром Дара впервые проснулась с чувством уверенности в завтрашнем дне. Она пройдет эти безжизненные горы, выведет Илька, и они не

подохнут здесь от голода среди серых равнодушных скал.

Взгляд девушки зацепился за камушек, лежащий рядом с ней на плаще. Сквозь дырочку был продет грубый шнурок, а сам он выглядел невзрачно — блекло-черный с белыми крапинками. Дара осторожно взяла его в руки. Но подарок вел себя прилично, словно обычная морская галька.

— Вот ты какой, мой защитник! — улыбнулась она и повесила камушек себе на шею. Хорошо, что тот невзрачен на вид, меньше бросаться в глаза будет. Она же возвращается в Империю, отвыкла поди уже от грабителей, воров и убийц.

Как ни странно, но на окраинах Империи жить было гораздо спокойнее, чем в центре. Народ сам заботился о себе и своих семьях. Про верховную власть здесь вспоминали лишь раз в году, когда платили налог императорским сборщиками, или когда появлялись рекрутеры, чтобы забрать молодых мужчин на очередную войну.

Чем ближе к столице, тем туже скручивались в клубок постоянные интриги знати, замешанные на вероломных заговорах, ответные репрессии короны, кратковременно прорежающие ряды зарвавшихся богатеев, наглые ходы алчущих власти новичков, тихое копошение вражеских агентов, а над всем этим вечное сияние золото, нужного всем и во все

времена.

Здесь на дорогах лихие люди помогали расстаться с излишками денег, а местные бароны, да графья не спешили ловить воров на своих землях, предпочитая заниматься более полезными для собственного обогащения делами. Здесь в городах легко было пропасть или, поймав удачу за хвост, стать уважаемым и достойным человеком. Единственное, что было невозможно в Империи — разбогатеть честным путем.

На завтрак Дара выделила Ильку часть овса. Экономить больше не стала. Если на то будет воля Создателя, вечером она сможет покормить пегаса свежей травой.

Когда выходила из пещеры, провела рукой по стене и тут же отдернула — камень потеплел под ладонью или ей это только показалось? Нет, точно показалось, решила Дара и, отбросив страхи и сомнения, улыбнулась солнцу, скалам и голубому небу.

— Ильк, скоро мы будем дома, слышишь?

— Ка-ар? — насмешливо донеслось сверху. Над пещерой на большом камне гордо восседал черный ворон. Он, наклонив голову, внимательно изучал девушку. Затем перелетев чуть дальше по ущелью, огласил окрестности нетерпеливым карканьем.

— Ты наш проводник? — догадалась Дара.

— Кар-р-р, — подтвердил ворон и смешно встопорщил перья, отряхиваясь.

По сравнению с прошлым днем, этот переход показался Даре легкой прогулкой. Ильк бодро трусил сбоку от девушки, впереди черным комком перьев маячил ворон, дорога плавно шла вниз, все чаще попадались островки зелени — кусты или низкорослые деревья.

В мыслях Дара то и дело возвращалась к ночному разговору. Пусть она трусиха, пусть предпочитает сбежать, чем выяснять отношения, но это её жизнь, и загонять себя в дворцовые рамки Даре совсем не хочется. Ведь, если рассудить, зачем ей трон? Красоваться в нарядах? Зычным голосом командовать слугами? Перебирать по вечерам украшения в шкатулках или танцевать до упаду на балах? Заманчиво, да только Аргания — особая страна, здесь имперские замашки не пройдут. Сколько балов прошло за эти четыре месяца? Да, ни одного. Праздник начала лета и фестиваль огней — не в счет. Горцы предпочитали уличные карнавалы, развеселые спектакли и зажигательные пляски на улицах. И знать проводила праздники вместе со всеми.

Какой потрясающий фейерверк зажигали тогда на берегу моря! Разноцветные огни вспыхивали в ночном небе и всполохами отражались в темной воде.

Н-да, королева Аргании — смех, да и только. Как она может править, если всю жизнь провела в приюте для девочек, выходя за его стены лишь пару раз. Опыта никакого, образование — чужой страны и довольно посредственное. Как ни заманчива, но эта сказка не для неё. Она же не хочет постоянно ощущать себя полной неумехой, да еще ловить жалостливые взгляды, мол, бедная девочка, чем ей довелось зарабатывать себе на жизнь! Б-р-р, девушка брезгливо сморщилась. Увы, клеймо есть клеймо, оно на всю жизнь, даже если скрыто под одеждой, все равно доступно сплетням и домыслам.

В детстве Дара, как и все сироты, мечтала вырасти, заработать денег и отправиться на поиски родителей. Ведь не просто так её бросили на пороге приюта. Она не злилась на маму и отца, нет, просто верила, что те не могли поступить иначе. Видимо были серьезные причины оставить её одну.

Пусть эти надежды были наивными и глупыми, но Дара верила, что стоит начать поиски, она обязательно найдет маму, а может даже и отца. Это просто арганцам не везло, а ей обязательно повезет, ведь родные чувствуют друг друга, даже на расстоянии. Поэтому Даре никак нельзя оставаться в Аргании. Принцессу никогда не отпустят в Империю, даже на поиски родной мамы.

Ну, а дар... Ниим права, четыре месяца и ни намёка. Так может, никакого дара в ней и нет. Не в

каждом же поколении он просыпается. Ничего, переживут арганцы без новых дворцов. Научатся строить, как все — молотком и зубилом.

К вечеру они вышли из ущелья. Перед ними простиралась холмистая часть Империи, поросшая высокими хвойными лесами. Ильк радостно набросился на траву, а девушка вздохнула с облегчением: «Дошли»!

Проводник, громко каркнув на прощанье, улетел обратно, а Дара, пересилив усталость, отправилась подыскивать ночлег.

Ночь она провела в корнях старой раскидистой сосны, а утром, подкрепившись лесными ягодами и остатками припасов, отправилась дальше. Одежду, которую носила в Аргании — кожаные штаны и юбку с разрезами до бедер, Дара сняла и убрала в мешок. Вместо этого надела простую темно-зеленую юбку и светлую блузку. Их специально берегла для Империи.

По дороге девушка собрала и остругала ровные палочки. Затем аккуратно развязала полоски на крыльях пегаса и заменила старые корявые палки, которые нашла в горах, на новые. Аккуратно забинтовала обратно, пустив на перевязку еще одну блузку. Ничего, ей и двух хватит. Правое крыло выглядело неплохо, и, похоже, обошлось сильными вывихами и растяжениями, а вот левое вызывало у девушки

особое беспокойство. Переломов было несколько, непонятно еще, как они срастутся.

Довольно быстро они вышли на просёлочную дорогу. Дара прикрыла забинтованные крылья пегаса попоной, но, услышав стук копыт, они на всякий случай уходили в лес. Первые две деревни Дара обошла по широкой дуге, решив не останавливаться в них. Третья им попалась ближе к вечеру.

Вначале, углубившись очередной раз в лес на отдых, они наткнулись на небольшую избушку, явно заброшенную. Домик стоял на симпатичной полянке, а сквозь редкий лесок виднелось поле, на краю которого торчала неубранная копна сена.

— Ильк! — Дара огляделась кругом, — неплохое жильё, как считаешь?

Пегас отреагировал на восторги хозяйки с равнодушием. Его больше волновала донимавшая муха, норотившая сесть на нос.

— Что, тяжело без крыльев, — посочувствовала ему Дара, отгоняя муху, — привыкай пока обходиться хвостом. Он у тебя вон какой длинный.

Пегас ответил недоуменным взглядом, но хвостом послушно взмахнул.

— Вот и ладно, — улыбнулась девушка, — пошли-ка, братец, устраиваться на ночлег.

Она притащила сено с соседнего поля.

Бросила охапку в углу на земляной пол. Перед этим тщательно вымела избушку, прогнала из углов мелкую живность. Илька определила на другой половине.

Утром вывела пегаса пастись. Сама сбегала к ручью, который тек на краю поляны. Наполнила кожаный мешок до краев, растянула на трех колодах, чтобы коню было удобно пить, поставила в избе. Нарвала охапку веток, добавила сена.

— Ну, милый, до вечера тебе хватит.

Ильк встревоженно заржал.

— Не переживай, я буду очень осторожна, и обязательно вернусь. Но мне нужна настоящая еда, я не могу, как ты, питаться травой.

Пегас тяжело вздохнул, положил голову на плечо. Дара потрепала его по гриве, затем отстранилась и, не оглядываясь, вышла на улицу, прикрыла дверь избы. На сердце сразу стало тяжело, но голова уже кружилась от голода — надо было выходить к людям, иначе ей не выжить.

До деревни оказалось минут двадцать ходу. «Домов восемьдесят, большая», — прикинула девушка. Значит, должен быть трактир.

Он обнаружился сразу же, с краю. Дорога в этом месте — довольно широкая и наезженная делала резкий поворот, словно убегала от деревни.

«Теперь понятно, почему трактир поставили не в центре, а на краю, — подумала Дара, — чтобы

яркой вывеской, да вкусными ароматами заманивать проезжающих мимо путников».

Запахи действительно были одуряющими. Девушка аж покачнулась, когда на неё накатила волна ароматов. «М-м-м, жареная картошка, варёное мясо, печёные пирожки», — подсказывал желудок, активно бурча от голода.

— Доброго утречка, хозяевам! — шагнула внутрь.

— И тебе, дочка! Что желаешь? Позавтракать? Али что посытнее сделать? — дородный мужчина в ярко-красной рубахе стоял за стойкой, что-то записывая на листочке бумаги.

— Мне позавтракать, — кивнула Дара, не в силах сдержаться, — вот только заплатить нечем, — потупилась она, — может, найдётся какая работа для меня?

— Хм, работа, — протянул мужчина, оглядывая девушку придирчивым взглядом, — откель будешь и куда путь держишь?

— Отстала я от торгового каравана, по глупости задержалась, да в дороге все деньги просадила. Теперь вот весточку от родных получила, чтобы здесь дожидалась. Они меня заберут, как только смогут.

— Эх, молодость, молодость. Из торговых, значит, будешь. Что же, у отца других наследников нет?

— Нет, я единственная.

— Ну, тогда понятно, — повеселел хозяин, — повезло тебе, милая. Дочка у меня на той неделе замуж вышла, а без неё не справится. Обещала сестра племянницу мою прислать, да подзадержалась та с приездом. Можешь покуда вместо неё поработать. Как звать-то?

— Дара, — ответила девушка и лишь потом сообразила, что стоило назваться чужим именем, но от радости, что её взяли на работу, все умные мысли разом вылетели из головы.

Глава 6

Хозяин неторопливо выплыл из-за стойки. Солидных размеров живот был подпоясан широким поясом.

В Империи доходность трактира напрямую зависела от дородности его владельца. Народ рассуждал просто: какой же ты трактирщик, если даже себя накормить вкусно не можешь? Ну, а с хорошей еды, долго ли раздобреть?

Судя по внешнему виду хозяина, с доходностью у него все было в порядке. Звали его Фегдон, а его жену — приветливую женщину с длинными светлыми волосами, убранными в косы, закрученные вокруг головы Аннель.

Дару приняли хорошо. Трактирщику с женой

действительно нужна была помощница, а кроме того положение дочери купца, за которую она себя выдала, было весьма выигрышным и пользовалось среди селян изрядным уважением. В Империи лишь две категории женщин имели относительную свободу: знать и наследницы торговых домов, при условии, что других наследников мужского пола у купца не было.

Купчихам не возбранялось в одиночку разъезжать по торговым делам, входить в питейные заведения, от них не требовалось выходить замуж. Многие из них заводили себе любовников, а затем не торопясь, выбирали среди них мужа, чтобы родить наследника или наследницу. Звонкая монета оплачивала любые их прегрешения и нарушения правил.

Дара не стала вдаваться в подробности своей мнимой жизни, да этого и не требовалось. Фегдон все придумал за неё.

— Значит, до Нижних Дубков на почтовой карете ехала, а сюда уже пешком прогулялась? — бормотал он, ведя её вглубь дома, — что же, дело молодое, можно и пешком, коли, денег нет. А что папенька у тебя строгий?

— Не, добрый, — мотнула головой Дара.

— Оно и видно, что добрый, — трактирщик кинул неодобрительный взгляд на девушку, — вроде взрослая уже, пора за ум браться, а все

гуляешь, да деньги тратишь, вместо того, чтобы учиться их зарабатывать.

— Я стараюсь, — Дара потупилась, изображая сильное смущение, — оно само так вышло.

— Не оно, думается мне, а он, — усмехнулся Фегдон, — знамо дело — встретился, полюбился, наутро пригляделась и ужаснулась. Ну, да не мое это дело. Поживи покудова у нас. Заплачу немного, пару монет в день, зато едой не обижу. А вот и твоя комната, от дочки осталась, — он толкнул дверь, пропустил Дару вперед, — нравится?

— Очень! — чистосердечно призналась девушка. Здесь действительно было уютно — небольшая кровать, застеленная узорчатым покрывалом, кружевные занавески на окнах, пузатый сундук под окном, светло-бежевый стол в углу, над ним полка с книгами и сухие букетики цветов, развешенные по стенам.

Так и потекла её жизнь в Верхних Дубках. Вставали здесь поздно, так как до ночи работали. Дара помогала по хозяйству, убирала зал, мыла посуду, чистила овощи, возилась в огороде, кормила кур. Аннель готовила, а Фегдон либо принимал постояльцев, либо занимался делами. На помощь к нему приходил долговязый Дил, он ухаживал за скотиной и работал в огороде и саду.

Вечером в трактире становилось людно. Сюда заворачивали после трудового дня мужья, стремясь

вырваться из-под опеки жен хоть на пару часов, хаживали молодые парни, послушать разговоры стариков, поиграть в нойку, да выпить пару кружек сидра или хмельного меда.

Тогда для Дары наступала самая работа.

— Дочка, будь ласка, подлей в кружку меда.

— Неси еще сидра, красавица, а то горло пересохло.

— Чем нас сегодня побалуешь, милая, а то моя мегера такую дрянь вместо каши сварила, в рот не взять.

Крики доносились с разных концов зала, и Дара металась между столами и посетителями, торопясь успеть всюду. Терять эту работу ей было нельзя. Хоть и немного, но здесь ей заплатят. Будет на что жить, когда она отправит Илька домой.

Когда посетители переходили на горячительные напитки, шум в зале усиливался, а движения селян теряли прежнюю ровность, Фегдон выходил из-за стойки и начинал сам обслуживать гостей, отправляя Дару спать.

Девушка с облегчением шла в комнату, подальше от потных мужчин, начинающих распускать руки или пытающихся заплетающимся языком жаловаться на свою несчастную жизнь. Она еле волочила ноги от усталости, но мечта добраться и рухнуть на кровать оставалась пока лишь мечтой.

Тихонько, чтобы никто не заметил, Дара

открывала окно и выскальзывала наружу. Еще днем она прятала в траве за сараем мешочек овса, немного яблок, хлеба и пару кусочков сахара.

Ильк встречал её приход радостным ржанием. Он уносился на прогулку, а Дара чистила пол в доме, наливала воды, насыпала овса и бросала охапку свежего сена. Потом садилась на пороге и засыпала, прислонившись к косяку. Пегас будил, когда над лесом уже вставала луна. Он тихонько тыкался теплым носом в лицо, сопел. От него пахло свежей травой и ночным лесом.

— Встаю, встаю, — бормотала Дара, но глаза никак не желали открываться, и все же надо было идти.

Она закрывала дом и возвращалась в трактир. Осторожно залезала в окно своей комнаты, стягивала платье, выданное ей хозяйкой (нечего свой наряд тут загаживать) и проваливалась в сон.

Беда пришла на пятый день. Дара давно заметила, что зачастила в трактир развеселая компания молодежи. Верховодил ею сын старосты — рябой вихрастый парень с узкими глазками и широкими плечами. От его наглых взглядов девушке становилось не по себе. Фегдон хмурился, но не прогонял, лишь предупредил Дару, чтобы держалась от дурней подальше, мол, не одну девку попортили.

Этот вечер в трактире выдался особенно

оживлённым. С тракта прибыли несколько гостей: четверо всадников — молодые тасы отправились погулять в столицу, да мрачный одиночка, едущий по своим делам.

Дара носилась, не чуя под собой ног, а мысли невольно возвращались к Ильку — все ли с ним в порядке? Скорей бы хозяин отправил спать, скорей бы увидеть любимого пегаса.

— Эй, дочка, принеси нам лучшего вина!

Дара улыбнулась. Заезжие тасы решили гульнуть. Не знают глупые, что вино, купленное у купцов — жуткая кислятина. То ли дело, местная медовуха или сидр. Но заказ, есть заказ. Придется идти в дальнюю кладовку, под лестницу, где стоят бутылки с вином.

Приоткрыла дверь, шагнула в полумрак и тут же резко обернулась — за спиной стоял сын старосты, плотно прикрывая за собой дверь.

— Попалась, птичка! — радостно ощерился парень, делая к ней шаг.

В следующее мгновение Дара оказалась крепко прижатой к стене, а мужские руки уже задирали подол платья.

— Отпусти, — рыпнулась она, — отпусти, а то Фегдона позову, он тебе быстро лишнее поотрывает, да из трактира выставит.

— Меня? — ухмыльнулся парень, отстраняясь, — я же лет через десять деревню под

свою власть возьму. Ему со мной ссорится не с руки. А тебе, Дарка, если трепыхаться не будешь, я подарок с ярмарки привезу.

— Не нужен мне твой подарок, — скривилась девушка, ощущая, как чужие руки скользят по коже, она упёрлась ладонями в мужскую грудь, стараясь отодвинуть от себя подальше, — последний раз прошу — отстань.

— И не подумаю, — сын старосты наклонился, вытягивая слюнявые губы, — здесь первый я всегда девок пробую.

— Не для тебя, девка, — прошипела Дара, с силой пихая парня в грудь, а затем, нанося тот самый удар, который ей показывала Милавка в веселом доме.

Била не жалея, от души. Потому что прав сын старосты, Фегдон ей не защитник. Ему трактир дороже пришедшей девчонки. Здесь она сама себе защита.

Парень хрюкнул, согнулся пополам, тихонько заскулил.

— Сунешься, еще раз получишь, — твердо проговорила Дара, прихватила с полки бутылку вина и с королевским достоинством вышла из темной кладовки.

Уже на пороге её догнал сдавленный шёпот: «Еще пожалеешь, дрянь». Сердце сжалось от тревоги, губы задрожали от обиды. Неужели, снова

бежать в неизвестность? Нет, её так просто не испугать. Она же не простая девка, а из торговых, гостя. Не станет сын старосты рисковать и преследовать её в открытую. За такое и от своего отца по шее огрести можно. Он поступит хитрее, будет пытаться подкараулить тайно, без свидетелей. И Даре нужно быть очень осторожной, что не попасть в его наглые руки. Второй раз ей не удастся застать его врасплох.

— Дочка, с тобой все в порядке? — встревожился Фегдон, когда она вышла в зал и поставила бутылку на стойку, — уж больно ты бледная.

— Спасибо, дядя Фегдон, все в порядке. Просто устала сегодня.

— Ну, так иди, отдыхай, милая.

— А как же вы? — Дара обвела рукой переполненный зал.

— Справлюсь, не переживай. И вино им сам налью. Иди-иди, — он ласково подтолкнул девушку к двери, ведущей в хозяйскую половину дома.

Дара не возражала, ей требовалось время, чтобы прийти в себя. Да и какая из неё работница, когда руки трясутся, а в голове полный туман.

В комнате девушка задержалась, собирая приготовленные яблоки и хлеб. Прислушалась — из зала раздавалось громкое пение. «Никак до утра собрались веселиться», — хмыкнула она, открывая

окно. Ночь встретила её прохладой и громким пением цикад. Вот и знакомая поляна. В этот раз Дара бежала почти всю дорогу, словно за ней кто-то гнался. Тревожное чувство не отпускало, заставляя оглядываться назад и шарахаться от каждой тени.

Лишь открыв дверь домика и ощутив горячее дыхание Илька на своем лице, девушка вздохнула с облегчением.

— Соскучился, милый? — она провела по гладкой шкуре рукой, потрепала по холке, — держи, я тебе булочку принесла с яблоками. Аннель сегодня спекла. Вкусная, пальчики оближешь.

Конь осторожно взял лакомство с ладони, шумно вздохнул и выразительно покосился на дверь.

— Беги, беги, — Дара посторонилась, — застоялся, поди.

За привычными делами тревога рассеялась сама собой. Закончив уборку и приготовив еду для Илька, она села на пороге. Над головой раскинулось ночное небо — глубокий бездонный колодец, дно которого усеяно блестящими точками. «Сколько же там миров? — думала Дара, глядя на россыпь перемигивающихся звезд, — и есть ли хоть в одном живая душа, которая сейчас так же смотрит на небо?»

Сон не шел, и она так и просидела до возвращения пегаса, разглядывая мерцающие

узоры.

Трактир встретил её сиянием окон и шумными голосами. Кто-то тянул жалостливый мотив, сквозь который прорывался дружный гогот нескольких молодых глоток. Дара вздохнула — опять утром Фегдон встанет с головной болью. Но гостей не выгоняют, таков закон. Она бы лично их всех метлой вон. Сколько сидеть можно? Вон уже и луна встает.

Дара тихонько вернулась к себе, проверила засов на двери. Стянула платье и рухнула на кровать.

Разбудил её громкий стук в дверь.

— Открывай! — орали в коридоре. Дара насторожилась.

— Дара, открой, — а вот это уже голос Фегдона. Значит, действительно нужно открыть. Она натянула платье, сунула ноги в ботинки. Дернула засов. Дверь тут же распахнулась.

— Что, попалась, арганская ведьма! — здоровый кузнец, ухватил её за волосы и потащил вон из комнаты. «Прости», — догнал шёпот бледного Фегдона.

Её вытащили на крыльцо. Двор был ярко освещён зажжёнными факелами. Здесь собралась почти вся деревня, бросилось в глаза довольное лицо сына старосты, а в кругу людей скованный веревками — Дара испуганно вскрикнула — бил

копытами и недовольно ржал черный пегас.

— Ильк, нет! — сквозь нахлынувшие слезы прошептала девушка, но её услышали.

— Узнала свою тварь, ведьма! — прорычали над ухом.

— Я не ведьма! — тонкий крик прорезал темноту. В ответ захохотали, засвистели, затопали. Толпа жаждала зрелищ, её не остановить простым криком.

— У меня вон коза сдохла две недели назад, — толстая баба шагнула вперед, подперев широкие бока кулаками, и с ненавистью уставилась на девушку, — ни с того, ни с чего, — добавила она, многозначительно оглядывая толпу. Та ответила одобрительными возгласами.

— Меня же здесь не было две недели назад, — растерянно проговорила Дара.

— Заранее наколдовала, — отрезала баба, — вон зверюга у тебя какая. Что же ты к ней по ночам бегаешь, как не колдовать? Признавайся, тварь, на кого порчу навела?

— То-то я вчера чуть не помер, так голова болела, — прохрипел мужик с синюшным лицом, — здесь же пил.

«Пить меньше надо», — хотела ответить Дара, но сдержалась.

— Ведьма, ведьма арганская, — донеслось с разных концов двора, — что с ней возиться? Сжечь

и все дела, а коню крылья отрезать и в стадо пустить.

— Он же погибнет, без крыльев-то, — беззвучно прошептала девушка, глотая слезы. Собственная, пусть и мучительная гибель её не так страшила, как осознание, что не сберегла Илька, не спасла.

— Со мной что хотите делаете, — с отчаяньем крикнула, — только коня не трогайте. Он ни в чем не виноват.

— Не виноват, не трогайте, — звериным эхом откликнулась толпа, захохотала, застонала на разные голоса. Дара обвела двор умоляющим взглядом, но взгляд натыкался лишь на перекошенные ненавистью рожи. Пламя факелов, бросая причудливые тени на лицо людей, только добавляло им нечеловеческой жестокости. В блеске десятка глаз читался приговор: «Смерть! Смерть!»

— Мне интересно, — спокойный мужской голос как-то разом перекрыл весь шум, — а сколько платит Имперская канцелярия за поимку арганского шпиона? — скучающим тоном осведомился незнакомец, входя на крыльцо.

Толпа затихла. В воздухе запахло деньгами. На лицах отдельных селян начало проступать сомнение — сжечь или сдать? Одно сулило впечатлений на весь год, не меньше, второе — звонкую монету в кармане. Нет, хорошо бы и

первое, и второе. Вот только за обугленный труп денег не дают, увы.

— Хм, семь или восемь монет? — размышлял мужчина вслух. Притихшая толпа, затаив дыхание, жадно внимала его голос, — и все-таки десять серебром, — решил он, наконец, а когда селяне шумно выдохнули, добил, — а, нет, ошибся, золотом. Точно золотом.

После этого во дворе надолго повисла полная тишина, что даже попрятавшиеся было цикады, решились подать свой тонкий голос.

Гигантская сумма награды медленно, но верно превращалась в умах людей из золотых кругляшков в купленную скотину, новые платья, обувь, выпивку, украшения, словом, во все то, что так привлекательно и совершенно необходимо для человеческого существования.

— Так..., это, — первым, как и полагается, выступил староста. Он щитом выдвинул Дару перед собой, словно, демонстрируя товар, — император-то где? А мы тута. Покудова доберёшься, да ведьму довезёшь, стока потратишь... А уж как боязно её тащить. Еще проклянет по дороге.

— Вот в этом, милейший, я могу вам подсобить, — усмехнулся незнакомец. Его лицо было наполовину скрыто капюшоном длинного плаща, и Дара видела лишь тонкую линию губ. Она

напрягла память, пытаюсь припомнить сегодняшний ужин, но, кажется, и тогда этот гость прятался в самом темном углу, — не бесплатно, конечно же, — добавил он, и просветлевшее было лицо старосты, мигом, помрачнело. Терять хоть одну монету тот был не готов.

— Скажем, пять золотых монет серебром сейчас, — вкрадчивым тоном предложил мужчина, — и ваша проблема решена.

— Пять? — нахмурился староста с таким оскорблённым видом, словно его только что лишили последних шпанов, — но, помилуйте, уважаемый тас, как можно требовать целых пять монет за доставку какой-то там хилой девчонки. Да, это же плёвое дело, не стоящее никаких усилий.

По мере того, как отчётливее вырисовывался для старосты вопрос потери половины награды, его речь становилась все более пылкой. Он даже шагнул вперед, деловито расправив плечи и выставив грудь.

— Ведьмы, милейший, — насмешливо поправил его мужчина, — а что касается, усилий, вы правы. Для Службы Закона и Порядка — это плёвое дело, — он распахнул плащ, доставая за цепочку блеснувший серебром медальон. Дара не успела его разглядеть, но для остальных он, видимо, был хорошо знаком.

Староста как-то неуловимо быстро снова

очутился за спиной девушки, а во дворе воцарилась теперь уже зловещая тишина.

— И заметьте, я говорю пока только о награде, — с нажимом произнёс незнакомец, — ведь вы сами в курсе о наказании за невыдачу шпиона властям?

Староста мелко закивал головой, словно, и в самом деле был в курсе.

— Итак..., - теперь в голосе законника явственно звучала угроза, — ведьма или шпион?

Дара даже не успела заметить, когда в его руке возник небольшой увесистый мешочек.

Незнакомец медленно потянул за шнурок, раскрывая края. Стоящие рядом с девушкой люди повытягивали шеи. Мужчина подбросил мешочек в руке, монеты призывно зазвенели. Толпа заворожённо вздохнула.

Староста, забыв про страх, шагнул вперед, протягивая руку, но служащий резким движением убрал ладонь из-под мешочка, и тот устремился к земле. Глава деревни бросился его ловить, но лишь усугубил положение, неловким взмахом отправив в полет.

Десятки глаз, не отрываясь, следили, как мешочек взлетает в воздух, раскрывается, и из него серебряными рыбками во все стороны порскают монеты.

— А-а-а! — отчаянно завопил староста,

бросаясь в погоню.

— Ох! — охнули бабы, падая на колени, мужики рухнули молча, но не менее быстро.

— Твою мать, — выругался кузнец, отшвыривая свою пленницу и ступая с крыльца прямо на спины ползающих в пыли людей.

— Думаю, нам не стоит больше здесь задерживаться, — прошептали у Дары над ухом, а чья-то рука уже крепко сжимали её за локоть, — хотя зрелище, конечно, занятное, вот только, боюсь, не долгое. Ты сможешь позвать своего пегаса?

— Д-да, — выдавила Дара, не в силах прийти в себя после такой резкой смены событий.

Незнакомец призывно свистнул, из-за угла трактира вынырнул осёдланный конь.

— Тебе повезло, что я не успел уехать, — проговорил он, споро подсаживая Дару в седло, — хотя жаль было бы пропустить такой спектакль. А теперь держись.

Он двинул коня по краю двора к тому месту, где два молодца с тоскливым видом держали за верёвки Илька.

— Мешок, — крикнула Дара, указывая на одного из парней, — у него мой мешок на шее.

Сзади недовольно хмыкнули, но когда они вплотную подъехали к грабителю, служивый наклонился и, сделав страшное лицо, рявкнул: «Жить, хочешь?»

— А-а-а? — с глупым видом протянул парень, искренне недоумевая, откуда взялось острие меча в опасной близости от его шеи.

— Отдавай мешок! — грозно потребовала Дара, чем заработала недовольное «хм» от законника и тихое замечание: «Достаточно было, чтобы он просто отпустил пегаса».

Собственная храбрость пугала, но страх потерять кинжал, спрятанный в мешке, оказался сильнее.

— Нет, — нагло возразила она, — мешок тоже нужен.

На её счастье мужчина спорить не стал, а просто поддел лезвием веревку на шее парня и аккуратно подцепил мешок. Остолбневший от неожиданности грабитель спорить не стал, лишь побледнел, когда лезвие прошло рядом с его ухом.

— А теперь исчез отсюда, — скомандовал законник, перехватывая веревку и перебрасывая мешок Даре. Он демонстративно повернул коня, наступая на парня, и тот шустро рванул прочь, лишь босые пятки засверкали.

— Зови своего зверя, — приказал законник, подъезжая к воротам.

— Ильк! — крикнула та, оборачиваясь, — Илькушка, милый, за мной!

Сзади раздалось громкое ржание. Пегас с такой силой мотнул головой в сторону последнего

оставшегося охранника, что того впечатало в забор.

Вырвавшись на тракт, они сразу перешли в галоп. Законник плотнее придвинул к себе девушку, а она сама вцепилась в луку седла, чтобы не свалиться. Сбоку мелькали тёмные силуэты деревьев, впереди белел выползший из реки туман.

Дара напряжённо вслушивалась в звук скачки — не пропал ли двойной стук копыт, не отстал ли её питомец?

— И куда он так гонит? — раздраженно думала она, — Ведь Ильк ещё не окреп после падения, да и рана на ноге, хоть и затянулась, но может снова закровоточить.

Она вытянула шею, обернувшись, попыталась разглядеть скачущего сзади пегаса. Видно было плохо — утренняя серость только-только начала появляться на обочине дороге.

— Не вертись, — осадил её мужчина, — слезу я за ним, слезу. Не бойся, пегасы выносливые, ему такая скачка только в удовольствие.

— Он же раненый, — возразила Дара, — нельзя ли помедленней, — попросила она, сама поражаясь своей наглости.

Сначала мешок, теперь вот за пегаса просит. Нет, определённо близость смерти влияет на неё не лучшим образом. Страх исчезает, оставляя вместо себя отчаянную бесцеремонную браваду. Когда

терять нечего, стоит ли думать о манерах? Вот и в веселом доме, и у графини она вела себя, словно дикий зверь, предпочитая смерть неволе.

— Нельзя, — помолчав, недовольным тоном ответил законник, — народ здесь слабо пуганный, и имперская Служба им не указ. Зато в чем не откажешь, так это в практичности. Сейчас взруют двор в поисках монет и будут думать, как им ведьму вернуть, да в моих карманах пошарить, может ещё что завалилось. По их разумению, не может человек последнее за такую пигалицу отдать. Нам важно оказаться как можно дальше от деревни, когда они договорятся, где нас перехватить.

— Неужели не побоятся?

— Места здесь глухие, император далеко, да и отряда стражи под рукой не наблюдается. Одиночка их не испугает. Да, ты не бойся, бывал я в этих краях. Спрячемся, не найдут. Далеко заходить побоятся. Деревенские лишь рядом с домом храбрецы, а чуть отойдут в сторонку — и вся их смелость слетает шелухой.

Дара не выдержав, хихикнула.

— Что еще? — прорычали над ухом.

— Прости, — повинилась она, проклиная свою несдержанность, — мне казалось, что вы обычно не сбегаете, а наоборот, догоняете.

— Ишь, умная какая, — недовольно заметили, — считай, это стратегическим

отступлением перед силами превосходящего противника.

Дальше скакали молча. Галоп малоподходящее занятие для разговора, зато прекрасно подходит для раздумий. И Даре было о чем поразмыслить. Про имперскую канцелярию ходило множество слухов, даже в их приюте взрослые тайком от детей обсуждали тех, кто ночью исчез из собственного дома. О том, что за бумажными делами скрывались дела кровавые, в Империи знали все. И не было страшнее проклятия: «Чтоб тебя в канцелярию забрали».

Спасение от костра заставляло девушку испытывать к законнику некую признательность, но его планы доставить «шпионку» в канцелярию вызывали панический ужас. Не пожалеет ли она потом, что избежала пусть и мучительной, но не долгой смерти на костре?

Дара еще несколько раз пыталась рассмотреть Илька, но законник с такой силой прижимал к себе, что девушка не могла пошевелиться. Одна надежда оставалась на слух — стук копыт пегаса она слышала четко.

Через пару часов бешеной скачки они свернули в лес на еле заметную в рассветных сумерках тропинку. Здесь, к облегчению Дары, перешли на шаг. Затем вывернули на старый заброшенный тракт, густо заросший травой, но все

еще достаточно удобный для езды. С него опять на тропинку, потом немного попетляли по лесу и, наконец, остановились на небольшой поляне, со всех сторон окружённой густым кустарником и деревьями.

— Вот здесь и передохнем, — объявил законник, спрыгивая с коня и снимая Дару. Та первым делом подбежала к пегасу. Ильк выглядел неплохо, но дышал тяжело.

— Держи, — мужчина бросил ей тряпку, — оботри, поводи по поляне, потом отведём к ручью.

Сам он занялся своим конём. Чёрная зверюга была немного меньше пегаса, и ей явно не нравилось соседство крылатого собрата. Конь злобно скалил зубы, бил копытом, стоило Ильку оказаться поблизости, но в открытую войну не вступал.

Расседлывать коня мужчина не стал, лишь тщательно обтер блестящую от пота шкуру, ослабил подпруги, проверил копыта. Работая, он скинул капюшон плаща. Дара скосила глаза, изучая внешность незнакомца. Лицо правильное, можно сказать приятное. Судя по загару, законник проводит много времени в разъездах. Волосы коротко подстрижены и странного пепельного оттенка, но не седые, глаза серого стального цвета. Возраст она определить затруднялась, такой типаж после двадцати пяти не меняется до старости, лишь

во взгляде прибавляется настороженности после очередного жизненного удара.

Иногда так бывает, глянешь на человека — обычная, нечем не примечательная внешность, а стоит заглянуть в глаза, да увидеть, как он двигается, сразу понимаешь — перед тобой хищник, и твою жизнь он оборвет с легкостью, если сочтет необходимым.

Вот и законник напоминал девушке матерего волка — сероглазая уверенность исполненная настороженности.

Закончив с Ильком и пустив его пастись, Дара, захватив мешок, отправилась в кусты переодеваться. Законник даже бровью не повел. Странно, так уверен, что она не сбежит? Подобное поведение настораживало. Но сбегать сейчас действительно не время, особенно когда на пятки наступают любители костров и зрелищ. Да и от такого законника еще попробуй убеги.

Глава 7

Вернувшись на поляну, Дара застала вполне мирную картину — два коня паслись по разные стороны лужайки, а законник сидел между ними под развесистым дубом. В руках он держал кусок пирога, второй, завернутый в бумагу, лежал рядом.

— Иди сюда, перекусим, — махнул Даре

рукой, — или шпионка предпочитает голодать?

— Я не шпионка, — вспыхнула девушка.

— Неужели? — сощурился законник, окинул Дару внимательным взглядом, потом кивнул каким-то своим мыслям, — знаешь, может ты и права, — произнес он, разглядывая лес за спиной у девушки, — настоящего шпиона не поймали бы простые селяне.

Дара замерла в растерянности, не зная, как реагировать — то ли радоваться, что с неё сняли обвинение в шпионаже, то ли обижаться, что обвинили в тупости.

— Меня зовут Тайл, — изобразил улыбку законник, — а тебя, моя пятимонетная не шпионка, я слышал, кличут Дарой.

— Да, — кивнула девушка, с осторожностью присаживаясь на траву рядом с мужчиной, — и что ты планируешь делать дальше? Я в том смысле, что ты не будешь меня теперь сдавать в канцелярию?

— Сдавать в канцелярию? — как-то неискренне удивился Тайл, — с чего ты вообще взяла, что я собрался тебя туда отдавать? Ты мне обошлась в целых пять монет, и терять я их не намерен. — Но разве награда не десять? — непонимающе нахмурилась Дара.

Мужчина расхохотался.

— Откуда ты взялась, такая наивная? Словно галчонок, только что выпавший из гнезда. Все, на

что я мог рассчитывать в канцелярии — это на «спасибо». Ну, а тебя ждало бы кое-что похуже. Конечно, шпионка ты никудышная, но своего шанса утереть нос арганским сволочам, они бы не упустили. Так что, галчонок, ждала бы тебя виселица или топор палача. Ну, а твой дружок, — он кивнул на пегаса, — украсил бы собой имперскую конюшню, жаль, что недолго. Эти красавцы не живут в неволе и без хозяина. Горцы — поганцы целый ритуал придумали, чтобы мы пегасов не воровали. Я видел на твоём запястье браслет с бусинками. Такие же вплетены в его гриву.

Давай, сделаем так. Ты сейчас, пока кони отдыхают, расскажешь мне свою историю, а я постараюсь тебе поверить, идёт?

— Идет! — кивнула Дара.

Она со вздохом начала рассказ. Начала с того, что её купила графиня Тао-Ресак. Про веселый дом говорить не стала, хватит того, что вся Аргания знает про её клеймо. При упоминании имени графини лицо Тайла помрачнело. Не рассказать о нападении Дара не могла — законник, наверняка, слышал о нем. Лучший повод солгать — рассказать правду, просто не всю и не до конца. В пару слов уложились об ограблении и про то, что арганцы пожалели избитую девушку и забрали с собой. Отвезли на окраину Империи, оставили лечиться в

семье, жившей на удаленном хуторе. А спустя несколько месяцев ту семью переселили в Арганию. Вместе с ней забрали и Дару. Вот только не понравилось девушке в горном королевстве — чужое там все. Через две недели она попросилась обратно. Чтобы смогла добраться до дома, ей выдали пегаса, которого она должна была потом отпустить. Тот сам нашел бы дорогу назад.

— Вот только в горах мы попали в грозу, — всхлипнув, поведала Дара, — Ильк упал, сломал крылья и теперь не может вернуться в Арганию.

— Какая жалость, — удрученно кивнул Тайл, вот только в серых глазах не было ни намек на сочувствие, — Змея! — внезапно крикнул он, Дара подскочила, оглядывая траву, и только потом осознала, что Тайл произнес слово по-аргански.

Медленно села на место, сорвала травинку и начала меланхолично наматывать на палец, в ожидании приговора. Что нервничать, если все равно уже прокололась?

— Какие у тебя выдающиеся способности! — с издевкой проговорил Тайл. Дара вжала голову в плечи, — За две недели овладеть арганским — не каждому дано. Но мне все равно, сколько ты провела там времени и с кем и почему сбежала, прихватив пегаса.

— Ты мне не веришь? — тихо спросила Дара, не поднимая глаз.

— Верю, что родом ты из Империи — говоришь без акцента, верю, что некоторое время жила в Аргании, выучила язык и, видимо, так пришлась по душе горцам, что они подарили тебе пегаса. Но меня это волнует в меньшей степени. Посуди сама, что с тебя взять? А я ведь уже потратил целых пять монет!

— Заработаю и отдам! — горячо воскликнула девушка.

— Чем же? — губы Тайла искривила наглая ухмылка, — впрочем, почему бы и нет. Некоторые любят темненьких, да и на лицо ты далеко не уродина.

— Нет! — Дара вскочила, — Я лучше полы мить буду, детей нянчить, все что угодно, только не туда!

— И через сколько отдашь долг? Через десять или двадцать лет? Нет, милая, так долго ждать я не намерен. Но готов предложить сделку. Дело в том, что я планирую выгодно продать вот этого крылатого красавца, — и Тайл указал на пегаса, — но без тебя он не жилец. Я уверен, ты не сможешь провести нужный ритуал и запечатлеть его на другого хозяина. Можно сказать, тебе крупно повезло, когда решила украсть коняшку.

— Я его не крала! — отрезала Дара.

— Неужели? — брови Тайла поползли вверх, — и трясущиеся над женщинами арганцы

отправили тебя домой через горы в полном одиночестве?

Дара пристыженно замолчала. Возразить было нечего. Законник поухмылялся немного, затем посерьезнел.

— Ты пойдешь к пегасу бесплатным приложением. Работа неплохая, можно сказать, отличная. Покормить, почистить, погулять. Пару раз в неделю показать гостям, ну может покатать самых смелых и все!

— Но это же рабство для Илька! — воскликнула она с отчаяньем в голосе. Травинка порвалась в руках, на глаза набежали слезы.

— Тю, — протянул Тайл, подаваясь вперед, — какое это рабство? Разве за такие деньги рабов покупают? Да твой коняга королем на конюшне будет. Ему еще стойло серебром отделают. Ты посуди, кем он был в Аргании — одним из многих. А тут — ЕДИНСТВЕННЫМ в Империи! И хозяйка рядом. Красота! Я бы не раздумывая, согласился.

— А если нас найдут? — тихо спросила Дара.

— Так и покупатели не дураки, — понизив голос, ответил законник, — понимают, что к чему. Спрячут вас в дальнем поместье. Тебе же проще — меньше гостей, меньше хлопот.

— Я не могу, — выдохнула девушка, упорно пытаясь найти выход. Как больно жжётся мысль о

предательстве! Ильк ей доверился, а в итоге станет дорогой игрушкой какого-то богатея.

— Как хочешь, — процедил сквозь зубы законник, откидываясь назад, — у тебя, милая, есть всего три варианта: пойти со мной, обещаю, что подберу лучших хозяев твоему крылатику, даже торопиться не буду. Либо отправиться в канцелярию, хоть благодарность за тебя получу. Ну а ты — топор или петлю на шею. Хотя, зачем тащить так далеко, когда и поближе есть желающие отправить арганскую ведьму на тот свет. Люблю смотреть на костер, а ты?

— Только со стороны, — огрызнулась Дара, с тоской понимая, что её загнали в угол. Так загнали, что и не дернешься.

Она усилием воли сдержала набежавшие слезы — ими горю не поможешь, прикусила губу. Есть ли выход? «Он есть всегда», — учила матушка, да только далеко отсюда наставница, не посоветоваться, не попросить о помощи.

Легко рассуждать о сложности выбора, когда он стоит перед другими, а если речь идет о собственной судьбе и дорогих тебе существах? Мысли сразу путаются, срываясь в панику. Картины гибели на костре, и тихой смерти бескрылого Илька упорно маячат, не давая сосредоточиться ни на чем ином. Канцелярия — далеко, и непонятно, что там ждет. Ясно одно —

ничего хорошего. И так уж важно разнообразие способов смерти — петля или топор, если оба ведут за грань жизни. Но была еще одна причина согласиться на предложение законника. Он прав — империя не упустит случая насолить тем, кто многие годы нагло и бесцеремонно грабил богачей, отправляя их при этом на тот свет. Даже если сам император не захочет осложнять отношения с горным соседом, ему просто не дадут замять это дело. Слишком многим горцы наступили на хвост. Той же Службе Закона и Порядка все эти годы не удавалось взять ни одного арганца... живым, не говоря уже о том, чтобы вернуть похищенное или предотвратить нападение. А сиятельные тасы... Для них Аргания давно стала настолько ненавистным словом, что Дару просто разорвут на части, если она окажется у них в руках.

Словом, нет права у девушки попадать в канцелярию. Потому что это будет не просто предательство. Каким словом можно назвать поступок, приведший к войне? Несусветная глупость? Поразительная наивность или гордыня? Как ни назови, результат один — боль и смерть. Что будут чувствовать арганцы, когда узнают о её гибели? Хотя, скорее всего император попытается начать торг за жизнь девушки, а потом тихо придавит в камере, свалив убийство на какого-нибудь слугу. И нашим, и вашим.

— Я согласна, — тихо произнесла Дара.

— Умный галчонок, — довольно улыбнулся Тайл, — пойдем, посмотрим твоего пегаса. Нам же нужно как можно быстрее привести его в товарный вид.

Дара страдальчески поморщилась — слова законника неприятно царапнули душу, но она покорно встала и подошла к Ильку. Провела рукой по шелковистой шкуре, обняла за шею, прислонилась щекой к морде. «Прости, — прошептала еле слышно, — прости за всё. Я не должна была брать тебя с собой. Думала, справлюсь, но...», — слезы сами собой потекли из глаз. Ильк шумно вздохнул, провел носом по мокрой щеке, посмотрел на девушку внимательным взглядом, в котором читалось понимание, а еще любовь к своей, пусть непутевой, хозяйке.

— Так, что у нас тут? — законник бесцеремонно ухватил пегаса за крыло, ощупывая повязки, — сама накладывала?

И внезапно, ругаясь, отскочил в сторону.

— Ты, что творишь, скотина? Кусаться вздумал? — прорычал он, потирая плечо, — ну и характер — вылитый арганец.

— Ильк — хороший, — вступилась за питомца девушка, — просто не терпит грубости и хамства.

— Ишь, какой воспитанный, — скривился

Тайл, — ладно, держи яблоко, кусака.

Но пегас от предложенного угощения отвернулся, пренебрежительно фыркнув.

— Во, наглец! — восхищенно проговорил законник, — даже взятки не берет. Ладно, отложим детальный осмотр. Все, что надо я увидел. Давно падали? — спросил он у Дары.

— Дней семь назад, — посчитала девушка.

— Хм, — задумался Тайл, — еще недели две, как минимум, на срастание костей, и неделю на разработку. У меня в детстве орел жил со сломанным крылом, так что опыт есть, не переживай. А повязки ты, молодец, хорошо наложила. Правое крыло меньше пострадало, можно через неделю попробовать бинты снять, а вот левое пока плоховато. Но ничего, вытянем. Он у нас обязательно полетит.

Дара невольно улыбнулась. Мысль о том, что пегас никогда больше не поднимется в небо, все это время червячком грызла сердце.

— Вообще-то он сладкоежка, — сдала она питомца. Умелые движения законника вызывали доверие, и Дара хотелось верить, что Тайлу удастся поставить Илька на крыло. Пусть в неволе, пусть не на родине, но пегас сможет летать.

— Хм, — законник сходил к мешкам, пошарил там и достал кусочек сахара, — держи, чудо природы, — он протянул его пегасу, — и учти,

это не подкуп, а просто знакомство.

— Бери, — шепнула Ильку девушка, — знаю, ему нельзя верить, но мы должны держаться вместе, пока ты не поправишься, а дальше видно будет.

И пегас послушно взял мягкими губами желтовато-белый кусочек сахара с ладони законника.

Кристан устало присел на камень, смахнул рукавом капельки пота, стекающие со лба, оглянулся — его товарищи с унылыми лицами рассаживались, кто куда, предпочитая оказаться в тени, а не под палящими лучами солнца.

Последний месяц лета — не лучшее время в горах. По ночам под одеяло пробирается холод, по утрам из-за туманов одежда становится сырой и влажной, а днем освещенные солнцем участки превращаются в настоящее пекло, и тогда в ущелье, кажется, даже камни излучают тепло.

Подошедший Эсар потряс остатками воды в кожаном мешке, вылил их себе на голову, встряхнулся.

— Ну и жара, — с тоской оглядел пышущие жаром скалы, затем добавил, — бесполезно, командир. Мы ходим здесь уже два дня. После пещеры, где она ночевала, ни одного намека на след. Я сначала на прошедший дождь списывал, а теперь думаю, прикрыли её следы, или еще хуже —

провели своим путем, а нас заставляют на пустом месте носом рыть. Уверен, наша птичка уже по Империи гуляет.

— Я сам так думаю. И даже знаю, кого «благодарить» за подобное невезение, — скрежетнув зубами, проговорил Кристан, — только не могу уйти, не удостоверившись, что эта парочка не валяется где-нибудь под скалой в полудохлом состоянии. Надо же было додуматься — рвануть на пегасе через горы в одиночку. И это после всего лишь месяца полетов! А Ильку я лично уши надеру. Мог и проявить непослушание, во благо хозяйки.

— Не мог, — подал голос, сидящий рядом Тимьяр, — она его с потрохами сахаром купила.

— Знал бы, что так дело обернется, — вздохнул Кристан, — подарил бы ожерелье или платье новое.

— Не кори себя, — к ним подсел Даргей, — пегас был лучшим подарком. Ничего другого она бы не приняла. Но Эсар прав, хватит жариться в этой камнедушке. Пора отправляться в Империю.

— И что там? Обшаривать близлежащие деревни? — недовольно хмыкнул Эсар, — это же около тридцати поселений, не говоря об одиночных хуторах.

— Да-а, — задумчиво протянул Тимьяр, — И не угадаешь, откуда начать. Горы могли вывести её где угодно. Да и не станет Дариэлла

останавливаться сразу у подножия хребта. Она не глупая, понимает, что её ищут. Уйдет от гор, но не слишком далеко. Так что не тридцать, а пятьдесят сел не меньше надо будет просмотреть. А начнем расспросы в каждом из них, и через пару дней здесь будет не протолкнуться от законников.

При упоминании главного врага в Империи, органы помрачнели. С каждым годом все сложнее становилось планировать операции и без потерь уходить от преследования. Законники учились на своих ошибках, превращаясь в достойных противников.

— О расспросах придется забыть, — подвел итог Кристан, — будем вести наблюдение и слушать, слушать, слушать. В тавернах всегда любят обсуждать новичков. Может и наткнемся на что-нибудь.

— А я, пожалуй, отправлюсь в столицу, — поднялся Даргей, — подготовлю своих людей. Чувствуется мне, девочка не сможет долго скрываться, слишком наивна.

— Думаешь, попадется? — помрачнел Кристан. Эту мысль он упорно отгонял прочь весь день, и все равно сердце сжималось в тревоге за хрупкую и такую беззащитную девушку.

— Она может и нет, но пегас... Скрывать его будет сложно.

— Хорошо, — Кристан тоже поднялся, — мы

перелетим на окраину и попробуем отыскать следы, может, повезет. Если нет — встретимся в столице. Как ни грустно признавать, но скорее всего ты прав. Дариэлли следует искать именно там.

За первые день пути они обменялись не больше двух десятков слов, и лишь вечером, сидя у костра, Тайл спросил.

— И что же такого могло произойти, что ты, сломя голову, рванула из Аргании?

Дара насторожилась — за подобным вопросом могло последовать все, что угодно. Отвечать она и не собиралась.

— Хотя, о чем речь, — продолжил законник с ехидной ухмылкой, — вечно вы, женщины, сначала делаете, а потом думаете. Небось, повздорили, выплеснули друг на друга ушат помоев и разбежались в разные стороны. Он в горы подался, камням на тебя жаловаться, а ты домой помчалась.

— И с чего такие домыслы? — ледяным тоном осведомилась Дара.

— Так чей-то кинжальчик на груди носишь, отсюда и домыслы. Раз не сняла, значит, все еще любишь.

Дара замерла, не веря, своим ушам. Она тогда ничего и не заподозрила — видела же подобные кинжалы на других женщинах, поди разбери, кто из них замужем, а кто нет. Неужели, на самом деле это не подарок, а обручение? «Ох, Тимьяр, Тимьяр...

как ты мог так поступить!»! Обида обожгла сердце, а рука сама потянулась сорвать шнурок с шеи, но вовремя остановилась. Здесь не Аргания, кинжал ничего не значит, кроме своей немалой стоимости. Да и Ниим просила не расставаться с оружием, мол, еще пригодится. И плевать на обручение, если лезвие хорошо заточено, а рукоять удобно ложится в ладонь.

— Раз не сняла, значит, мне удобно носить его на шее, — отрезала Дара.

— Ну-ну, — ей, конечно же, не поверили.

— И откуда такая осведомленность о брачных обычаях арганцев? — перешла в наступление девушка.

— В детстве много книжек попадалось, — законник перевернулся на спину, разглядывая звездное небо, — Я любопытным рос, читал все подряд.

— Язык тоже по книжкам выучил?

— С языком иная история вышла. Друг мой старинный ходил на Средиморский континент. Смешно, мы с Арганией через горы соседи, а чтобы купить их товары приходится плыть за тридевять земель. В тех краях он подучил немного арганский, мечтал торговые дела с горцами завести, — Тайл помолчал, вздохнул и добавил, — От него я и нахватался пары сотен слов.

— Как все просто! — Дара тоже не спешила

верить рассказам законника.

— У меня — да! — не остался в долгу Тайл, садясь, — а вот твоя жизнь, галчонок, так и кишит сложностями. Нет, чтобы помириться, разобраться, просто сбежала, да еще и на пегасе. Над этими конями арганцы, между прочим, хором трясутся. Нет, я не против подзаработать, а вот тебя за кражу по головке не поглядят, если поймают. И кинжал твой не поможет. Пегаса отберут, а воровки в Аргании не нужны. Там же все повернуто на долге, чести и морали, законы гор, твою мать.

Дара только вздохнула в ответ. А что тут сказать? Что действительно повернуто? И, что она теперь не просто продажная женщина, а еще и воровка? Хороша королева... Хотя сейчас на трон, только не арганский, а имперский. Там проще на подобные вещи смотрят.

— За что ты их так не любишь? — тихо спросила.

— Я?! — грубо расхохотался Тайл, — ты что-то путаешь, галчонок. Да, законники чуть ли не молятся на этих ворюг. Ты только представь, сколько ограблений на них списано. Приезжаешь на место, а там лишь трупы и никаких драгоценностей. Сразу ясно, чья работа. Поверь, никто даже проверять не будет, так оно на самом деле или нет. Многие шайки под арганцев работают, их и не трогают, пока зарываться не начинают, да выносить

лишнее. Ведь всем известно, что эти долбаные горцы лишь бирюльки забирают, а картины, посуду — ни-ни.

— А почему вы их не ловите?

— Зачем? У них же честь! Как найдут свои последние камушки, так и прекратят к нам наведываться. Так стоит ли силы тратить? Некоторые, правда, ради интереса на них охотятся — хочется им живого арганца поймать, да вдобавок император премию обещал за подобный героизм. Ну, а для простых людей велено врага из них делать, чтобы боялись, да в казну больше налогов платили. А то, кто еще их от ночных чудовищ защитит, окромя императора, да Службы Закона и Порядка? Вот и ходят слухи, что арганцы не только проклятое сокровище собирают, но еще кровь пьют и детей похищают.

Дара лишь головой покачала — сама ведь так думала. А много ли узнаешь, сидя за стенами приюта?

— Что притихла, галчонок? Собственной наивности поражаешься? — проницательно заметил Тайл, — думать надо было, когда сбегала, теперь то уже поздно. И чего не хватало? Хочешь знать, почему у нас не любят горцев? Не только из-за грабежей. Ты же видела, как они живут? Что скажешь?

— У них все по-другому, человечнее

что-ли, — задумчиво проговорила Дара.

— Вот! — Тайл со значением ткнул пальцем в небо, — человечнее..., а у нас императорнее. Чувствуешь, разницу?

Дара кивнула. Станный он, какой-то, этот законник. Речь иногда нарочито грубая, иногда слишком правильная, и идеи какие-то... негосударственные.

— Эх, галчонок, да за подобный шанс пожить в Аргании тут люди душу продать готовы, а ты, — он выразительно махнул рукой, отвернулся в сторону, и Дара почувствовала себя полной идиоткой, — зависть, наивная моя, простая зависть всегда рождает много злобы.

Вот кем я всегда восхищался во всей этой истории с драгоценностями, так это императором. Нет, какой молодец! Понял, что единственный шанс выжить — разыграть из себя безутешного влюбленного. И так разыграть, что все поверили, даже арганцы. Конечно, ему пришлось слишком рано пожертвовать тронem, да и свадьбой, но жизнь того стоит, не правда ли?

— Разве он её не любил? — Дара почувствовала обиду и за принцессу, и за Лиашанга.

— Любил? — рассмеялся законник, — Ох, галчонок, давно меня так не веселили. Ну, где ты видела, чтобы императоры любили, да еще и

женились по любви? У них одна единственная женщина в жизни, которой они остаются верны — власть.

Все остальное: женщины, охота, балы, картины, пытки и казни — лишь увлечения. И не смотри на меня так. Не всё в жизни на самом деле выглядит так, как нам кажется. Иногда это всего на всего иллюзия. Знаешь, галчонок, полезно уметь заглядывать в суть вещей, не доверяя первому впечатлению. Проницательные живут обычно дольше.

— Зато наивные спят по ночам лучше, — недовольно буркнула в ответ Дара. Она злилась на себя за собственную дурацость — позволила выследить сыну старосты, на Тайла за его намеки — выискался умный на её голову, на арганцев с их щепитильностью и играми в королевство. А больше всего её раздражала мысль, что законник, как ни крути, во многом прав. Она действительно повела себя, как полная дура — поверила, что горцы благодарны ей за помощь, что пожалели израненную девушку и забрали с собой. И все эти попытки сделать из неё арганку... Теперь Дара понимала, что они не случайны, но тогда предпочитала не видеть настораживающей заботы, не замечать странной заинтересованности горцев в имперской гостье.

Разговор затих сам собой, а утром Тайл

объявил, что если они поторопятся, то вечером будут спать на нормальных постелях, а не на земле.

Они и торопились. Полдороги девушка ехала на Ильке, правда, без седла, но это было лучше, чем трястись позади законника. На предложение сесть впереди, девушка ответила отказом. Пусть ехать в кольце мужских рук гораздо удобнее, даже подремать можно, но Дара предпочитала держаться от Тайла подальше. Будущая продажа пегаса незримым мечом висела над душой девушки, не добавляя теплоты в отношения с законником.

Вот только понимать разумом одно, а на деле... Тайл невероятным образом ухитрился оказываться все время рядом. Подсадить на коня, помочь с Ильком, донести тяжелую ветку до костра, усадить на одеяло, соорудить постель из еловых лап, набросить теплый плащ на плечи. И все это без каких-либо просьб со стороны Дары, без намеков и требований. А как он произносил «галчонок» — сощурился правый глаз и растянул уголок рта в усмешке. Так называют маленьких детей — вроде и прозвище, но почему-то не обидно.

— Глупая, — вещал рассудок, — для него ты — товар. Стоила бы дороже пегаса, продал бы отдельно, а так пойдешь, словно седло, в комплекте.

И Дара вздыхая, соглашалась, но только

равнодушно относится к прикосновениям законника, все равно не получалось. Да и слишком часто Тайл, словно ненароком, дотрагивался до девушки — вроде и не специально, вот только каждое прикосновение длилось чуть дольше, чем нужно было, пара мгновений, не больше, даже не придерешься.

В том, что законник ведет свою игру, Дара не сомневалась. Все его поучения; нашел тоже ученицу — скучно ему что-ли; все намеки, что в Арганию обратной дороги нет... Не прост законник, ох, как не прост. Но как ни пыталась Дара разгадать замыслы Тайла, ничего путного на ум не приходило. Не могла она понять законника, а потому справедливо опасалась. Но и в споры с ним не вступала. Понимала — связаны они сейчас. Тайлу важно продать их как можно выгоднее, а ей оказаться у хорошего хозяина.

Утром девушка позорно проспала. Проснулась, когда солнце уже давно встало над горизонтом. И не мудрено было проспать. Два дня в дороге кого угодно измотают до потери сил. Вчера поздно вечером они, наконец, добрались до укромного дома, скрытого в глухой чаще. Туда шли, пробираясь лесными тропинками и заброшенными трактами, словно за ними гнались не простые селяне, а вся Служба Закона и Порядка.

Небольшой охотничий домик встретил их

следами полного запустения — на окнах паутина, на полу пыль, в углах густые серые комки грязи. Стол, стулья, громоздкая дровяная плита в углу, пузатый шкаф — вот и все убранство большой комнаты.

Дара, пошатываясь, вошла внутрь, поморщилась — ноги болели неимоверно, а нижняя часть туловища не ощущалась вовсе.

— Твоя комната направо, — сказал Тайл, вошедший следом, — в шкафу возьмешь чистое белье. Иди уже отдыхать, — пробурчал он, видя, что девушка медлит, — пегаса я сам определю в сарай и, не бойся, даже покормлю.

Дара не боялась. Тайл все эти два дня демонстрировал чуткую заботу об Ильке, носился с ним, словно с драгоценностью, а у девушки каждый раз ныло сердце при мысли о предстоящей продаже.

Утро встретило тишиной. Дара распахнула дверь в большую комнату, сморщила нос — ну и грязища! Вечером от усталости, да в полумраке запустение дома не сильно бросалось в глаза, зато сейчас руки так и чесались заняться уборкой. Она вышла во двор, рядом с колодцем стояло набранное ведро воды. Быстро умылась и потащила ведро в дом. Тряпка обнаружилась в низенькой кладовке в коридоре. И только когда принялась за уборку, заметила на столе белеющий лист бумаги.

Подошла, прочла. С досадой шваркнула мокрой тряпкой об стол. Нет, ну какой наглец! С утра помчался в деревню. Даже не разбудил. Продукты, безусловно, дело нужное. Еды в доме ни крошки. Но подобное отношение больно царапнуло по сердцу. Законник так уверен, что она не сбежит? Что сдалась и смирилась с предстоящей продажей?

Как же было проще, когда присутствие Тайла уничтожало все шансы на побег. А теперь? Сомнения вновь всколыхнулись в душе у Дары. Вот она свобода — за дверью, шаг и лес скроет беглецов. Но куда бежать? К горам? Так, поди, в каждой деревне уже ходят слухи про арганскую ведьму с раненым пегасом. И как ни прячь крылья — лишь привлечешь внимание. В сторону столицы лучше не соваться — там охотников за пегасами еще больше. Поймала она себя в клетку, пусть и большую, где под каждым кустом по врагу.

Дара вздохнула, подхватила тряпку и принялась за уборку — за работой и время пролетит быстрее.

Глава 8

Закончив с большой комнатой, Дара перешла в свою спальню — небольшую с одним окном и низким потолком. Кровать, шкаф и маленький столик — вот и все её убранство. Девушка быстро

протерла окно, подоконник, заглянула в шкаф — стопки белья, полотенца — не густо. Домыла пол и, откинув сомнения, пошла во вторую спальню. Убираться, так везде. Комната выглядела абсолютным двойником первой, даже шкаф продемонстрировал единодушие с соседом. Единственным отличием были пустые дорожные мешки, лежащие около стены.

Любой дом, в котором жили люди, напитывается следами их пребывания — закатившийся под кровать пузырек, оброненная монета, кусочек бумаги, небрежно брошенный в угол, да мало ли надо, чтобы получить представление о прежних жильцах. Но этот был настоящим хранителем секретов.

Дара вымела все углы, убралась под кроватями, проверила шкафы, кладовку и большой сервант с посудой.... ничего, кроме пыли и грязи. Даже пыль была полностью безликой. Ничего такого, чтобы хоть как-то намекнуло, кто здесь жил, Дара не нашла. Под конец в девушке проснулся азарт, и она решительно отправилась на чердак.

Из бурьяна достала старую, порядком рассохшуюся лестницу. Замирая над каждой поскрипывавшей ступенькой, поползла наверх. С трудом распахнула чердачную дверь. Прижала валяющимся здесь же деревянным брусом.

Шагнула за порог и огляделась — пустота. Прежние хозяева даже хлам за собой вывезли не став его складировать на чердак. Лишь около стены стоял внушительных размеров сундук. Вот к нему-то Дара и направилась. Распахнула крышку. «Та-ак, что это у нас?» Тряпки, старая бумага, развалившаяся корзина — даже старьевщик побрезговал бы такое купить.

Девушка выгрестила весь мусор на пол — не густо. Заглянула внутрь, разочарованно поскребла пустое дно — маловато будет! И лишь когда начала складывать хлам обратно, поняла, что правда — маловато! Быстро прикинула высоту внешней стенки, сравнила с внутренней. Вот он — тайник! И не маленький.

Следующие полчаса Дара прыгала вокруг сундука, пытаясь добраться до его тайного содержимого. Поперенажимала все выступы, простучала стенки — безрезультатно.

Пару лет назад к ним в приют попала смешная боевая девчонка Литта. Её история была довольно печальной — отец утонул в море, когда Литта была крохой, мать умерла от неизвестной болезни, а девочку воспитывал дядя. На жизнь он зарабатывал себе контрабандой, но в последнем рейде был пойман и загремел-таки в тюрьму. Литту отправили в приют. По счастливой случайности новенькую определили в комнату к Даре. Вечерами она с

замиранием сердца постигала основы контрабанды, с ужасом слушала леденящие кровь байки о жестоких пиратов, морских дьяволов и проклятых сокровищах.

Но слушать — одно, а пытаться самой вскрыть тайник — совсем другое. Под конец Дара, разозлившись, пнула со всего маху сундук ногой, попав по темному пятну. Внутри что-то хрустнуло, треснуло. Она заглянула внутрь и вот она — удача! На бывшем до сего момента гладком дне теперь торчала ручка, а вдоль края темнела полоса. Девушка не медля, потянула днище сундука на себя — нехотя оно поддалось, а затем резко запахнулось, словно торопясь хвастливо обнажить сокровища.

— Ого! — присвистнула Дара, снимая черную тряпку, лежащую сверху, — да, тут целый склад.

Находка впечатляла. Кинжалы, украшенные сложной вязью по лезвию клинков, богато украшенные ножны мечей с торчащими из них рукоятками, парочка секир и топоров. Были и простые ножи и несколько обычных на вид мечей без ножен — целый отряд вооружить можно, а в углу обнаружили шкатулки, отделанные черным бархатом. Вот туда Дара и сунула свой любопытный нос. В первой лежала пара пистолетов, инкрустированных золотом, явно предназначенных для сиятельных тасов, в

следующей был небольшой, словно игрушечный арбалет, а в третьей набор ножей, обманчиво простых на вид. Вот только не будут дешевки храниться в бархатной шкатулке, значит, ножи ценны чем-то еще.

Больше ничего трогать не стала, а постаралась аккуратно сложить все, как было. Пусть законник и дальше не подозревает, что она в курсе его маленького секрета. Убрав все на место, Дара спустилась с чердака, спрятала лестницу в бурьян, и в глубокой задумчивости уселась на крыльцо.

Нет, конечно, можно предположить, что все законники имеют подобные схроны. При их опасной профессии мало ли что может пригодиться. Вот только лежащее на чердаке оружие стоит очень и очень дорого. Тем более странно поведение Тайла, переживающего за пять золотых так, как будто они последние в его кошельке. Тогда почему он вцепился в пегаса? И возникает законный вопрос, сколько стоит Ильк, если не бедный тас, хранящий на чердаке дорогое оружие, жаждет самолично продать коня?

Понятно, что цену на пегаса нельзя выяснить на рынке. Сравнить с обычными лошадьми бессмысленно, да и не торговали ими на рынке родного городка Дары, куда она часто наведывалась за покупками вместе с сестрами по приюту.

От раздумий её оторвал стук копыт, а затем на

полянку перед домом выехал Тайл.

— Привет, галчонок! — законник ловко спрыгнул с коня, — не соскучилась без меня?

— Скорее оголодала, — хмуро ответила девушка, злясь на невольную радость, шевельнувшуюся в душе при виде мужчины.

— Ха! Злая и голодная, — констатировал Тайл, — но у меня есть кое-то, что поднимет тебе настроение. Держи, — он кинул один из свертков, притороченных к седлу, на колени девушки.

Дара с любопытством зашуршала бумагой.

— Зачем мне одежда?

— Неужели, ты думаешь, что я повезу тебя в Рахтан на сделку вот в таком виде?

— Разве ты продаешь меня? — нахмурилась Дара, — я считала, что иду бесплатным подарком к пегасу.

— Конечно же, пегаса, — кивнул Тайл, развязывая остальные свертки, — но особого смысла смотреть на него у покупателя нет, крылья есть и ладно. Мне в таких делах верят на слово, репутация, знаешь ли. А вот ты — темная фигура. Покупатель же не дурак, понимает, кто на самом деле будет хозяином у пегаса, и получить истеричку или сумасшедшую девицу даже в подарок ему совсем не хочется. Твое присутствие на сделке не обсуждается. Едешь и точка.

От приказного тона Даре сделалось не по себе,

захотелось вспылить, нагрубить, но сдержалась. Лишь вскочила и убежала в комнату.

— Эй, галчонок, — позвал Тайл через некоторое время, — ты в курсе, сколько нужно варить эту птицу?

Пришлось выходить. При мысли о том, что законник оставит их без ужина, желудок обещал объявить бурную забастовку, а на гордость ему вообще было плевать.

Тайл притащил целую гору продуктов. Тут были и головка сыра, свежий хлеб, домашняя колбаса, от запаха которой рот сразу наполнился слюной, творог, яйца, завернутый в бумагу кусок масла, бутылка свежего молока, пару тушек птиц, несколько кусков мяса, мешочек с крупами и мешок с овощами. По всему этому многообразию становилось понятно — законник устраивался в доме не на один день, а в близлежащий городок предпочитал ездить как можно реже.

В заросшем саду за домом оказался спрятан погреб, куда они отнесли большую часть продуктов. А затем вдвоем принялись за приготовление ужина. Первым делом законник наделал бутербродов с колбасой и накормил Дару. Затем ушел к ручью и принес уже ошипанную тушку птицы. Девушка между тем разожгла плиту, почистила овощи и поставила их вариться.

За ужином, когда они оба уже насытились,

Дара лениво подбирала кусочки овощей с тарелки, а Тайл обгрызал птичью ножку, девушка задала мучавший её вопрос.

— За сколько ты хочешь продать Илька? — и сама поразилась, как буднично прозвучал вопрос о продаже друга.

Законник ответил хитрым взглядом.

— За сколько — не скажу, боюсь, спугнуть удачу, но не переживай, затраты окуплю. Так что смело бери одежду. Считай — твоя доля в сделке.

— Не нужна мне никакая доля, — вспыхнула Дара.

— Хорошо, — не стал спорить Тайл, — отдашь с первого вознаграждения. Не могу обещать, что платить будут много, тут все зависит от тебя самой, но работать бесплатно не будешь.

— И за это спасибо, — язвительно ответила девушка. Настроение испортилось окончательно. Какая-то часть внутри неё смирилась с будущей продажей, но легче от этого не стало. Сердце все так же сжималось от боли при мысли о судьбе Илька.

Утром она проснулась от странных звуков, доносящихся с улицы, словно кто-то методично стучал по деревяшке. Вот только стук был каким-то странным, глухим.

Быстро оделась, выскочила во дворе. Законник обнаружился около крыльца. Он один за

другим посылал метательные ножи в толстый ствол сухого дерева, стоящего на границе леса. Верхушка у него была отпилена, а кора счищена. Дара еще вчера гадала, зачем было оставлять около дома сухую деревяшку. Теперь ясно, зачем.

Она остановилась за спиной у законника. В левой руке у того хищным веером расположился с десяток ножей, правой он брал по одному и посылал в цель. В истыканном стволе дерева уже торчала парочка лезвий, отбрасывая на кору солнечные блики.

— Доброе утро, галчонок, — не оборачиваясь, поприветствовал её Тайл, — не хочешь заняться завтраком?

— Сначала пойду, покормлю Илька.

— Не торопись. Пегас накормлен и выведен на выпас.

Дара досадливо поморщилась.

— Зачем? Я могла бы сама все сделать.

— Мне не сложно, галчонок. К тому же от его выздоровления зависит мое будущее состояние. Так что насчет завтрака?

— А ты можешь звать меня по имени?

— Конечно, — Тайл повернулся к девушке, — просто не придумал еще. Ты ведь своим именем назвалась в таверне?

Девушка, прикусив губу, кивнула.

— Не хочу привыкать тебя им звать.

Побудешь пока галчонком. Потом подберем тебе что-нибудь подходящее. Имя — половина успеха. Вот как звучит Дара? Короткое, незвучное, словно кличка собаки.

— Неправда, — насупилась девушка, — Дара — от слова дар, подарок.

— Дарят просто так лишь дураки. А нам нужна прибыль. Так что имя меняем. К тому же, зачем оставлять подсказки нашим друзьям, верно?

Дара промолчала, про себя решив, что новое имя выберет сама. И ни с какой прибылью оно связано не будет, еще не хватало.

— Можно попробовать метнуть? — попросила она.

— Ну, попробуй, — с недоверием отнесся законник к её просьбе. Однако сходил, повытаскивал ножи из ствола, принес обратно.

— Держи, — протянул один.

Дара взяла за рукоятку, еще хранящую тепло чужой руки. Взвесила клинок — тяжелый.

— Держать нужно вот так, — Тайл обнял девушку, обхватив ладони, — у каждого ножа есть свой центр тяжести. Чем точнее ты его определишь, тем проще будет попасть в цель. Попробуй покрутить нож в руке, взвесить его.

Дара повертела нож, пытаясь следовать инструкциям законника, однако мысли почему-то никак не хотели сосредотачиваться на лезвии и

центре тяжести. Да и как тут можно сосредоточиться, когда чужое дыхание касается щеки, а мужское тело так непозволительно близко.

— Теперь большим пальцем прижимаем нож к ладони, нет, вот так. Точно в центр тяжести. Поднимаем руку, отводим назад и резко бросаем.

Нож на удивление не улетел в траву, не шлепнулся позорно под ноги, а воткнулся в ствол дерева.

— Новичкам везет, — подмигнул законник, отступая назад, — теперь сама.

Дара облегченно вздохнула — присутствие Тайла нервировало и одновременно с тем волновало, поднимая из глубины души неведомые доселе эмоции.

Следующий нож, конечно же, улетел в траву, а за ним второй, третий... Без помощи законника ножи отказывались лететь по прямой и втыкаться куда-нибудь кроме земли. Но Дара вошла во вкус, не желая сдаваться.

— Ровнее, спину выпрями, руку жестче, почувствуй нож, словно он продолжение тебя.

Тайл тоже вошел во вкус, и командовал зычным голосом, словно наставник новобранцев.

Под конец Дара взмокла окончательно, руки тряслись, а во рту пересохло, но она уверенно посылала в дерево каждый третий нож.

— А ты, молодец, — задумчиво проговорил

Тайл, осматривая утыканый лезвиями ствол, — способная. В ученики, что-ли взять?

— Шутка, — серые глаза сощурились в усмешке, увидев вытянувшееся от удивления лицо девушки, — я не могу пожертвовать такими деньгами, — с притворным сожалением сказал законник, — итак вон завтрака лишился, — добавил ворчливым тоном.

На обед Дара одела новые блузку и юбку, купленные законником, заколола вверх отросшие волосы. Наградой за старания ей стал затуманенный взгляд серых глаз и дрогнувшая рука, пролившая квас из кувшина.

Еле молча. Тайл был странно задумчив, и под его взглядом Даре становилось не по себе.

— Я в город, — проговорил он, как только тарелка опустела, — вернусь поздно, не жди. Пегаса заведи сейчас, на закате слепни свирепствуют.

И быстрым шагом вышел из дома.

«И что его туда понесло? — размышляла девушка, намывая посуду, — Небось, задумал что-то. Ох и не нравится мне эти его поездочки».

Ночью Дара проснулась от скрипа двери, чьих-то шагов, звука удара и сдавленных проклятий. Соскочила с кровати, тихонько приоткрыла дверь, да так и застыла на пороге, зажав в руке кинжал — последние дни девушка с

ним не расставалась, даже ночью убирая под подушку.

В большой комнате царила темнота, лишь центр был освещен полоской лунного света, падающей из широкого окна. Вот в этом серебристо-сером куске стояла, покачиваясь, черная тень. Дара похолодела от ужаса и приготовилась сражаться за собственную жизнь, но тень не делала никаких движений, продолжая раскачиваться из стороны в сторону. А затем знакомый голос еле слышно забормотал: «Что творю, а? Нет, ну, а она? Тоже, ик, хороша. Деньжищи-то какие! И вообще, ик, плевать мне на всяких пернатых!»

— Тайл! — рыкнула Дара, приходя в себя, — да, ты пьян!

— Я? — удивилась тень, взмахивая руками, из-за чего опасно наклонилась, сделав резкий рывок вперед, почти въехав носом в стол, — видишь, иду, — пояснила тень, упираясь обеими руками в стол, — значит, почти трезв.

— Да, вижу, — с сарказмом ответила Дара, разглядывая законника. Серебрянные в лунном свете волосы всклокочены, и из них в живописном беспорядке торчат пара веточек, рубаха порвана на груди, воротник оторван напрочь и торчит из кармана, — неплохо погулял?

— Отлично! — буркнула тень, пытаясь отклеиться от стола, получалось с трудом.

— Тогда не буду мешать! — разозлившись всерьез, проговорила Дара. Она тут переживает, волнуется, а он надирается до свинского состояния, — можешь продолжать веселиться.

— Разрешаешь? — как-то напряглась Тень, а в следующий момент почему-то оказалась на пороге комнаты в опасной близости от девушки. — Составишь компанию? — мурлыкнула она, блеснув серыми глазами. Дара в растерянности отступила вглубь комнаты. Тень наклонилась вслед за ней, с шумом втянула в себя воздух, — м-м-м, пахнешь травой и летом, вкусно.

— Уходи, — прошептала девушка, обнажая кинжал, и собравшись с силами, крикнула, — Убирайся! Вон из моей комнаты!

Дару начало трясти. Призрак веселого дома замаячил перед мысленным взором, возвращая пережитый ужас. К горлу подступила тошнота. А острие кинжала медленно поползло вверх, нацеливаясь на мужскую грудь.

Тень застыла, склонив голову, наблюдая за девушкой. Серые глаза постепенно теряли лихорадочный блеск.

Затем законник разом ссутулился, и глухим голосом произнес: «Твой выбор, галчонок». Развернувшись, твердой походкой удалился в сторону своей комнаты.

Гулко хлопнула дверь. Этот звук оживил

застывшую девушку. Она бросилась закрывать дверь. А затем без сил опустилась на пол, прислонившись спиной к холодной поверхности деревяшки. Трясущимися руками убрала кинжал в ножны, попыталась успокоиться — тщетно. Стук сердца набатом звучал в ушах.

Нечто темное, потаенное, то, что происходит между мужчиной и женщиной под покровом ночи только что коснулось их двоих, коснулось и разочарованно отступило — не время, слишком рано, слишком дерзко, слишком грубо.

Не об этом она мечтала, слушая стыдливые рассказы девочек о первой любви. Не здесь, не так и не с тем. Пусть скромная, но свадьба. Пусть корявые, но признания в любви. Пусть дешевое, но обручальное кольцо. Пусть не белое, но праздничное платье.

Чего стоят мечты? Много или мало? Нисколько, если похоронить их и бесконечно много, если пытаться осуществить.

Утром она долго не решалась выйти из своей комнаты. Было неуютно встречаться с Тайлом после вчерашнего. Нет, законника девушка не опасалась. Понимала, что вред он ей не причинит. Захотел бы — не ушел, и навряд ли она смогла бы ему помешать. Скорее собственные страхи вызывали в ней чувство стыда. Но вечно в комнате не просидишь.

Дара в сотый раз проверила кинжал на шее, в последнее время оружие добавляло ей чувство уверенности, и решительно вышла из комнаты.

Тайл обнаружился за столом. Он был занят вполне мирным, можно даже сказать, женским занятием — чистил картошку.

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась Дара, с удивлением разглядывая законника. Что-то в его облике неуловимо поменялось, так обычно выглядят люди, принявшее окончательное решение, знать бы еще какое.

— Доброе, — с благодушной улыбкой отозвался Тайл, не прекращая занятия.

Дара направилась к выходу их комнаты — умыться, и уже на пороге её застали тихие слова: «Прости, за вчерашнее».

— Прощаю, — девушка не стала поворачиваться. Не стоит демонстрировать законнику своего волнения, — если подобное больше не повторится.

— Обещаю, галчонок, — с облегчением выдохнул Тайл, — мир?

— Мир, — невольно улыбнулась Дара.

Умывшись, отправилась к пегасу.

— Илькушка, доброе утро, — достала приготовленный кусочек сахара. Конь приветливо заржал, потянулся за лакомством. Выздоровление шло полным ходом, и сегодня они планировали

снять повязки с правого крыла. Вот в чем Дара была полностью уверена, так это в желании законника, как можно скорее вылечить пегаса. Самой ей видеть коня с каждым днем становилось все труднее, словно она его не на продажу, а на плаху отправляла.

Вот и сейчас в горле появился тугой комок, а глаза защипало от слез.

— Простишь ли ты когда-нибудь меня? — с горечью проговорила она, глядя морду пегаса.

Ильк тихонько заржал, ткнулся в плечо, мол, все будет хорошо, хозяйка, не переживай, выкрутимся, где наша не пропадала.

Следующие десять дней пролетели быстро, как один. Дара подолгу разминала правое крыло пегаса, возвращая ему былую гибкость, готовила еду на двоих, убиралась в доме, а большую часть времени проводила в тренировках. Тайл привез из города небольшой арбалет, и теперь кроме метания ножей, обучал Дару стрельбе по мишеням, сделанных из мешков с соломой.

Законник несколько раз уезжал в город и возвращался оттуда трезвым и хмурым. Девушка пытался подступиться к нему с расспросами, но Тайл лишь заверил её, что если что-нибудь прояснится, она об этом обязательно узнает.

В их отношениях наступило шаткое равновесие. Законник больше не делал попыток

приблизиться к девушке, даже во время занятий демонстрировал стойку и постановку рук на расстоянии.

Дара с упорством осваивала новую для неё науку убивать. Слишком жесток был урок, преподнесенный ей судьбой, слишком часто она ощущала себя беспомощной жертвой, пора научиться уметь постоять за себя.

В эту поездку Тайл вернулся не один. За ним на второй лошади трясся здорового вида детина с русыми волосами.

— Галчонок, собирайся, мы выезжаем, — крикнул законник, спрыгнув с коня.

У Дары внутри все оборвалось. Как? Так быстро? Куда?

— Поторапливайся, — приказал Тайл, — до темноты мы должны успеть оказаться в Динниках.

— А Ильк? — обеспокоенно поинтересовалась она.

— За Ильком присмотрит Гарос, — законник махнул рукой в сторону мужчины, — не переживай, он надежный и не проболтается. Правда, Гарос?

Мужчина согласно промычал.

— Немой, — пояснил Тайл, — и обязан мне кое-чем. Так что твое сокровище в надежных руках.

Дара только головой покачала. Ей не нравилась идея оставлять Илька одного с этим мужиком. Но и тащить его с собой — полное

безумие.

Она быстро собрала свои вещи — было бы что собирать. Платье, юбка, несколько рубашек, запасной плащ. Тайл даже белье ей купил новое. Стыдно, но пришлось взять. Без него еще хуже.

Ехали они быстро, стремясь до ночи добраться до Динников, чтобы заночевать на постоялом дворе, а не в лесу.

Дара обдумывала полученную от законника информацию. Встреча должна была состояться в Кестворде — третьем по величине городе Империи.

— Мы просто пообедаем вместе, — вводил в курс дела Тайл, — посидим, посмотрим друг на друга. Сам покупатель, естественно, не придет. Будут его доверенные лица. Поэтому твоя задача: сидеть молча и улыбаться, не все время, конечно же. На вопросы отвечай осторожно. Твоя наивность здесь не поможет, а потому говори поменьше. Часть правды всегда выглядит лучше, чем полная ложь.

— Если ты так переживаешь, что я сорву тебе сделку, мог бы оставить меня в доме, — не выдержала поучений Дара, — я не маленький ребенок и, поверь, сумею промолчать, когда надо.

— Наш внешний возраст иногда не соответствует внутреннему, — ухмыльнулся Тайл.

Они сидели за столом таверны. Несмотря на усталость, каждый заказал по несколько блюд, и сейчас девушка упорно пыталась впихнуть в себя

еще один истекающий соком пирожок с мясом.

Динники оказались небольшим городком, в меру чистым, стыдливо прячущим грязь по закоулкам, с одинаково серыми одноэтажными домиками, сложенными из местного камня.

— Тогда ночью ты на мой возраст не посмотрел, — парировала Дара.

— Было темно, — развел руками законник, — ошибся.

— Ты специально меня дразнишь?

— Пытаюсь расшевелить. А то глядя на твое мрачное лицо, у меня возникает подозрение, что я везу тебя на свидание с палачом. Смотри в будущее веселей, галчонок. У тебя будет работа, у меня деньги, у Илька шикарная конюшня и лучший овес Империи, я молчу про кобылиц.

— А свобода? — подняла на него глаза Дара.

— А свобода, галчонок, зачастую зависит от нас самих. Можно и во дворце среди золота быть бесправнее раба, ни шагу без особой цели и высокого предназначения и только под присмотром слуг, а можно на рудниках свободно позвякивать цепями, петь неприличные песни и плевать надсмотрщику в спину. Каждый сам выбирает себе границы свободы. Кто-то довольствуется малым, а кому-то целый мир тесен.

— Ты из сиятельных тасов? — глядя в глаза Тайлу, спросила Дара. Подозревать высокое

происхождение законника она начала давно, вот только момента подходящего озвучить догадки не было.

— Неплохо, крошка, — законник откинулся на спинку стула, — как догадалась?

— Сиятельные тасы верят на слово лишь таким же, как они, — пожалала плечами Дара. Надо же, её повысили и переименовали из галчонка в крошку. Пора начинать гордиться.

— Ты начинаешь думать, а это похвально, — тут же скомкал её гордость Тайл, — если так и дальше пойдет, глядишь, дорастешь до собственных комбинаций. Не стоит считать всех сиятельных тасов такими, как графиня Тао-Ресак, — добавил он, видя, как напряглась Дара, — не все из нас полагают достойным залазить в родительский карман за звонкой монетой. Некоторым приходится и самим на жизнь зарабатывать, а тут не до развлечений, знаешь ли, особенно когда кушать хочется, — состроил он жалобную гримасу.

— Голодающий сиятельный тас, — не удержавшись, фыркнула Дара, поневоле расслабляясь. Ох, и хитер законник. Как можно его понять, когда истинное лицо он тщательно скрывает за несколькими масками. Вот и сейчас зануда, считающий себя самым умным, сменился на веселого добродушного парня. Но более всего Даре

становилось не по себе, когда из серых глаз выглядывал хищник. Тогда серость превращалась в сталь, лицо затвердевало, а движения приобретали особую плавность подкрадывающегося к добыче зверя.

— Очень смешно, — добродушно проворчал Тайл, — давай уже заканчивать, нам завтра вставать с рассветом.

Законник ухитрился, не смотря на переполненность постоянного двора взять им две комнаты. Правда, Дара подозревала, что для этого ему пришлось прибегнуть не только к деньгам. И девушка была благодарна за подобную заботу. Она с облегчением вытянула измученное тело на кровати. Как же неудобно дамское седло! Как будто нельзя использовать штаны и юбку с разрезами, как это делают арганцы. Нет, сидишь всю дороге, свернув спину набок.

Утром неумолимый Тайл действительно поднял Дару с рассветом. Та чувствовала себя отвратительнейшим образом. Вчера, не смотря на усталость, девушка не смогла долго заснуть. Мешал шум, доносящийся из зала, мешали собственные грустные мысли, тревога за Илька, а к ним добавлялась грусть по Аргании. Что она делает здесь, в этой грязной комнате, на старой кровати, в чужой одежде? Собственные смелые замыслы раз за разом наталкивались на неумолимую правду

жизни. Может прав, законник, и она всего лишь глупый галчонок, которого каждый может обмануть и использовать в своих целях?

Нет, сдаваться нельзя! Она в ответе за Илька, а потому прочь похоронные настроения. Этот бой проиграть нельзя. Если продаваться, то задорого и самому достойному. Пусть у Илька будет серебряное стойло и лучшие кобылицы. Ей самой ничего не надо, кроме крыши над головой и спокойной жизни.

В Кествурд они приехали за пару часов до полудня. Дара все это время чудом не вывалилась из седла, дрема никак не хотела её отпускать. В город въезжать не стали. Остановились на окраине в небольшой таверне. Тайл заказал им по бодрящему травяному настою и снял комнату для девушки.

Дара ледяной водой прогнала приставучую сонливость, переделалась в скромное, но элегантное платье светло бежевого цвета. Наскоро выпила приготовленный напиток, отказавшись от свежее испеченных булочек. От волнения её начало потряхивать, а сердце сжималось от тревоги.

Тайл тоже переделался — короткий мужской плащ, тонкая белая рубашка и черные кожаные штаны — прямо столичный фронт, а не законник.

До нужной таверны они поехали верхом. Очень скоро копыта лошадей застучали по

каменной мостовой. Кествурд мог похвастаться аж трехэтажными домами, большими магазинами с просторными витринами, широкими центральными улицами, а на площади, через которую они проезжали, бил настоящий фонтан.

Ближе к центру улицы были забиты прохожими, а по мостовой еле-еле двигались экипажи, их торопливо обгоняли верховые всадники, получая в спины громкие проклятия.

Тайл резко завернул в боковой переулок — узкое пространство между двух высоких заборов. Дара еле успела повторить его маневр. Скоро законник спешил около неприметных ворот, громко постучал. Через пару мгновений ворота заскрипели, открывая путь во двор.

— Лошадей оставим здесь, — пояснил Тайл, — до места дойдем пешком, здесь недалеко осталось.

— Очередной немой должник? — тихо спросила Дара, кивая на мужчину в помятой рубаше, уводившего коней вглубь двора.

— Почему же, — обиделся Тарк, — говорящий, но должен много, — хитро улыбнулся.

Нужная им таверна располагалась в тихом переулке — двухэтажная с богатой отделкой — явно здесь за обеды расплачивались серебряными, а то и золотыми монетами. Дара с тревогой поправила платье. Глубоко вздохнула и шагнула в

распахнутую услужливым слугой дверь.

— Вас ждут, — с поклоном бросился им навстречу сам хозяин, — прошу за мной.

Он торопливо повел их на второй этаж, где располагался второй зал, еще более помпезный, чем первый. Но и здесь они не задержались, а направились к одной из трех дверей, ведущих в отдельные кабинеты.

— Прошу, — ринулся было открывать дверь хозяин, но его ловко оттеснил Тайл.

— Спасибо, дальше мы сами.

Хозяин понятливо кивнул и быстро ретировался обратно.

Глава 9

Дара с трепетом вошла в полутемный кабинет. Внутри за столом сидели четверо. Надвинутые капюшоны плащей полностью скрывали их лица.

При появлении Дары они встали, снимая одновременно капюшоны.

— Рад тебя видеть, Дариэлла, — проговорил Кристан, пристально глядя на девушку.

Растерявшись, она отступила назад, но путь отступления был уже перекрыт Тайлом, плотно прикрывшим за собой дверь. Гнев мгновенно захлестнул девушку.

— Ах, ты, предатель! — развернулась она к

нему.

— Я же не обещал, не продавать тебя арганцем, — скучающим тоном ответил законник, — извини, но самую высокую цену предложили они.

— Да, ты! — Дара сжала руки в кулаки, — да, ты! Ты — грязная вонючая свинья, у которой вместо мозгов одно золото в голове звенит!

— Спасибо, что напомнила про золото, дорогая, — насмешливо проговорил Тайл, вот только глаза были похожи на два кусочка серого льда, — надеюсь, вы не ошиблись с подсчетом монет, уважаемые?

Уважаемые скривили недовольные гримасы, но спорить не стали. За спиной девушки раздались три увесистых шлепка. Когда она обернулась, на столе красовались три туго набитых мешочка.

— Так вот, во сколько вы меня оценили? — прищурилась Дара.

Кристан заметно побледнел и нервно сглотнул, а Тимьяр напротив окинул девушку суровым взглядом и приказным тоном произнес: «Дариэлла, мы обо все поговорим, но не здесь и не сейчас».

— Ага, после того, как привяжите цепями к трону, да натяните на голову арганскую корону, — ехидно заметил законник.

Тишина, воцарившаяся в комнате, показала,

что осведомленность законника — неприятная неожиданность для всех.

Сердце девушки попыталось испуганно екнуть, но Дара сурово на него прикрикнула — нашло время бояться!

— И давно догадался? — повернулась она к Тайлу.

— Почти сразу же, — не стал отпираться законник, — видишь ли, галчонок, — за спиной Дары некто громко скрипнул зубами, — горцы никогда не похищают наших женщин, то ли брезгуют, то ли своих достаточно. А потому единственной причиной, по которой они вдруг решили забрать с собой неизвестную девушку, было бы её королевское происхождение. По правде говоря, это была всего лишь догадка, но приятно осознавать, что я не ошибся, — он наклонился и добавил тихим вкрадчивым тоном, — тогда ночью, я не мог отказать принцессе, когда она так настойчиво меня просила.

Тишина в комнате стала оглушительной, и Дара спиной почувствовала возмущенные взгляды арганцев. Что же, её падение в их глазах продолжается.

— Ненавижу, — выдохнула.

— Я тоже буду скучать по тебе, галчонок, — ехидная ухмылка и взгляд, брошенный вглубь комнаты, ясно показали, ради кого сейчас

разыгрывается этот спектакль. Тайл знал, что сильно рискует, но отказать себе в удовольствии подразнить арганцев не мог.

— Нам пора, — шагнул из-за стола Даргей, — внешне оставшийся невозмутимым, лишь загорелое лицо стало бледным.

Даре даже оглядываться не нужно было, чтобы понять — устроенное законником представление не осталось незамеченным.

На плечи девушки лег плащ, а затем Кристан нежно, но твердо прижал к себе.

В одно мгновение ухмылка исчезла с лица Тайла, оно превратилось в безразличную маску. Законник отстранился, давая дорогу горцам.

— Если бы мы не спешили сейчас, — раздался над его ухом звенящий от ярости шепот, — ты бы не вышел из этой комнаты живым. Карту! — Гестар требовательно протянул руку.

— Место, где ваши люди смогут забрать пегаса, помечено крестиком, — спокойно пояснил Тайл, доставая из-за пазухи свернутую в рулон карту, — если заблудятся...

— Мы найдем, — прошипел горец, выхватывая карту из рук законника, — и лучше тебе нам больше не попадаться, второй раз такими добрыми не будем.

— И щедрыми, — тихо добавил Тайл в спину арганца.

Дверь закрылась, отрезая одну часть его жизни от другой. Мужчина поморщился — накатившая тоска неприятно сжала сердце. Похоже, кое-кому из пернатых удалось пробить брешь в его обороне. И чем зацепила? Непонятно. Внешностью? Мало ли смазливых баб побывало у него в постели? Жалостью? Скольких из них он встречал и в худших условиях.

Почему-то вспомнилась деревня. Худенькая темноволосая девушка отчаянно бьется в руках кузнеца, и тут же, наплевав на свою жизнь, бросается на защиту питомца.

Он стоял тогда в тени сарая, выбирая удобный момент, чтобы вмешаться. Только идиот упустит такой шанс заполучить в руки живого пегаса, да еще и с хозяином. Тайл не упустил. И впервые оказался в таком положении, когда разум твердит одно, а сердце ноет совсем о другом.

Если бы не пегас, Дара попыталась бежать в первую же ночь. Законник специально не стал её неволить и не прогадал. Да и на продажу она согласилась только из-за коня. Видно же было, как противна девушка малейшая мысль о сделке. И то, с каким упорством она тренировалась, о многом сказали Тайлу. Не сладкой была её жизнь, раз не верила в спокойную и размеренную судьбу.

Славный галчонок, наивный, храбрый и преданный, жаль, что не для него. Не подпустят его

горцы к трону, особенно его. Да и как бы ни хотела принцесса скрыться от арганцев, только в одиночку, без покровителей — дело немыслимое. Арганцы далеко не так беспомощны в Империи, как были сто лет тому назад. Сейчас их сеть осведомителей в теневом мире может поспорить со Службой. А как же иначе? Арганцы в отличие от имперцев всегда платят за добытые сведения. Да и самой Службе стоит пронюхать, что горцы ищут на территории Империи некую девицу, и в этом случае не спасут уже никакие покровители. Найдут и девушку, и пегаса.

Хорошо, что сейчас она его ненавидит, быстрее забудет. А ему не привыкать — зальет горе самым дорогим вином и выпьет за счастье галчонка. Нет, лучше не вина, а того пойла, что привозят из Лустры — прозрачное, как слеза, и обжигающее, как дыхание дракона. За такое лекарство и целого золотого не жалко. Тем более что сейчас он вполне обеспеченный человек. Пусть остальные считают его идиотом за то, что вернул пегаса арганцем, на репутацию ему давно плевать, главное — галчонок будет в безопасности у своих.

Тайл подошел к столу, взвесил три мешочка — два побольше с монетами, и один с камнями — поменьше. Развязал один — вытащил золотой. На сегодняшнее лечение достаточно. Остальные убрал в потайные карманы. Оставалось одно дело —

убрать заработанное в надежное место и можно идти топить хандру в лустровском пойле.

— Я никуда с вами не пойду, — заявила Дара, как только за ними закрылась дверь, — слышите, никуда, — сказала из чистого упрямства. Пусть не считают её послушным животным — куда тащат, туда и идет.

— Даризлла, не сейчас, — со страдальческим видом произнес Кристан, — здесь не безопасно.

— А где безопасно? — взорвалась девушка, однако голос понизила, — На троне?

— Поговорим, когда покинем город, — предложил Даргей, накидывая капюшон на голову Дары, — и не заставляй нас тащить тебя силой.

Девушка вспыхнула, но сдержалась. Не хватало только им всем оказаться в канцелярии. Вот праздник будет у императора!

Спускаясь за Тимьяром, Дара испытывала массу противоречивых эмоций: досаду на то, что так легко и быстро попалась; бешенство от предательства Тайла; глухую тоску при мысли о собственном будущем, но в этой мешанине присутствовал явный привкус тихой радости. У девушки, словно тяжелый камень с души свалился — теперь не придется продавать Илька в чужие руки. Арганцы позаботятся о пегасе, и его крылья еще наполнятся ветром родной долины.

С Илька мысли сразу же переключились на

Тайла. «Ненавижу тебя! — беззвучно прошептала Дара, вспоминая лицо законника и его довольную ухмылку, — Законченная сволочь ты, а не законник, — злилась она, кусая губы».

Кристан придержал девушку за плечо, не давая шагнуть на первый этаж, пока его товарищи проверяют выход из таверны. «Вот и кончилась свобода», — с досадой подумала Дара. Пусть в глубине души она понимала, почему так осторожничают арганцы, вот только раздражение оказалось сильнее доводов разума.

Горец легонько толкнул девушку, давая понять, что можно идти.

«Вжик», — пропела смерть, влетая сквозь распахнутое по случаю теплой погоды окно и втыкаясь в столб рядом с головой Дары. «Трень», — закачалась рядом её сестрица. В следующее мгновенье девушка очутилась на полу.

— Не высовывайся, — рыкнул Кристан, нависая над ней.

Тайл вышел из кабинета. Карманы плаща приятно оттягивала тяжесть кошельков, на душе было погано, но хандра притихла в предвкушении обещанной пьянки. Второй этаж все еще пустовал. «Молодец Остр, понимает, как нужно проводить подобные сделки», — мелькнула уважительная мысль. Мелькнула и пропала. Уж слишком тихо было в таверне. С первого этажа куда-то делись

привычные слуху звуки. Сердце сжалось от тревожного предчувствия, а еще от осознания того, что она сейчас с ними. А значит...

Пригнувшись, Тайл крадущимися шагами пробирался по лестнице. Когда стал виден первый этаж, законник замер, а потом в одно движение скользнул за перевернутый боком стол. С поставленными набок столами зал сейчас напоминал площадку для игр в прятки. Посетители сидели на полу тихо, не высовываясь, в глубине души, наверняка, кляня затеяницу судьбу, приведшую их на обед в эту таверну. Лишь в углу скулила женщина, да мужской голос бубнил молитвы откуда-то из центра.

— Давно сидим? — весело поинтересовался Тайл у ближайшего к нему горца. Неожиданная отсрочка расставания с Дарой привела его в отличное расположение духа, — нам с тобою, галчонок, никак не расстаться, — это уже девушке.

Тихо пропела сталь и наткнулась на лезвие кинжала.

— Нехорошо, — укоризненно покачал головой, отводя нож от своей груди, — вам сейчас помощь не помешает, а ты в меня ножичком тыкаешь.

— Кристан, дай мне его убить, — донеслось от соседнего стола.

— Я сам, — черные глаза нехорошо блеснули,

и арганец повторил удар.

— Так как насчет помощи? — спокойно поинтересовался Тайл, уходя от удара.

— Сначала сам предаешь, а теперь помощь предлагаешь? Что, денег не хватило?

Сидя замахиваться ножом было неудобно, и арганец решил придушить наглого имперца, но сначала попытался достать кулаком до лица. Мерзавец ловко уклонился, и кулак врезался в стол, чуть его не опрокинув.

— Это кто тут предатель? — обиженно донеслось снизу, куда сполз Тайл, уходя от удара, — ты что, с горы рухнул?

— А засада сама собой нарисовалась? — ехидно поинтересовался Даргей из-за левого стола.

— Остр! — завопил вдруг этот помешанный имперец, — Стой, сволочь, я все равно вижу твой толстый зад. Не уйдешь, зараза!

Хозяин таверны, все это время тихо ползущий к заветной двери на кухню, дернулся, словно ужаленный, и, колыхаясь своим немаленьким телом, резво запрыгал прочь.

— Ну, погоди, — Тайл рванул было наперерез, но ему самому наперерез помчалась парочка арбалетных болтов, — вот же....! — нырнул обратно, покосился на Дару и добавил, — нехорошие люди, устроили, понимаешь, охоту на честных граждан.

— Ты-то честный? — ехидно поинтересовалась девушка, — но, знаешь, Кристан, я ему почему-то верю. Он хоть и жадный до золота, но не подлец.

— Верь ей, — проникновенно подтвердил Тайл, усаживаясь между ними, — я и так с вами засветился. Мне приводить кого-то еще на сделку смысла нет. Как говорится, меньше народу, больше живых.

— Может он и прав, — подал голос Гестар, — у меня тоже нет веры посредниками. Сколько раз из-за их жадности мы теряли людей!

— Тогда чего мы ждем? — с нетерпением осведомился Тайл, — Надеюсь, вашей страховки?

— Если я пока тебя не убил, — недовольно ответил Кристан, — это еще не значит, что я тебе поверил.

— Значит, я прав. И вы подстраховались. Вот только, если об этом догадался я, то можно предположить, что суровые ребята с арбалетами тоже не лишены сообразительности.

Ответный взгляд горца не просто придавил, а почти размазал Тайла по полу.

«Ну-ну, — лишь посмеивался про себя законник, — подобная самоуверенность еще никого до добра не доводила. Я, конечно, могу ошибаться в заказчиках, уж больно богат выбор желающих отправить арганцев на тот свет, но если судить по

наглости нападающих и отсутствию стражников... Боюсь, горцев ждет неприятный сюрприз. За них явно взялись всерьез, знать бы точно кто».

Снаружи раздался невнятный шум, слышались чьи-то крики, которые тут же стихли. Через пару мгновений тишину пронзила переливчатая трель.

Один из горцев ответил не менее мелодично, в ответ просвистели уже с трех сторон.

«Жаль, что нам так и не удалось расшифровать эти свистки», — подумал Тайл, наблюдая, как мрачнеет лицо соседа. Он бы дорого отдал, чтобы понимать, о чем пересвистываются сейчас арганцы.

— Нам пора, — арганец поднялся, помогая встать Даре.

— Я бы не советовал торопиться, — покачал головой Тайл.

Взгляд, которым его удостоил горец, явно говорил, куда он может засунуть свои советы, и что в его компании никто не нуждается.

Пять фигур в темных плащах осторожно выдвинулись к двери.

«Интересно, — подумал Тайл, оставаясь на месте, — понимают ли они, насколько привлекают сейчас к себе внимание днем в жару в черных плащах? Осталось только таблички «Арганцы» повесить для сомневающихся или тупых». Хотя без

плащей ситуация не лучше. Дети гор практически все темноволосые, высокие, с бронзовой от загара кожей и ярко голубыми глазами. В любой толпе низкорослых жителей империи они будут как на ладони. Не зря здесь в Империи окопались те, кого мать-природа наградила иной внешностью. А эти четверо, что пришли на сделку, явно из боевой группы. Там внешность не важна. Прилетели ночью, вырезали тех, кто по пути попался, золото забрали и обратно к себе в Арганию вернулись. Хотя у того, что вокруг галчонка вился глаза серые, взгляд такой... хм, серьезный мужик. Был бы имперцем, может, познакомились поближе, а так — дохлый номер. Горцы пить не умеют, веселиться тоже, про баб и говорить тошно. Одна тоска с их правильностью. Но руки у них из нужного места растут, да и мозги работают так, что имперские ученые от зависти зеленеют.

Тайл привстал, провожая взглядом, как скрываются за дверью арганцы, уводя с собой Дару. Усилием воли заставил себя остаться на месте. И так мишеней на улице много, еще одна ничего не изменит.

Однако и для него мощный взрыв, ворвавшийся сквозь открытые окна в зал таверны, стал полной неожиданностью. «Маг, твою мать!»

Ноги уже сами несли к выходу, когда включилась голова. Тайл резко свернул к окну,

осмотрел заволокшееся дымом пространство и потрусил в сторону кухни, где имелся запасной выход. Он, конечно, тоже под присмотром, но все же шансов выскользнуть из него незамеченным гораздо больше, тем более одному невысокому имперцу.

«Это же кому продал нас Остр, если заказчик расщедрился на мага?» — недоумевал Тайл, выглядывая в переулок, тот был пуст, и только на выходе мелькали чьи-то тени.

В империи магия давно стала больной темой. Это раньше существовали школы, учителя, даже целая академия имелась. Писались трактаты, создавались новые заклинания. В монастырях, говорят, жили настоящие кудесники, силой духа творившие совсем уж небывалое. А затем народ измельчал, принизился, к земному потянулся. Земное с духовным всегда плохо сочетается. Дух от удобства, да роскоши слабеет, ленью зарастает. Куда ему внутреннюю силу растить, когда мысли одни о желудке, да благах разных. А благ этих, как известно, мало не бывает.

Маги стали драть несусветные деньги за все: за малейшие услуги, за обучение, да просто за свое проживание в каком-либо городке. А дар он ведь не выбирает богатых или бедных. Вот и перестали отправлять детей на обучение, коли стоит оно не один золотой.

Первыми стали разваливаться небольшие школы, за ними захирела Академия. Отдельные маги пытались спасти положение, но несколько талантливых учеников не могли уже сыграть какой-либо значительной роли. Вымирание шло полным ходом. Последними сдались монастыри.

Устояли лишь лекари. Они всегда были ближе всех к смерти, а потому не слишком увлекались продажей своих талантов. Когда знаешь, что смерть не делает исключений, и отличается полной непредсказуемостью, не очень-то стремишься накопить как можно больше золотых монет.

Остальной шушере Тайл вообще не верил, ни всяким предсказателям, ни звездоскателям, ни якобы защитникам от злых сил.

Хоть и редко, но в империи продолжали рождаться дети с магическим даром. Чаще всего они шли в лекари, где хоть чему-то можно было научиться, реже, при особом складе характера уходили на Службу императора. Здесь их учили находить людей, используя их личные вещи или распознавать, говорит человек правду или ложь. И совсем уж большой редкостью было умение убивать на расстоянии.

Таких магов, как знал Тайл, на всю империю насчитывалось не более трех. Иногда, они работали по частным заказам, но стоило это не просто дорого, а не позволительно дорого.

«Если этого нанял кто-то из сиятельных тасов, может и выкрутимся, — размышлял Тайл, направляясь в тупик. Оттуда шел проверенный путь через стену, — а если Служба раскошелилась, пришел горцам большой и полный обвал. Из-под такого точно не выберутся. А Остр, какой красавец! И как только жив до сих пор?».

Сам Тайл иногда пользовался услугами хозяина таверны и не понаслышке знал, что тот связан с арганцами. И ведь не боялся брать деньги у горцев, значит, мог позволить себе не бояться. Законнику стало даже интересно, кто там ходит в покровителях у продажной крысы.

Мысль вернуться и спросить, а заодно убрать лишние жиры с задницы, к сожалению, пришлось отменить. У него тут горцы подорванные бегают, да галчонка за собой таскают. Непорядок!

Задумываться над тем, почему ему вдруг стала безразлична судьба какой-то там девчонки, пусть и целой принцессы, Тайл не стал. «Где арганцы, там деньги!» — гласила людская молва. «А еще Служба, император и жаждущие крови тасы», — добавил бы от себя Тайл. Но про деньги мысль была заманчивая, да и не привык законник терять что-то свое, пусть теперь ему не принадлежащие.

«Зря я что-ли девчонку от костра спас», — бормотал он, ныряя в хитросплетение улиц.

Ярко светило солнце, одуряюще пахли белые

цветы, растущие в горшках около таверны, в доме напротив заливалась канарейка, сидя в клетке на подоконнике. Умирать совсем не хотелось, ни на единую капельку. Наоборот, хотелось сбросить черный плащ, скинуть узкие новые сапожки, вырваться из душного города, пробежаться босиком по траве.

«Шалишь, дорогая, — ехидничало сознание, пряча за ехидством страх, — теперь никаких «я хочу». Теперь у тебя одни государственные интересы, да заботы о народе в голове должны быть. Кушаешь кашку утром и думаешь, чем бы еще арганцев облагодетельствовать. Ванну принимаешь, а сама проект какой-нибудь обдумываешь. Привыкай! Идешь по улице, зажата с четырех сторон хранителями королевского тела так, что и не рыпнешься, а все о свободе мечтаешь, глупая... Еще неизвестно, доживешь ли ты вообще до трона с такими замашками».

Ощущение, что некто сверлит спину тяжелым взглядом, не пропадало с тех пор, как они вышли из таверны. Напряжение нарастало, пропитывая собой воздух. Хранители тела невольно прибавили шаг, бросая по сторонам настороженные взгляды.

Тихий свист Дара бы не услышала, если бы не прислушивалась к окружающим звукам. Не успел он стихнуть, как девушку резко дернули в сторону, втаскивая в боковой проулок, прижимая к стене.

Грохнуло так, что зазвенело в ушах, а стена подпрыгнула под спиной. «Маг!» — испуганно ахнуло сознание. Послышался звон разбитого стекла, чьи-то встревоженные крики, но Дара уже тащила за руку прочь.

Арганцы разделились. В переулке с девушкой оказались Кристан и Гестар. Дара не видела, что стало с Тимьяром с Даргеем. Скорее всего, им пришлось укрыться на другой стороне улицы.

Они бежали, петляя по узким переулкам, провожаемые испуганными взглядами прохожих и стуком захлопывающихся ставен. За спиной нарастал шум, поднимался вверх серый дым, там остались враги и друзья.

Из переулка выскочили на небольшую площадь. Впереди расстился ремесленный квартал. На краю площади замер увитый ползучим кустарником трехэтажный дом. Густые заросли образовали на первом этаже целые ниши. В их тени беглецы и остановились. Вовремя. Дара уже с трудом переставляла ноги.

— Оставайтесь здесь, я на разведку, — сказал Гестар, скрываясь за углом.

Дара прислонилась к стене дома, пытаясь обуздать колотящееся сердце. До нее только сейчас начало доходить, что целью атаки мага были все пятеро, и, если бы не реакция арганцев, она была бы уже мертва. Очень неприятное ощущение,

понимать, что являешься мишенью для неизвестного мага.

— Испугалась? — Кристан повернулся к девушке, протянул руку к её бледному лицу, — не бойся, я никому не позволю тебя обидеть.

— Беспокоишься о королеве? — зло бросила в ответ Дара, отшатываясь в сторону. Пусть он и спас ей жизнь, но прошлое предательство никто не отменял.

Кристан скрипнул зубами, однако промолчал, лишь в серых глазах заблестели злые льдинки.

— Нашли время ворковать, — раздался над их головами насмешливый голос Тайла. Дара вспыхнула, а Кристан выругался, обнажая меч.

— Ты что здесь забыл, недоумок? Спускайся, я с удовольствием проткну твою лживую шкуру.

— Мне и здесь хорошо. Тем более что это не меня сейчас загоняют, словно дикого зверя, — законник сел на перила балкона, удобно облокотился о стену и всем видом изображал отдыхающего от трудовых забот прохожего.

— Если что-то знаешь, говори. Нет, проваливай отсюда, — рявкнул Кристан, теряя терпение.

— А ты попроси, — насмешливо предложил Тайл, склоняя голову набок.

От достойного ответа Кристана отвлек Гестар. Появившийся арганец был бледен и выглядел

крайне встревоженным. Некоторое время они тихо переговаривались, затем Кристан виновато посмотрел на девушку: «Прости, мы не можем прямо сейчас вывести тебя из города. И дом, в котором мы хотели переждать облаву, оказался ненадежным. Есть вариант добраться до другого, но придется идти далеко».

— Ничего, я справлюсь, — выпрямилась Дара, — не переживай за меня. Будет гораздо хуже, если мы попадемся.

— А вы и попадетесь, — жизнерадостно провозгласил Тайл, — в таком виде вас любой дурак опознает, даже стражники, не смотря на то, что они самые тупые в этом городе. Совсем, видать, вы днем работать не умеете, — ворчливо добавил он, — вырядились в плащи и думаете, что черное на белом незаметно.

— Если хочешь что-то предложить, давай быстрее, — проговорил Гестар, делая знак Кристану, чтобы тот перестал подбирать удобную позицию для броска ножа, — нам оставаться долго на месте нельзя.

— Днем вам не выбраться из города, — вмиг посерьезнел Тайл. Он легко перемахнул через перила и спрыгнул вниз, — я так понимаю, ваши сейчас активно изображают бегство зайчиков по городу, только боюсь, нужных людей это с толку не собьет. Её, — он кивнул на Дару, — многие видели

в таверне. И не мне вам говорить, что появление девушки в компании арганцев может навести на очень даже неприятные размышления.

— Ты так говоришь, как будто все помнят, что было сто лет тому назад, — поморщилась Дара.

— Забыли бы, если бы кое-кто не воровал постоянно драгоценности.

— Мы возвращали своё! — вспыхнул Кристан, хватаясь за меч.

— Тихо, — Гестар оглядел Тайл задумчивым взглядом, а затем уточнил, — сколько?

— Вот это другой разговор, — подмигнул законник девушке, — по цене сойдемся. Время, как говорится, деньги. А в вашем случае, еще и голова на плечах, хе-хе. Так что прошу следовать за мной. Укроетесь до темноты, а потом могу посодействовать выходу из города.

— Как-нибудь сами, — резко ответил Кристан, от которого не укрылось вальяжное отношение Тайла к Даре.

Невзирая на протесты Кристана, по настоянию законника они разделились. Дара сняла плащ и неторопливым шагом пошла впереди под руку с Тайлом. Оба арганцы двигались позади на небольшом расстоянии. Плащи они тоже сняли, правда, под ручку взяться, как ехидно предложил законник, отказались. Но хоть шаг поубавили, да на лица натянули беззаботные маски.

Тайл вел их умело — по тихим спокойным улочкам, до которых еще не дошла суматоха. Пара раз вдалеке мелькали отряды стражей, но на самом пути им попадались лишь спешащие с поручениями посыльные из лавок. Этим что обед, что вечер — надо торопиться исполнить заказ.

Несколько раз беглецы ныряли в арки, срезая путь через дворы доходных домов, один раз прошли насквозь лавку, торгующую коврами, и вышли на соседней улице. По пути Тайл кивнул хозяину, как старому знакомому. Затем оказались около забора старого, порядком обветшавшего дома.

— Купил по дешевке, — пояснил Тайл, открывая калитку.

Внутри дома было пыльно и вместе с убогой мебелью — пара шатких стульев на все три комнаты и один монументальный стол, он представлял собой довольно жалкое зрелище.

Арганцы потоптались около входа, незаметно осматривая жилище.

— Идите уж, проверяйте, — махнул рукой законник, — не доверяют, — пожаловался он Даре.

— А вдруг ты здесь целый отряд стражи прячешь?

— Разве что под столом, — предположил Тайл и, заметив, заинтересованные взгляды арганцев, воскликнул, — ну, конечно, как я мог

забыть! Пару недель назад мы тут одну сделку обмывали. Под конец, кто только под этим столом не валялся. Может, и до сих пор там лежат, — он подошел, наклонился, на полном серьезе заглянул вниз, — никого, — поднялся с огорченным видом, — неужто все расплзлись? Жаль, такие милые ребята были.

— Шут, — презрительно хмыкнул Кристан, аккуратно проверяя остальные комнаты. На удивление, дом действительно оказался пустым, хотя он до последнего ждал ловушку. Станный все-таки этот Тайл. Им так и не удалось выяснить личность того, кто предложил купить девушку с раненым пегасом. Осторожный оказался, зараза. И вот теперь, эта неожиданная помощь, которая на самом деле пришлась очень кстати. Похоже, за них действительно взялись всерьез. Давно уже пора было менять сеть осведомителей, но гвардейцы тянули, надеялись успеть собрать все драгоценности, а потом просто забыть империю, как страшный сон. Нет, не успели. Как и подозревали, почти все якобы доверенные лица работали не только на них, и теперь, когда запахло жареным, вспомнили о своих хозяевах, мигом забыв тех, кто платил им щедро все эти годы.

Придется выбираться самим. За ребят он не переживал, выкрутятся, не впервой. Одиночке всегда легче просочиться сквозь облаву. А вот им

самим с Дарой выбраться из города будет гораздо труднее. Тем более что Тайл прав. Искать будут не только арганцев, но и девушку, замеченную вместе с ними. Похоже, они все-таки разворошили пчелиный улей, и в игру могут вступить совсем нежелательные персоны.

— Вам нужно уходить без меня.

Услышав твердый голос девушки, Кристан аж споткнулся. Он как раз заканчивал обход комнаты, намечая пути к возможному отступлению и точки наилучшего обзора.

— Дариэлла! — с укоризной произнес Гестар.

— Дара, — девушка упрямо поджала губы. Все благие мысли о примирении мигом вылетели из её головы, — меня зовут — Дара. Оставьте свою Дариэллу для арганок.

— А она права, между прочим, — неожиданно встал на защиту Тайл, — хотите выдать её этим своим «Дариэлла», — мяукающим тоном передразнил он.

Горцы насупились, замолчали.

— Ты не можешь здесь остаться, — почему то виновато глядя на Дару, произнес Кристан, — если он догадался, — кивнул на Тайла, — остальные тоже скоро поймут, кто ты, если уже не поняли. Еще шестнадцать лет назад потомков принцессы Араэллы было пятеро. А спустя шесть лет остался только один, точнее одна — ты. Тот, кто убил

четверых, охотится и за тобой.

Глава 10

Тайл мысленно присвистнул. Дело, оказывается, еще хуже, чем он думал. Воняет так, что слезы на глазах наворачиваются. Сто лет прошло, а кому-то до сих пор нейдет. Это что же получается? Некий злобный долгожитель целенаправленно уничтожает потомков арганских правителей? Бред. Пусть он трижды гадина, столько не живут. Тайл быстро перебрал роды сиятельных тасов, отличающихся стойкой ненавистью к горцам и хорошей памятью. Выходило слишком много кандидатов. «Умудряются же некоторые иметь во врагах половину населения империи!» — с раздражением подумал Тайл, с тоской понимая, что влип. Влип полностью. Сколько раз он проклинал себя за идиотский характер падкий на всевозможные тайны и загадки. Ну, вот кто его тянул влезать в это дело и помогать арганцам. И не стоит все сваливать на прекрасные черные глаза. Дело отнюдь не в них, точнее не только в них.

Ну, не мог он пройти мимо той истории арганской принцессы. И не его вина, что эта страница в скучнейшем учебнике была самой загадочной среди рассказов о заговорах,

завоеваниях и отрубленных головах. До сих пор её наизусть помнит. А сколько раз пытался понять, что произошло в горах на самом деле. Был ли император причастен к ограблению и убийству свадебного кортежа или нет? Что это — нелепая случайность или тщательно спланированная афера? И вот теперь у Тайла есть шанс приблизиться к разгадке. Может он его упустить? Нет!

Размышление прервал тихий всхлип.

— Дариэлла, — встревожился Кристан, шагая к девушке, — прости, галчо..., тьфу, Дара.

«Болван!» — разозлился на себя горец. Привязалось же словечко. Пару раз ловил себя на том, что мысленно называет девушку галчонком и вот теперь произнес вслух. Нет, не зря ему так не понравился имперец. От него только зло. Так опозориться. Хотя... С растрепанными от бега волосами и покрасневшими щеками, с блестящими от слез черными глазами Дара действительно напоминала галчонка. Такого маленького, взъерошенного, растерянного. Хотелось прижать к себе, закрыть, защитить от всего мира.

— Родители, — тихо прошептала Дара, прикрывая ладонью рот, — их нет?

— Ох, прости, милая, — Кристан нежно обнял девушку, — прости, мы не подумали, что ты все еще надеешься их найти.

Дара прижалась к его груди, чувствуя, как рушатся детские мечты, как умирает надежда, унося с собой кусочек её сердца, быть может, самый главный. У нее не будет семьи, никогда не будет. Даже воспоминаний у нее нет. Она никогда не узнает, как выглядела мать, каким был её отец. От отчаянья девушка тихонько завывала. Больно, как же больно терять надежду.

Кристан крепче прижал к себе, стремясь разделить с ней эту боль, облегчить страдания. Какая же она слабая и беззащитная, как ему хочется, что она вновь стала ему доверять.

Каждый из брошенных детей всегда мечтает найти родных. Мечтала и Дара, иначе не убивалась бы так сейчас. Они же, пусть и невольно, лишили её этой надежды. Как это страшно — понять, что остался один на белом свете, что столько лет напрасно надеялся на встречу с близкими.

Кристан легонько коснулся губами волос девушки, вздохнул. Пусть эта боль пройдет быстрее, пусть прошлые раны заживут, перестав кровоточить. Жизнь продолжается. Хоть и не сразу, но Дариэлла привыкнет к Аргании, полюбит свою страну и найдет в ней счастье. В глубине души Кристан надеялся, что счастье она найдет с ним.

— Спасибо, — прошептала Дара, отстраняясь. Ей действительно стало легче. В объятиях Кристана боль, словно уменьшилась в размерах, стала глуше.

Теперь девушке было понятно выражение «Как за каменной стеной». Хорошо иметь такого защитника. Жаль, что Кристан защищает её только из чувства долга. Как женщина она его не интересуется. Даже прикасается к ней, наверное, с брезгливостью. Кто она в его глазах? Продававшая тело за деньги. Не успела удрать в империю, как завела себе очередного любовника.

А Тайл — каков! Нравится ему дразнить горцев и плевать, что при этом страдает репутация Дары. Мужчина, одним словом. Меряет все по себе — чем больше любовниц, тем выше самомнение. А для женщины все строго наоборот. Только почему — непонятно. Нет, как раз понятно — мужчинам рожать не нужно, дети ведь не виноваты, кто из родителей загулял, а кто всерьез решил создать семью. Только все равно несправедливо. Кому-то развлечение, а кому-то презрение и клеймо.

Кристан участливо заглянул в глаза девушки, и на мгновение ей показалось, что он не притворяется и действительно расстроен. «Нет ему веры! — тут же вмешалась гордость, — все они мастера обмана. Ты же не будешь больше наивной дурочкой, которая верит каждому слову этих обманщиков горцев».

— Мне всегда было интересно, сколько еще побрякушек вам нужно украсть из Империи, чтобы забыть сюда дорогу? — словно невзначай

осведомился Тайл, делая вид, что не замечает покрасневших глаз Дары. Он устроился на столе и с беззаботным видом болтал правой ногой в воздухе.

— А мне интересно, откуда ты такой любопытный взялся? — с нескрываемой угрозой в голосе поинтересовался Кристан.

— Одну, — спокойно ответила Дара, — точнее, один. Это набор.

— Колье, парные браслеты, серьги и диадема. Бриллианты и немаленькие такие.

— Неплохая осведомленность, — Гестар напрягся. Сначала этот имперец оказывается в курсе происхождения девушки, не так уж много людей в империи помнят подробности давнейшей истории, теперь вот драгоценности принцессы ему известны.

— Я, знаете ли, в детстве был любознательным ребенком и читал все, что под руку попадет.

— И в какой же книге тебе попало описание приданого пресветлой Араэллы? — уточнил Кристан. Слово невзначай его рука легла на плечо девушки, а вторая на рукоять меча. Откровения имперца нравились ему все меньше и меньше.

— В дневнике императора Лиашанга, — невозмутимо ответил Тайл, упорно не замечая напряженных взглядов арганцев. Как хороший актер он выдерживал паузы, как великолепный

игрок, выкладывал козыри по одному.

— Насколько мне известно, дневников сохранилось всего три экземпляра: один подлинный и две копии, — обозначил следующее затруднение Гестар.

— Честно не скажу, была ли это копия или подлинник, — безмятежно улыбнулся Тайл.

— И как простой тас достал оригинал, хранящийся в императорской библиотеке или же копии из хранилища Хрустального монастыря, ты, конечно же, тоже не скажешь. Да и откуда, Серому Лорду знать такие вещи, я прав? — губы Кристана тронула еле заметная победная усмешка. «Вот ты и попался, имперец. Обрежу волосы, если не угадал!»

— Неплохо, горец, неплохо, — Тайл выглядел таким довольным, словно только и мечтал, чтобы его раскрыли.

— Кто такой Серый Лорд? — непонимающе нахмурилась Дара.

— Самый известный, самый родовитый и самый незаконный торговец оружия Империи, — пояснил Гестар, — видишь ли, только настоящий ценитель может позволить себе носить кинжал из нашей стали, и только приближенный к императорской семье мог проникнуть в библиотеку и прочесть там дневник Лиашанга.

— А из всех лордов — наследников императора, лишь Серый мог наплевать на закон и

отдать тебя нам, — честно добавил Кристан.

— Наследник — сильно сказано, — скривился Тайл, — я четырнадцатый в очереди на мозгодробительное кресло под названием трон. И совсем не стремлюсь там оказаться.

— Разве ты не законник? — удивилась Дара.

— Был им давно, — отмахнулся он, — потом ушел на собственные хлеба. Не люблю, галчонок, плясать под чужую дудку.

— И почему сиятельный тас решил помочь простым арганцам? — с насмешкой поинтересовался Гестар, однако в голосе чувствовалось напряжение.

Тайл сделал вид, что задумался, подобрал правую ногу к себе, положил подбородок на колено. Даре тоже надоело стоять, и она осторожно присела на один из стульев. Надо же, не развалился!

Можно было, конечно, пристроиться рядышком с Тайлом на столе, но как-то неудобно. Хотелось видеть выражение лица этого лже-законника, когда он перейдет к сути дела. Неспроста же начал вспоминать свое детство, явно что-то задумал. Дара уже успела изучить Тайла, чтобы понимать — этот человек ничего не будет делать просто так. Вот никогда бы не подумала, что перед ней целый лорд, скорее кто-то из обедневших сиятельных тасов, да еще с торговыми в родне. Уж

больно умело и прибыльно Тайл ведет свои дела.

Благородные в империи делились на две категории: родственники императорской семьи — лорды и все остальные сиятельные тасы — графы, герцоги, князи. Торговые стояли немного особняком. У многих из них денег было поболее, чем у сиятельных, зато происхождение не дотягивало. Вместе с торговыми на одной социальной лестнице находились законники, чиновники и военные. Эти брали власть не деньгами, а силой. Что, в общем-то, иногда работало лучше золотых кругляшков. Далее шли горожане — именитые и простые, затем ремесленники, крестьяне, ну и ниже были те, кому уже падать некуда.

— Простые, говоришь? — прикрыв один глаз, спросил Тайл и сам себе ответил, — шалишь, братец, не проведешь. Вон тот черноволосый в меня хоть и простым ножичком тыкал, а не родовым кинжалом, понимаю, для удара родовым оружием моя грудь не достойна, да только к своей драгоценной принцессе вы кого-либо не допустите. Я так думаю, передо мной сыновья мудрейших из мудрейших, которые у вас в совет входят.

Дара наострила уши. Признаются или нет? Она ведь до сих пор не знает, кого из аржанцев пророчат к ней в мужья. Сама девушка никогда не решится спросить напрямую. Гордость не позволит.

Да и не стоит торопиться. Пусть наместник первым сделает ход. Там и посмотрим, что к чему. Если от трона ей, похоже, не отвертеться, то мужа навязать себе не даст. Жаль, что надежды на свободную жизнь не сбылись. Как говорится, хочешь насмешить Создателя, расскажи ему свои планы. Оставаться в империи смысла больше нет, ни смысла, ни родных. Есть еще мать-настоятельница и девочки из приюта, но не может она к ним вернуться и тем самым подвергнуть их жизни опасности. Как ни грустно признавать, но дорога у неё одна — в Арганию. В империи осталось, правда, одно дело. Но даже думать об этом не стоит, так мизерны шансы к нему приступить.

— Кристан, — шагнул вперед арганец, слегка склонив голову.

— Гестар, — повторил его жест второй горец.

— Тайл, — махнул в ответ рукой лорд.

— Просто Тайл? — брови Гестара взлетели вверх.

— Просто Кристан и просто Гестар, — поставил точку в обмене именами Тайл.

Кристан не мог не восхититься наглостью этого имперца. За последнее время количество оскорблений, нанесенных Серым Лордом, тянуло как минимум на три смертных приговора, а вот участие в спасении Дары не могло быть оценено ни какими деньгами. Кристан припомнил все, что ему

было известно об этой странной личности. Серым его прозвали не зря.

Прозвище подходит к нему, как нельзя лучше. Волосы пепельного оттенка, глаза стального. Тайл дьявольски удачлив, на его счету сделки, которые сделают честь любому торговому дому. Склонен к импульсивным благородным и даже романтическим поступкам, за что обожаем женской частью населения. В делах расчетлив, выгоды никогда не упустит. Страстный коллекционер, как оружия, так и женщин. Не доверяя никому, предпочитает лично отбирать товар. Много времени проводит в разъездах. С семьей отношения напряженные, на грани разрыва. Император не раз пытался пристроить двоюродного племянника к государственным делам — тщетно. Но надежду не потерял, иначе не стал бы закрывать глаза на самовольство родственника. Торговые люди описывали Тайла, как человека умного и жёсткого. Не чурается крови, если вынуждают обстоятельства.

Кристан упорно пытался понять, какую игру затеял лорд, изображая перед ними то шута, то простофилю, то завязатого ловеласа, да вдобавок еще явный интерес к Дариэлле... Поначалу это вызывало лишь раздражение, но и только. Простой законник никогда не сможет стать претендентом на руку и сердце принцессы. Другое дело лорд. По

своему положению член императорской семьи считается хоть и не лучшей партией, но возможной, в теории. На практике имперец на троне — худший кошмар совета и наместника. Еще бы понять, что чувствует Дариэлла к Серому. Они пробыли вместе достаточно времени, чтобы между ними возникло влечение. Сейчас девушка ненавидит Тайла за предательство, но не скрывает ли ненависть под собой другие более глубокие чувства. Если Дариэлла поставит условием своего восхождения на трон брак с лордом, что решит в этом случае Совет, озабоченный продолжением королевского рода, Кристан даже представить не мог. словно кошмар в его мыслях пронеслось видение скалящегося идиотской улыбкой Тайла, ведущего Дариэлла в храм. Нет, это полный бред — имперец на горном троне! Не бывать! Он приложит все усилия, чтобы держать Дариэлла подальше от любителя оружия и женщин.

Усилим воли арганец постарался вернуть себе безмятежный вид, лишь руки сжались в кулак. Последнее время он часто ловил себя на мысли, что выдержка дает сбой. Насколько легче было дома. Как ни хватает сейчас той уверенности, что завтра он обязательно увидит Дариэлла, заглянет в её красивые черные глаза, поймает светлую улыбку, и сердце забьется чуть быстрее, а мир окрасится в яркие краски. Задумываться о чем-то серьезно до

возвращения наместника Кристан не решался. Будущее было слишком зыбким и неопределенным, да и служба в гвардии связывала его по рукам и ногам. Потому Кристан и запрещал себе строить какие-либо планы в отношении Дариэллы, впрочем, как другие, посвященные в тайну девушки гвардейцы.

В первый же вечер, по возвращении из империи, они, словно мальчишки, поклялись держаться с принцессой по-дружески, не давая ей поводов влюбиться в одного из них. Каждый понимал, что брак с будущей королевой должен в первую очередь отвечать интересам Аргании, а определить эти интересы мог лишь наместник.

Но соблюдать клятву получалось не у всех. Кристан не раз замечал, как легко подпадали под очарование девушки его друзья, как сквозь дружеские речи проглядывал совсем иной интерес. Да он и сам ловил себя на том, что глядя на весело смеющуюся в компании арганцев Дариэллу, ему все чаще хотелось схватить её в охапку, забросить на пегаса и умчать в укромную долину, затерянную среди скал.

Но Кристан не ожидал, что побег Дариэллы отзовется в сердце такой сильной болью. Те дни, когда он, обезумев от страха и переживаний за девушку, метался среди равнодушных скал, навсегда останутся в его памяти. Как это,

оказывается, трудно принять, что ничем не можешь помочь слабой и беспомощной женщине, быть может в этот самый миг погибающей где-то в чужих землях. Если бы не поддержка друзей, его рассудок бы помутился.

Само собой вышло так, что на поиски рванули все вместе. Гестар — командир второго отряда гвардейцев без возражений поднял своих бойцов и отправился на перевал. А затем в империи присоединился к ним и настоял на том, чтобы его люди тоже участвовали в обеспечении безопасности сделки. Как оказалось, не зря.

Полетел с ними и Даргей. С неохотой наместник все же отпустил самую светлую голову королевства. Арганец официально не был гвардейцем, но за его спиной было планирование не одной операции в империи. Используя лишь сведения от агентов, он выискивал сегодняшних хозяев пропавших драгоценностей, а затем разрабатывал возвращение украшений домой.

— Раз все друг с другом теперь знакомы, может, скажешь, что ты задумал? — обратилась Дара к Тайлу. Какое-то внутреннее беспокойство постепенно овладевало девушкой. Ей казалось, что время неотвратно утекает, еще чуть-чуть и будет поздно. Понять бы еще, что они упускают.

— Я говорил, что был любознательным ребенком? — выпрямился Тайл, спустив ногу на

пол, — А еще крайне непоседливым и любопытным.

— Ты их видел! — воскликнул Гестар, — Видел, не отрицай. Император забыл упомянуть в дневнике браслеты.

— Не отрицаю, видел, — согласился Тайл, — один раз, но дорогу помню хорошо. Как насчет того, чтобы прогуляться туда еще раз вместе со мной?

— Я правильно понимаю, что речь идет о королевской сокровищнице? — осторожно спросила Дара.

— Именно о ней, галчонок. Прелестное место. Лабиринт, масса ловушек, шагрэзы опять же расплодилось за последнее время — жуткие твари. Сам император предпочитает туда спускаться как можно реже, храня золото поближе в дворцовых подвалах.

— И ты хочешь сказать, что мальчишкой смог вскрыть это прелестное место? — с нескрываемым сарказмом поинтересовался Кристан.

— Хочу сказать, что нашел проход в обвалившейся стене, ведущий из старой части лабиринта в новый. Он выходит почти к самой сокровищнице.

— Там же печать на крови. Как ты смог отрыть дверь?

— Вообще-то это одна из самых охраняемых

тайн нашей семейки. То, что сокровищницу может распечатать лишь император или его дети — вранье. Возможно, раньше, так оно и было, но после некоторых досадных случаев замок поменяли. Теперь ему все равно, сколько частей императорской крови в тебе содержится.

Решайтесь. Без меня вам точно туда не попасть, а со мной хоть какой-то шанс. Дару вывезем из города и передадим вашим. Только договоритесь, чтобы ждали нас по пути в столицу. Шансов выйти из северных ворот гораздо больше. Все знают, что вы пегасов на юге на пути к горам оставили и туда же будете прорываться. А на северных у меня парочка прикормленных стражников есть, которые привыкли закрывать глаза на мои ночные проходы, а за приличную сумму закроют их и для вас.

Арганцы переглянулись — предложение действительно было заманчивым.

— Я иду с вами, — это заявление Дары стало полной неожиданностью для всех.

— Нет! — три голоса слились в один. Мужчины смутились. Тайл буркнул что-то неразборчивое, Гестар досадливо поморщился.

— Дара, — Кристан с жалостью посмотрел на девушку, — если ты боишься, что мы тебя бросим, то напрасно. Пока не убедимся, что ты в безопасности, никуда не уйдем. И гвардейцы

доставят тебя в Арганию, даже ценой собственной жизни.

— Я не боюсь, — тихо, но твердо произнесла девушка. С каждой минутой в ней росло убеждение в своих словах. Она должна пойти с ними. Зачем, почему — не важно. Да и нет у неё ответов, зато есть уверенность, что права, что по-другому не выйдет ничего. Лишь посмеется плутовка судьба над отчаянной троицей, да отправит погостить к старшей родственнице навечно.

— Тогда, — Кристан посмотрел на Тайла, — может быть ты подождешь, пока мы доставим Дару в Арганию, а затем вернемся к тебе?

Гвардейцу и самому не хотелось оставлять девушку и мучиться в неизвестности. Но упускать шанс забрать драгоценности из сокровищницы, было нельзя.

— Нет, горец, мне вас ждать не с руки, — покачал головой Тайл, — Терпение у дядюшки не бесконечное.

Ему скоро доложат, чья рожа причастна к беготне горцев по улицам Кествурда. А мои бывшие коллеги из канцелярии умеют так задавать вопросы, что хочешь, не хочешь, а ответишь, — помрачнел он.

— У тебя будут неприятности? — встревоженно уточнила Дара. Вот знает же, что Тайл наглая, расчетливая скотина, и все равно его

судьба ей небезразлична.

— Будут, если поймают. Доказать что-либо без выбитого из меня признания, они все равно не смогут. Знаешь, галчонок, как это полезно, уметь находиться в нескольких местах сразу, — он подмигнул девушке, — но долго водить их за нос даже мне не под силу. Чем раньше залягу на дно своей самой глубокой норы, тем будет безопаснее для моего тела и нервов. Так что гористые мои друзья, давайте, быстрее организовывайте передачу вашей принцессы и вперед на ограбление императора!

— Не беспокойся, — начал было говорить арганец, но его прервали.

— Кристан, — девушка так резко вскочила со стула, что тот опасно закрипел и попытался окончательно развалиться, — Кристан, — повторила Дара, подходя вплотную к арганцу и заглядывая в глаза, — я вас никогда не обманывала, прошу, поверь мне сейчас.

Мужчина нахмурился. Вид умоляющих черных глаз больно резал по сердцу, да и слова девушки об обмане явно намекали на прошлое.

— Дариэлла, — почти простонал он, жалея, что нет сейчас рядом мудрых советников, которые смогли бы убедить девушку отправиться домой.

— Пожалуйста, поверь, я должна быть там вместе с вами. Прошу возьми с собой, не отправляй

в Арганию. Я не буду помехой, только прошу, не отсылай.

Дара сама не осознавала, что она сейчас говорит. Важна была только сила убеждения, звучащая в её голосе. Внутри девушки звенела заведенная до отказа пружина: «Соглашайся, давай же, соглашайся», — молила она про себя.

И Кристан дрогнул. Что-то чужое появилось во взгляде девушки, в глазах заблестели искры неведомой силы, черты лица изменились, словно им разом прибавили возраст. Даже в голосе зазвучали оттенки не просьбы, а приказа.

— Хорошо, — почти прошептал он. Пересохшие разом губы отказывались повиноваться.

— Что? — взвыл Тайл, спрыгивая со стола, — горец, ты с ума сошел! Тащить беспомощную девчонку в лабиринт? Нет, как хотите, эта авантюра без меня. Да, ваши потом меня четвертуют за гибель принцессы. Это ж надо такое удумать! Точно рехнулся. Слышь, болезный, может тебе целителя позвать?

Гестар взглядом спросил подтверждение решения. Кристан в ответ кивнул.

— Не нужно ему целителя, — спокойно ответил арганец, — Принцесса идет с нами. Не беспокойся, мы берем на себя ответственность за её жизнь. И остальные получают соответствующие

распоряжения. В случае неудачи, никто тебя преследовать не будет. Твоя задача довести нас до сокровищницы и вывести обратно. Но если заманишь в ловушку, — с угрозой произнес Гестар.

— Нет, вы точно сумасшедшие, — перебил его Тайл, — то трясетесь над единственной принцессой, то тащите в опаснейшее место. Безумная затея, но не моя же. Нет, понятно, что еще можно ждать от горцев кроме безумия, но ты-то, галчонок, чем думаешь?

— Не трогай принцессу! — рыкнул Кристан, — это наши внутренние дела.

— Скажи еще, тайны! — фыркнул лорд, сбавляя однако тон, — просто кое-кто не может сказать женщине «нет». Никогда не думал, что мне доведется отправиться на подобное дело в компании двух безумцев и одной авантюристки.

Кристан предупреждающе положил ладонь на рукоять меча, в его выразительном взгляде читалось давнее обещание укоротить чей-то болтливый язык.

— Я так понимаю, ты согласен, — спокойно проговорил Гестар.

— Куда мне деваться? — тяжело вздохнул лорд, взъерошивая рукой волосы на голове, — только у меня условие — вы признаете меня старшим.

— Только не в вопросах, касающихся

принцессы, — быстро проговорил Кристан.

— Только если речь не идет о её жизни.

— Общее право, — упрямо стоял на своем арганец.

— Хорошо, — сдался Тайл.

— У меня последний вопрос, — раздался голос Гестара, — что ты забыл в сокровищнице, раз даже не заикнулся об оплате своих услуг?

— А вот это уже моя тайна, — усмехнулся лорд, — скажем так, есть у меня старый долг. Хочу его вернуть, — в глазах Тайла промелькнуло нечто темное, заставив Дару испуганно вздрогнуть. — И отвечу сразу — одному туда не пройти, а ломать психику друзей зрелищем имперских сокровищ у меня желания нет.

— И с кем ты был прошлый раз? — с подозрением осведомился Кристан.

— Братом, — нехотя ответил Тайл, — когда тот был еще жив.

Глава 11

Тайл удалился заниматься подготовкой выхода из города, обещая вернуться к вечеру, принеся заодно еды. В старом доме не было ни крошки, лишь во дворе стоял колодец с холодной и чистой водой.

Арганцы проводили лорда подозрительными

взглядами, уж больно вид у того был загадочно-довольным, да и слишком легко согласился он на участие девушки в налете на сокровищницу. Странно все это, очень странно. Доверять до конца имперцу никто не собирался. Жаль, что нельзя захватить с собой верных гвардейцев, в старом лабиринте не помешали бы лишние мечи, но привлекать внимание имперских стражников толпой вооруженных мужчин в окрестностях дворца было бы крайне неразумно.

Кристану пришлось рискнуть и выйти в город, чтобы оставить в одном из тайников распоряжения для своих. Для прикрытия командиров арганцам нужно было еще несколько дней создавать иллюзию пребывания в стенах Кествурда что-то забывших в нем горцев, затем покинуть город, тайно, но не слишком скрытно, отправившись в соседние поселения. Пусть в канцелярии прибавится работы, и законники оттянут основные силы на юг. Если все пройдет, как запланировано, все равно прямой путь из столицы в Арганию будет перекрыт в первую очередь. Зато откроются восток и запад.

Умывшись водой из колодца, Дара устроилась в одной из комнат прямо на полу, подстелив под себя плащ, прислонилась к стене. Гестар подсел сбоку, уложив голову девушки себе на плечо, обнял. Дара напряглась, ожидая расспросов,

уговоров, требований... Она сама до сих пор не верила, что арганцы согласились её взять с собой, но Гестар сидел молча, погруженный в раздумья. В доме воцарилась тишина, толстые стены глушили почти все доносящиеся с улицы звуки. Вскоре глаза девушки стали закрываться сами собой, и она задремала.

Кристан легким шагом никуда не спешащего человека шел по мостовой. Полуденная жара уже отпускала город, и на улицах становилось оживленнее. Хотя здесь на окраинах не хватало суматохи центральных улиц, где доблестные стражники продолжали упорно ловить высоких фигур в черных плащах.

Арганец поправил застежку, одернул рукав — коротковат ему плащ имперца, но кто же знал, что этим летом из столицы, словно пожар распространится мода на короткие плащи, как мужские, так и женские. Вон почти все на улицах в них щеголяют. И виной тому, судя по всему, слишком жаркое лето, свалившееся в этом году на империю. Он с тоской вспомнил прохладу гор, где даже в самый зной путиков радовал освежающий ветер.

Прав Серый, в своих длинных плащах горцы слишком заметны днем. Надо было не срываться с места, получив через посредника предложение купить девушку с пегасом, а тщательно

подготовиться к сделке. Вот только страх, что в торгах участвуют не только они, не давал времени сосредоточиться на деталях.

Кристан вошел в дом, тихонько прикрыл дверь. Кинул знак Гестару — все в порядке, сообщение оставлено. Тот в ответ изобразил пантомимой целое предложение. Если опустить эмоциональную составляющую, то в сухом остатке наличествовали два слова: «Это дар?»

— Не уверен, — одними губами ответил Кристан, — но, похоже. Если это его первые признаки, то мешать опасно.

— А отправляться с ней в сокровищницу не опасно? — с горечью усмехнулся Гестар.

Оба замолчали. Судьба вновь сыграла краплеными картами. Подкинул туза и тут же прибила его козырем. Не взять нельзя и взять слишком опасно.

Кристан слабо представлял, что происходит в период пробуждения дара. Хроники были скупы на подробности, зато красочно описывали, к чему может привести, если носителю отказывать в его желаниях. Мол, в этот период дар сам выбирает, как и где ему проявляться и очень важно не отказывать, а помогать в осуществлении пусть бредовых и даже опасных требований.

Как еще припомнил арганец, период пробуждения часто сопровождался спонтанными

всплесками силы и нестабильностью носителя. И в тех же хрониках настоятельно рекомендуется не выпускать первое время одаренного из поля зрения, а так же обязательно обеспечить его опытными наставниками. Что следует подразумевать под признаками проявления дара, хроники в подробности не вдавались, ограничившись замечанием, мол, у каждого по-разному, а как начнется, вы сами все поймете.

Пока Кристан понимал, что он ничего не понимает, но ошибиться было страшно. Страшно не за себя, за Дару. Что с ней будет, если способности, не найдя выхода, начнут ломать девушку изнутри, представлять не хотелось.

«Пусть лучше я стану нянькой и телохранителем, чем пойду наперекор её желаниям и доставлю домой труп или невменяемую принцессу», — решил он в итоге.

Тайл вернулся под вечер, обвешанный сумками и корзинами, словно тяжеловоз, зато на лице сияла радостная улыбка предвкушения.

— Соскучился, галчонок? — это Даре, — Прости, отряд стражников потерялся в соседнем переулке. Долго за мной тащились, но, в конце концов, надоело около каждой лавки ждать. Приняли, видно, за любителя скупать все подряд, — это Кристану, высматривающему за спиной у лорда сквозь открытую дверь толпу

стражников или законников. — Лучше корзины проверь, да стол накрой, — это Гестару, не сводящему подозрительного взгляда с Тайла, — Что за встреча! Прямо, как не родные! — это самому себе ворчливым тоном под нос.

— Разве мы успели породниться? — бровь Гестара выразительно изогнулась дугой, а губы сжались в презрительную черту. Арганец демонстративно проверил, не успел ли затупиться за последнюю пару часов его любимый кинжал и медленно убрал его в ножны.

Тайл заинтересованно рассматривающий очередной шедевр режущего оружия, лишь с тоской вздохнул. Он давно подбирается к арганским клинкам, но горцы, чтоб им от жадности камнями подавиться, с империей никаких торговых дел иметь не хотели.

— Ну, я же таскаю на шее вашу каменюгу, — лорд поставил корзину на пол, сбросил пакеты, — каменюга ваша — кровь моя. Смотри, целая и даже не пыталась меня прибить, — он достал из-за пазухи невзрачный камень, подвешенный на веревочку.

Кристан заглянул к нему через плечо — действительно камень целый, даже цвет не поменял. Значит, Серый не пытался ни обмануть, ни продать их. Странная честность для жителя империи.

— Не доверяешь, — обернулся к нему Тайл, — а, между прочим, враг моего врага — мой друг. Слышал о таком?

— Как же ты до сих пор жив с таким врагом? — поинтересовался Кристан, поднимая корзину и направляясь в дом. Надо такое удумать, кровь на камень ильтахган капнул, клятву «не вредить» дал и сразу в семью себя зачислил. Нет, все они здесь в империи на голову пришибленные. Но ильтахган, ильтахганом, а еду он все равно проверит.

— А, турлак меня знает, живучий я, — развел руками Тайл, заходя следом в дом.

— И какой ты..., недоверчивый, — проговорил он некоторое время спустя, когда Кристан стал методично капать прозрачной жидкостью на каждый продукт, из выл оженных на столе, — слушай, зачем зелье переводишь? Дал бы мне, я бы сам все попробовал.

— А если ты заранее противоядие принял? — невозмутимо предположил арганец, продолжая свое занятие.

— Ладно, будет тебе зелье, — злорадно усмехнулся Тайл.

— Что бы я одел женскую одежду!?! Да, какая она мужская? С бантиками и розового цвета?

— Хочешь, поменяйся с Гестаром. У него голубой пиджак. Я не виноват, что он не хочет. Нет,

других цветов на великанов не было. Можно вас укоротить, конечно, только откуда отрезать будем снизу или сверху?

Вопли за дверью нарастали. Очень хотелось выглянуть, но приличная девушка за мужчинами не подглядывает, особенно когда те познают последние тенденции имперской моды.

Начиналось все безобидно. После сытного ужина Тайл озвучил свой план. В полночь они проходят через северные ворота. О коляске он договорился и о паре дополнительных лошадей тоже. Кто-то все равно должен находиться с Дарой в карете, так что верхом поедут двое. Стражники, конечно, получили упреждающих рыков от начальства, но пропустят Серого по старой звонкой памяти. Вот только арганцев им показывать нельзя, придется из приметных горцев делать не менее приметных имперцев.

На маскировку гвардейцы доверчиво согласились, знали бы точно на что именно, убили сразу за тяжкое оскорбление, нанесенное неоднократно.

— Галчонок, из тебя будем делать блистательную лэссу, — начал с простого Тайл, — Нет, под мальчика не проще. Тебя видели, и это «проще» не только нам в голову придет. Настоящие заговорщики, учти галчонок на будущее, простыми путями не ходят. Давай, иди, переодевайся, я потом

помогу. И не надо так рычать, гористый мой родственник, ты предлагаешь тащить сюда служанку? Да легче до сокровищницы добраться, чем найти горничную, умеющую хранить секреты. Нет, Гестар, я не только женщин раздевать умею. Всякое в жизни приходилось. Галчонок, ты еще здесь? Марш переодеваться, нечего слушать сплетни трех стариков.

И вот теперь, судя по воплям, «старики» собирались на бал, придирчиво так собирались.

Прошлой осенью в империи гостило посольство из далекой страны Фаскании. Фасканцы привезли с собой не только разных диковинных подарков, но еще и новые модели мужской одежды. Зиму империя дышала спокойно — по морозу в коротком не побегаешь, а с наступлением тепла фасканская мода пустила мощные корни в швейные мастерские.

— Какие это панталоны? Это укороченные штаны. Под них надеваются чулки. Почему у меня таких нет? Я — лорд, мне можно плевать на моду. Нет, вам плевать нельзя. Вы же сиятельные тасы едущие в столицу. Что же вам позориться в провинциальной одежде? Только попробуй отрезать бант. Это же главная маскировка. Как почему? Ты видел когда-нибудь горца с бантом? Вот и стражники не видели. Это не рубашка, а плащ. Подумаешь, он меч не скрывает. Ты же честный

тас, что тебе бояться? Да, сотый раз повторяю — не специально я. Такая мода в столице. Приедете — сами увидите. И вообще, хотите погубить девчонку — езжайте так. Только много ли у нас имперцев с голубыми глазами и черными волосами? Твои серые, Кристан, не спасают. Гористость за ними не спрячешь. Тебя, Гестар, вообще не понимаю, как в гвардейцы ваши взяли. Вылитый горец, не знаю, поможет ли маскировка... На лица наложим белила, а вот с волосами придется что-то кардинальное делать. Нет, лысых в империи немного. Настолько кардинально не подойдет. Ладно, цените мою доброту. По монете за каждый пришлось отдать. Да, не женские это волосы. Подумаешь, белые и кудряшками. Парик называется. Средство для лысых. Да, немного, но есть. Придумали для лысых, а носят многие. Откуда я знаю почему? Ваше счастье, что красить не пришлось. Жаль, я по-вашему не все понимаю. Не такой у меня богатый словарный запас, пара сотен слов не больше. И тут такое дело, до сокровищницы я вас бесплатно нанимался вести, но дополнительная нагрузка в виде галчонка существенно осложняет жизнь. Насколько существенно? На три сотни мечей и четыре сотни кинжалов.

Нет, я серьезно. Деньгами не возьму. Уже брал, а повторяться не люблю. Да и давно мечтал о серьезной партии вашего хваленого оружия.

Хорошо, согласен. Весной встречу корабль в Лихтоне, если доживу до весны.

Громкий голос Тайла почти полностью перекрывал тихие ответы горцев. Жители империи привыкли скандалить так, что было слышно на соседней улице. В Аргании же все наоборот. Уверенные негромкие ответы лишь доказывали правоту спорщика.

— Галчонок, ты готова?

— Почти, — крикнула Дара, натягивая платье на плечи. Что-то в этот раз лорд намудрил с размером. Платье оказалось свободно в талии и в груди.

— Я захожу, — предупредил мужчина, открывая дверь, — да, одета она, одета, — это арганцам, пытающимся прорваться следом.

— Дай на тебя посмотрю! Хм, отвратительно. Снимаешь, берешь вон ту простынь, обматываешь вокруг талии и хорошенько завязываешь, чтобы не свалилось. Будем придавать солидность твоей птичьей фигуре. Талию убираем, хм, сзади особо ничего не добавит, иначе сидеть неудобно будет, зато спереди — обязательно. Вот это запихнешь туда, да, правильно поняла. Нечего краснеть, галчонок. Мы из тебя такую красотку аппетитную сделаем, все мужики, извиняюсь, принцы, твоими будут.

Он подмигнул и добавил шёпотом, — Думай о

том, что твоим нянькам сейчас труднее мириться с бантами и париками.

Дара не смогла сдержать улыбку, и готовящийся слететь с губ протест испарился сам собой. Действительно, что это она? Не может походить толстой? Ерунда какая. Судя по воплям, доносящимся из-за двери, арганцам приходится гораздо хуже.

— Да, вы у меня настоящие красавцы, э-э-э, в смысле вылитые сиятельные тасы, — голос Тайл аж звенел от радостного энтузиазма, — осталось нанести белила. Вот баночка. Нет, Кристан, пугать стражников привидением совсем не обязательно. А на что еще похоже твое лицо? Белила надо брать чуть-чуть на кончик пальчика, вот так, и легкими движениями втирать в кожу лица. Нет, раньше показать не мог. Должны же вы были проявить самостоятельность. Гестар, твой свежее умерший вид мне импонирует, навевает приятные мысли, но ожившие покойники не имеют права покидать пределы городского кладбища. Так что умываться. Галчонок, ты справилась? Я вхожу.

Тайл подозрительно быстро шмыгнул в комнату девушки, даже не дождавшись ответа. Дара еле успела натянуть платье.

— Ты когда-нибудь доиграешься с ними, — покачала головой, — прирежут, и глазом моргнуть не успеешь.

— Не переживай за меня, — Тайл отошел от двери, — я много лет мечтал подергать арганского ирбиса за хвост. Так достала их надменная гордость и полная безучастность ко всему, кроме них самих. Летают сюда, как на охоту и дела нет до того, что после них остается, — в голосе лорда зазвучала непривычная горечь, серые глаза затуманились от воспоминаний.

— Впрочем, не важно. Просто не мешай мне наслаждаться игрой, — встряхнулся он, возвращаясь в реальность, — давай, лучше займемся тобой. Времени до полуночи не много.

— Волосы красить не дам, — отрезала Дара, настороженно отступая к стене, прикидывая, сможет ли проскочить к двери мимо лорда.

— И не придется, — в глазах Тайла заиграли смешинки, — ты же не боишься немного постареть? Временно.

— И только? — с подозрением осведомилась девушка.

— Слово законника! — торжественно поклялся он.

— Бывшего, — фыркнула Дара.

— Бывшего, — согласился, — но оставшегося верным Закону и Порядку.

Когда Дара появилась в комнате, первые несколько минут она с удивлением разглядывала двух незнакомых мужчин. Прав был Тайл, когда

говорил, что ничто так не скрывает человека, как яркая одежда. Вот и сейчас она видела перед собой ярко-розовый и ярко-голубой пиджаки, из-под которых волнами спадали кружевные жабо белых рубашек, короткие черные с золотыми пуговицами по бокам бриджи, белоснежные чулки. Желтоватого оттенка парики довершали облик, а вот лица полностью терялись на фоне яркого калейдоскопа одежды.

— Тебя не узнать, — неуверенно проговорил Кристан, рассматривая новую внешность Дары. Изменилась фигура — куда-то исчезла девичья стройность. Перед ними стояла дородная женщина с пышными формами. Волосы скрыты под шляпкой, лицо... Румяна добавили ему округлость, зачернённые брови излишнюю яркость. Тайл ухитрился нарисовать даже мешки под глазами и первые морщины. Теперь понятно, как он ухитряется столько лет избегать встреч с венценосным дядюшкой. Талант, настоящий талант. Может пригласить поработать на Гвардию? Нет, не согласится. Да и отпадет нужда в рейдах, если они добудут последний набор драгоценностей.

Когда они вышли из дома, их уже ждала карета с парой гнедых лошадей. Еще две хорошо знакомые девушке лошади были привязаны позади кареты. Неприметного вида мужичок выступил из темного угла, обозначил свое присутствие легким

кивком и так же бесшумно занял место на облучке. Девушка, как ни старалась, не смогла расслышать звуков его шагов.

Кристан сел в карету вместе с Дарой. Его неестественно бледное лицо, переборщик тапи с белилами, невольно приковывало к себе внимание. В темной карете, едущей по ночным улицам в попытке из этого города удрать, невозмутимый арганец был островком спокойствия. Сама Дара готова была вспомнить детскую привычку и начать грызть ногти от волнения.

В принципе, вариантов два: выбраться или попасть в руки стражей. А, нет, есть еще третий — погибнуть при прорыве. Даже странно осознавать, что их судьба в руках самого знатного авантюриста Империи, согласившегося на участие Дары за полторы тонны железа.

— Подъезжаем, — прошептал Кристан. Говорить им Тайл запретил. Одно слово могло разрушить всю маскировку. Сиятельные тасы не разговаривают с арганским акцентом.

Карета встала, слышались голоса стражников. Кристан обнажил кинжал и положил рядом на сиденье. Дара от волнения закусила губу. Оружие ей не дали, как не просила, а жаль. Единственный кинжал, якобы брачный и тот отобрали.

— Чагрыш, старина, ты, похоже, еще больше

растолстел, как только в дверь караульной до сих пор пролазишь? Ну, а ты, Душкан, седьмого родил? Плодовитый, какой, — в голосе Тайла слышалось лишь доброжелательное любопытство, никакого напряжения, словно со старыми приятелями встретился, — Держи, твоим грызням на леденцы. Да, не говори, эти поганые горцы учудили, чтоб им камнями подавиться. Весь город переполошили. А вам в усиленном карауле стоять без отдыха. Понимаю. Нет, я недалеко, до Журжы. Друг попросил компанию знакомых прихватить. Вместе веселей. Два сиятельных таса с троюродной тетушкой. Семья Гризгби, слышал? Нет? Не удивительно — из дальних, — дальше разговор пошел почти шепотом, — В столицу едут на императора подивиться. И не говори, такие же дикие, как горцы. Сам видишь, во что одеты. Император уже месяц назад, как запретил фасканское безобразие, а эти вырядились. Ничего, при дворе их быстро на место поставят.

Дверца кареты распахнулась, в салон сначала вплыл фонарь, а затем появился длинный нос стражника, блеснули большие, на выкате глаза. Дара застыла, затаив дыхание, Кристан даже голову не повернул, нацепив надменную маску. Нос стражника брезгливо дернулся, губы сжались в страдальческую гримасу, а в голове шла усиленная работа мысли: «Досматривать или нет. Ох, уж эти

сиятельные... Только попробуй, тронь. Вонять будут, словно то, что по определению сиять не может. А если голубчики при дворе взлетят? Припомнят тогда простому стражнику унижительный ночной досмотр. Решено, на обратном пути не отвернутся, а сейчас пусть катятся. Начальство, поди, и не узнает, что пропустили без досмотра. Оно и к лучшему, делиться не придется».

— Открывай! — раздалось в ночи. Карета дернулась, раз, другой, а затем медленно покатила по мостовой. Сквозь приоткрытые шторы мелькнули огни факелов. Все пространство около ворот было залито светом. Лишь когда под колесами перестали стучать булыжники, а в карете воцарилась почти полная темнота, Дара облегченно выдохнула: «Прорвались!»

— Лошадей мы и сами могли бы достать, — проворчал Гестар, с недовольным видом осматривая усталую Снежинку. Кобыла вздымала взмыленные бока, тяжело дыша. Выехав за ворота, они не сговариваясь, пустили лошадей в галоп.

На привал остановились под утро. Здесь же распрощались с возничим. Тот так же молча кивнул и растворился в тумане. Дальше карету должен был повести Кристан, переодевшись слугой.

— Не привередничай, горец, — Тайл погладил по морде своего черного красавца. Тот радостно

заржал, потянулся за сахаром, — сейчас над городом каждая ворона на счету, не то, что ваши пегасы. Самоубийством было бы пытаться пролететь над стеной. И ваши хваленые друзья сидят, поджав хвосты, и красочно описывают контакты с загорным врагом. Неужели ты думаешь, если вас не трогали все это время, пара засад не в счет, то о подкупленных вами людях никому не известно? Да, в Службе каждую монету подсчитали, и часть между собой поделили. Между прочим, за отдельные наводки вам следует сказать «спасибо» именно им. Очень, знаете ли, удобно убирать ненужных короне сиятельных тасов руками чужестранцев. Да, не бледней так. Служба никогда не блефовала. Подумаешь, пару раз пришлось подбросить драгоценности из одного дома в другой. Главное, никакого обмана... Для вас. Пришли — украшение на месте. Вы же никогда не задавали вопросов, как оно там очутилось? Легче вынести приговор, чем разбираться в его справедливости, верно, арганец?

— Больно много ты знаешь, — хмыкнул Гестар, — а еще больше болтаешь, — добавил с неодобрением.

— Такой уж я любопытный и говорливый, — с наигранным веселием произнес лорд, ослабляя подпругу коня и отпуская его пастись на лужайку, сам отправился собирать сучья для костра.

Дара, зябко ежась от утренней сырости, вышла из кареты. Ночью она не смогла заснуть. Пожалуй, вчерашний день стоит считать вторым рождением. Сколько раз она была на волосок от гибели? Бедное сердце успокоилось лишь под утро.

Девушка прислушалась к разговору. Опять ругаются. Что-то скрыто за этой неприязнью Тайла к арганцам. Знать бы, где именно пробежала между ними черная кошка. Хотя... Узнает она и что дальше? Не стоит считать себя великим миротворцем. Лорд не дурак. И если есть причина этой неприязни, значит дело серьезное. Не все прошлое можно исправить лишь словами раскаянья.

Поразмыслив, девушка пришла к выводу, что уход из Службы и нелюбовь к горцам вполне могут быть взаимосвязаны. Судя по осведомленности Тайла, он был не простым законником. Вот только эти догадки ей мало помогут.

— Замерзла? — подошедший Кристан накинул на плечи девушки свой плащ. Он уже переделся в простой коричневого цвета костюм, сшитый из дешевой, но прочной ткани. Вот только не бывает кучеров с такой гордой посадкой головы и плавными движениями война. Прав был Тайл, когда даже не стал пытаться выдать арганцев за простых горожан. Происхождение так просто не замаскируешь.

— Спасибо, — с благодарностью кивнула Дара.

— Ты не поспала, — огорченно покачал головой Кристан, с тревогой вглядываясь в бледное лицо девушки, — мы не сможем остановиться в деревне, чтобы отдохнуть. Я попробую вести карету ровнее, поспишь, хорошо?

От нежности, прозвучавшей в его голосе, у девушки запершило в горле, а туман потек смазанными пятнами. Ей захотелось прижаться к мужской фигуре в нелепом костюме конюха, спрятаться на широкой груди, забыть про свои безумные желания. Как только пришло в голову попроситься с ними? Закрыться от жестокого мира, объявившего её дичью. Кажется, уже слышны пронзительные звуки труб, тревожный прерывистый лай, оживленный гомон охотников — дичь не ушла далеко, она рядом, скорее не дайте ей уйти.

Дара неуверенно шагнула вперед и тут же оказалась в кольце теплых мужских рук. Страхи отступили, коварно затаившись неподалеку. Она вздохнула чужой запах... Пахнуло горами, горьковатым ароматом цветущего на камнях мха, терпким запахом лошадиного пота.

— Ну что, что? — Кристан погладил по спине всхлипывающую Дару, — испугалась? Не слушай этого болтуна. Он, конечно, многое знает, да не все.

В империи у нас не только так называемые друзья есть. Плох тот шпион, что лишь на силу денег рассчитывает.

— Арганцы? — прошептала Дара, догадываясь, о ком идет речь.

— Да. Некоторые семьями успели обзавестись. Они наша последняя надежда в случае провала. А мы — их, в случае успеха. Добудем набор, они вернуться домой.

— Мы обязательно его добудем! — подняла голову девушка. Слезы высохли сами собой, а в глазах горела решимость.

— Узнаю бравую принцессу, — её легонько чмокнули в нос, — но, т-с-с, имперцу ни слова. Пусть продолжает верить в нашу слабость и дезориентированность. Ишь, как легко сдает информацию о своих. Завоевать доверие хочет.

— Нет, тут что-то другое, — нахмурилась Дара, — он точно что-то задумал. Знать бы еще что.

— Боюсь, ты права. Пока он не рассказал нам ничего нового. Мы давно подозревали, что Служба играет с нами в поддавки, используя в своих делах. Но не отказывались от помощи. Видишь ли, гал... тьфу, Дариэлла, в темных делах не бывает светлых союзников.

— Значит то, что среди владельцев были невинные, может оказаться правдой? — тихо спросила Дара.

— Может, — спокойно ответил Кристан, — на войне не судят победителей, даже если они ошибаются. А для нас здесь война.

Глава 12

— Да, не рыпайся ты, — прошипел похититель неожиданно женским голосом, — ничего с тобой не будет. Посидишь в комнате и все, — пропыхтел он, таща девушку за собой.

«Сильная, зараза, — ругалась про себя Дара, не прекращая попыток вырваться, — где ж, такую только вырастили. Пальцы, словно железные, а сила, как у коня».

Как хорошо все начиналось! Вчера вечером они без происшествий добрались до окраины столицы и остановились в старом огромном особняке. Белые колонны, высокие окна, украшенные сложным орнаментом, скульптуры на портике... дом смотрелся бы изящным произведением искусства, если бы не соседство с городским кладбищем.

— Купил по дешевке, — не без гордости заметил Тайл, отпирая заржавевший замок, — прежний хозяин был так помешан на своей жене, что после её ранней кончины, выстроил новый дом рядом с усыпальницей. Из склепа подземный ход ведет прямо в особняк. Детям такое соседство

пришлось не по душе, и они попытались сбавить постройку отца. Я был единственным покупателем за долгие годы, поэтому достался он мне недорого.

«Стоило бы сомневаться, — подумала Дара, выглядывая из окна, — пейзаж для законченного пессимиста. Бренность жизни и ничего больше».

Вслух же спросила:

— Но тебя, конечно, прельстил не пейзаж?

— Нет, галчонок, на красоты мне плевать.

Мало кто знает, что один из входов в старый лабиринт находится в общей городской усыпальнице. После того, как дом выставили на продажу, терять семейный склеп наследники не захотели и пробили еще один вход из общего захоронения. Удобно, не правда ли?

Горцы сделали вид, что не оценили щедрость предложения. Кристан лишь отметил про себя, что визит в сокровищницу Тайл планировал давно и только ждал подходящего случая, точнее напарников.

Едва распрягли лошадей, как лорд с Кристаном отправились в город — принести ужин из ближайшей таверны, да закупить необходимые вещи для похода по подземелью.

Вернулись быстро. Торопясь перекусили и занялись снаряжением, отправив Дару отдыхать. Посещение лабиринта было назначено на раннее утро.

— Такова традиция, — пояснил Тайл, — все императоры входят в лабиринт с первыми лучами солнца, и, честно, я не жажду проверить на собственной шкуре, что правда в этой традиции, а что вымысел.

Бессонная ночь и день в дороге полностью вымотали Дару. Сейчас она ощущала себя безвольной куклой, и поэтому с облегчением оставила мужчин готовиться к вылазке. Она поднялась наверх, выбрала одну из спален и рухнула на кровать, сбросив пыльное покрывало на пол. Кровать жалобно скрипнула, но не развалилась — и то, хорошо.

Дом продавался вместе с обстановкой. Часть мебели была настолько старой, что хозяева поленились её вывозить, оставив судьбу рухляди на усмотрение покупателей.

Несмотря на усталость, сон пришел не сразу. В голове упорно крутилась мысль об одном коварном сероглазом. Дара отчаялась понять его поведение, как впрочем и свои чувства к нему. То обнимает и целует, пусть по-детски в нос, то после сегодняшнего дневного отдыха сторонится и уступает место в карете Гестару. За ужином, когда она случайно поймала его взгляд, в серых глазах мелькнуло чувство вины. Не будь Дара такой усталой, её бы это насторожило, но ватная от недосыпа голова не рождала никаких идей, вместо

этого занявшись самокопанием.

«Не нужна ты ему, не нужна, — торжествующе выдал рассудок, — если и женится на тебе, то из чувства долга, скрывая брезгливость. Лучше тогда за Тайла выйти. Ему, по крайней мере, плевать, принцесса ты или нет, и на клеймо тоже плевать». Но тут же вмешалось коварное воображение и живо нарисовало вереницу кораблей, заваленных холодным оружием, и яростно торгующегося лорда: «За птичью пожизненную нагрузку меньше десятка кораблей не возьму и точка!». Дара вдруг с ужасом осознала, насколько тяжела ноша принцессы, и как быстро тает призрачная мечта о настоящей любви, обрастая страхами и недоверием.

Во сне корона, отрастив ноги и огромный рот, гонялась за Дарой, звонко щелкая зубами и ловко отхватывая каждый раз по кусочку волочащейся по полу меховой мантии. Мантия становилась все короче и короче, а зубастая корона все ближе и ближе подскакивала к девушке.

Проснулась Дара рано, в поту и с бешено стучащим сердцем. За окном было еще темно, из-за двери доносился еле слышный шум. Кто-то прошел по коридору, хлопнула дверь.

«Только бы без меня не ушли!» — мелькнула мысль. Так быстро Дара еще никогда не одевалась. Еще вчера ей выдали теплые штаны, длинную

куртку, рубашку, мягкие ботинки с мехом. В подземелье даже летом стоял жуткий холод.

Мужчины встретили спустившуюся в кухню девушку напряженными взглядами, в которых явственно сквозило недовольство. В ответ Дара лишь широко улыбнулась. Понятно, что недовольны — боятся за нее, ценная обуза. Но она справится, хоть виднеющийся в окна утренний туман, покрывший кладбище пушистым одеялом, не прибавлял уверенности. Некстати проснулись сомнения, но Дара быстро прогнала их горячим чаем.

Перед дверью, ведущей в склеп, Кристан притормозил, обернулся к девушке.

— Не передумала? — спросил с надеждой.

— Нет, — покачала головой, — то тоже, будь осторожен, — добавила еле слышно.

— Эх, — махнул рукой Кристан, словно на что-то решаясь, но тут же был прерван Тайлом.

— Что замерли? Солнце ждать не будет, живо вниз.

Дара со вздохом прошла мимо к тянущейся вниз лестнице. Кристан проводил девушку унылым взглядом, скорчил страдальческую гримасу в ответ на неодобрительно нахмурившегося Гестара.

Городское кладбище существовало на двух уровнях: верхнем — могильные захоронения метра три глубиной, отмеченные на поверхности

дешевыми камнями или вычурными беседками и подземном, вырубленном на пяти метровой глубине в скальной породе. Внутри было несколько общих залов для бедняков и отдельные склепы-пещеры для сиятельных тасов.

Вел отряд Тайл. Дара шла сразу за Кристаном, спину ей прикрывал Гестар. Страшно не было. Пламя от масляных ламп хоть и плясало на стенах, но давало достаточно света, чтобы чувствовать себя уверенной в узких тоннелях, ведущих в залы общего захоронения. Мертвецов Дара не боялась. В отличие от живых они уже не могут причинить вреда. И зачастую лишь высеченные в камни имена были единственной памятью о них.

Внезапно открывшийся сбоку проход стал полной неожиданностью для Дары. Ощувив чужую руку на плече, она громко взвизгнула, её резким рывком втащили внутрь темного проема. В следующее мгновение плита захлопнулась, отрезая девушку от остальных.

Двигались они в полной темноте, несколько раз поворачивая. Похоже, незнакомка хорошо ориентировалась в местных катакомбах.

— Перестань дергаться! — похитительница остановилась, перевести дух, — А то, доведешь, посадишь под замок и все дела. Слышь, щаз стукну по голове и поволоку по полу, если не перестанешь вырываться.

— Это ты послушай меня, — Дара перехватила руку, держащую её за плечо, и надавила, вынуждая незнакомку остановиться. На неё снова, как тогда в Кествурде накатило странное ощущение жесткой необходимости быть там, в лабиринте, — ты сейчас же отведешь меня обратно, слышишь? СЕЙЧАС ЖЕ!

— Ой, а что это у тебя глаза светятся? — вдруг промолвила женщина, резко выдергивая руку из захвата Дары.

— Если не отведешь, сама засветишься, — проговорила с угрозой Дара, — причем вся.

— Ты что — маг? — нервно спросила незнакомка.

— Верни меня на место, — с нажимом повторила Дара, — тебя все равно найдут мой спутники, и тогда будет только хуже.

— Ха, хуже! — вдруг развеселилась похитительница, — как ты думаешь, кто попросил меня присмотреть за тобой, пока они по лабиринту шляются?

— Вот зараза, — выругалась Дара, понимая, что в данный момент её никто не ищет, никто не пытается взломать тайный проход, посылая проклятия на голову похитительницы. Наоборот, выдохнув с облегчением — избавились от обузы, мужчины спешат ко входу в лабиринт. Теперь становились понятны и виноватые взгляды

Кристана, и его странное поведение — заранее сговорились, сволочи. Зная Тайла, Дара не верила, что тот решился провернуть подобное без соучастия арганцев. Значит, в сговоре все трое. Ненавижу!

— Еще какая, — ухмыльнулась незнакомка, — Я — Элалия, — представилась она, — ты — Дара, мне говорили. Погоди, лампу зажгу, а то неудобно в темноте разговаривать.

— Элалия, ты знаешь, куда пошли эти засранцы? Где вход в старый лабиринт?

В коридоре раздалось щелканье зажигательных палочек, вспыхнул огонек лампы, высветив женскую фигуру в длинном сером плаще.

— Хочешь их догнать? — деловито осведомилась та.

— А можно? — с надеждой осведомилась Дара.

— Кто я, чтобы с магом спорить, — пробормотала задумчиво Элалия, поднимая лампу и окидывая Дару внимательным взглядом, — заладили, девица, слабая, ничего не умеет, пропадет. Мужчины, одним словом, дальше юбки ничего не видят. Вообще-то мы уже в лабиринте. Это часть связана с городом и несколькими склепами. Но они пойдут к северному входу, который ведет вглубь. Есть тут один проход в ту сторону, правда, старый, заброшенный и с

трещинами, в которых живут пауки и крысы. Если не боишься...

— Веди!

— Тогда поторопимся, если не догоним, дальше я тебя не поведу, жить хочется, — усмехнулась Элалия. Она оказалась едва старше Дары. Огромные серые глаза в обрамлении густых ресниц выгодно смотрелись на миловидном личике. Немного портил широкий подборок и упрямая складка на лбу. Светлые волосы были собраны в длинный хвост.

Пройдя пару шагов, Элалия уверенно нырнула в узкий проход. Дара старалась держаться к ней как можно ближе, шагая след в след. Шли быстро, почти бегом. Под конец, завидев мелькнувший впереди огонек чужой лампы, Элалия рванула, словно стрела, выпущенная из тетивы. Дара припустила следом, боясь отстать.

Из прохода в широкую залу с низким потолком они выскочили, как раз вовремя, чтобы увидеть трех мужчин, стоящих около уходящей вниз лестницы.

«Эх, красиво стоят», — с невольным восхищением подумала Дара, разглядывая замерших с мечами в руках арганцев и Тайла с арбалетом.

— Тьфу, галчонок, чуть не прибил, — сплюнул лорд, убирая арбалет за пояс, — как знал,

что за нами увяжешься.

— Дариэлла, — с облегчением выдохнул Кристан, не зная злиться ему или радоваться, появлению Дары. Зря он, все-таки уступил Гестару, и позволил Тайлу организовать похищение девушки. Ведь чувствовал, что дар возьмет свое. Только наладились отношения с Дарой, и опять он для нее предатель и обманщик.

— С тобой я разберусь потом, — отрезала Дара, — ты, понятно, о моей жизни заботился, но Тайл! Тебе же обещали заплатить. Как ты мог так поступить?

— Как мог..., - проворчал лорд, — некоторые не в силах сказать женщине нет, а я, между прочим, даже своей сестре, не то, что будущей королеве, не разрешаю шастать по старому лабиринту.

— Сестре?

— Королеве?

Воскликнули девушки одновременно.

— Да-да, знакомьтесь, моя сестра принцесса Элалия Монтье..., а впрочем, просто Элалия, и Дариэлла, просто Дара, тоже принцесса — будущая королева Аргании. Вот принц у нас один — наследник, остальные лорды. Зато любая из моих родственниц числится принцессой. В империи лишь мужчины наследуют трон.

Ты вот злишься, галчонок, и не понимаешь, что будет со мной, в случае твоей безвременной

здесь кончины. Эти двое, — он кивнул на арганцев, — известное дело, последуют за тобой. Думаешь, твои будущие подданные удовлетворятся оставленной ими писаниной о моей невинности? Знаешь, горе делает людей невменяемыми. Они объявят вендетту всей императорской семье, начиная в первую очередь с моих ближайших родственников. А если я чудом останусь в живых, то лучше будет сразу убиться об стену, чем выходить на поверхность.

— Ты думаешь, как имперец и доверяешь, как имперец, — презрительно сквозь зубы проговорил Гестар.

— Она идет с нами, — положил руку на рукоять меча Кристан, — или мы ищем другого проводника, пусть не сразу, но рано или поздно найдем.

— Проще завоевать всю Империю, чем сюда пробраться, — хмыкнул Тайл.

— Тайл, — шагнула к нему Дара, — я обещаю, что не буду мешаться под ногами и буду слушаться каждого твоего слова. Прошу...

— Нечего перед ним унижаться, — перебил с недовольным видом Кристан.

— Эх, ты, каменная душа, такую речь испортил. Когда еще почти целая королева меня о чем-то просить будет, — вздохнул Тайл, — нет, с вами я точно глупею. Ладно, галчонок, уговорила.

Так и быть, идешь с нами.

— И я пойду, — вдруг подала голос Элалия, — если её берешь, чем я хуже? Сам же после смерти Верда меня тренировал. Я, между прочим, почти любого мужика на мечях завалю, а ножи лучше тебя метаю.

— Да, вы, что все с ума посходили? — взвыл Тайл, — жить надоело?

— Все равно пойду, — насупилась Элалия, — одна, позади вас. И шансов выжить тогда у меня будет меньше.

— Их сейчас вообще не останется, — начал засучивать рукава Тайл.

— Женщину бить не дам, — вступился Гестар.

— Ты, горец, у себя в горах своих воспитывай, а в мои дела не лезь. Примахали тут, понимаешь, разные крылатые. Сначала галчонок, теперь вон горные орлы прибились. Благородные, понимаешь ли, — Тайл скривился, словно от невыносимой боли, затем развернулся и направился к лестнице, — женщину бить нельзя, а таскать по подземельям можно? А если у нее до ума исключительно через нижнее место достучаться можно. Что же делать, а?

— Все равно следом пойду, — упрямо повторила Элалия, знакомо хмуря брови.

— Отвечаешь за нее головой — понизив

голос, лорд бросил Гестару, и уже громко для остальных добавил, — хоть пропадите вы все там, даже не обернись.

И демонстративно начал спускаться вниз.

— Просто кто-то не может сказать женщине «нет», — насмешливо пробормотал ему в спину горец.

— Дариэлла, давай за ним, — распорядился Кристан, — Элалия, ты за мной, Гестар прикрываешь, — и тихо добавил проходящей мимо него девушке, — он прав, отсюда я выйду только с тобой.

Сердце Дары радостно ёкнуло, затрепетало. Вот только опять его слова можно было понять двояко. Ради кого он готов положить жизнь — ради будущей королевы или... она все же значит для него больше, чем просто принцесса. Как понять, как разобраться? Жаль, матушка далеко, не спросить совета.

Та, конечно, рассказывала про мужчин, но в основном об их коварстве и буйном нраве, приучая к осторожности и осмотрительности в отношениях с противоположным полом. Да и пребывание в веселом доме оставило свой отпечаток на чистой и юной душе. Словно внутри поселился кто-то незнакомый — циничный, злой и недоверчивый. Его голос чаще всего раздавался в трудные моменты выбора, он советовал держаться подальше

от всех мужчин, не доверяя никому, он подкидывал самые отвратительные моменты прошлого, каждый раз спрашивая: «Хочешь, чтобы все повторилось?» В Аргании голос притих и почти не тревожил, и вот сейчас зазвучал с новой силой, стоило сердцу испытать неведомые доселе эмоции.

— Почему этот лабиринт заброшен? — поинтересовалась девушка, идя вслед за Тайлом.

— Дело давнее, а потому забытое. Может тогдашний император решил проложить новые удобные выходы или его чем-то перестал устраивать цвет этих стен, хотя в новой части они точно такие же. А может здесь завелся некто покрупнее шагразов, кто знает?

— Ты уже бывал здесь вместе с братом? — спросила Дара, невольно ускоряя шаг, чтобы оказаться поближе к мужчине, а главное к фонарю, который тот держал в руке.

— Галчонок, это было почти пятнадцать лет назад. За это время твари крупные могли подрасти, а мелкие значительно увеличить поголовье.

— Умеешь ты утешать, — хмыкнул Кристан, но руку с рукояти меча снимать не стал, — ты лучше за дорогой следи, а то за пятнадцать лет мог и подзабыть путь сюда.

— За это не волнуйся. Мой брат умел вбивать знания, так что и захочешь, а не забудешь. Проход он нашел по архивам, а когда понял, что один не

сможет спуститься по вентиляционной шахте, взял меня с собой. Только перед этим заставил выучить нужные повороты, чтобы я мог выбраться в одиночку, если с ним что-нибудь случится.

— Вы вскрыли сокровищницу? — поинтересовался Кристан.

— Долго же ты тянул с этим вопросом, горец, — со вздохом ответил Тайл, — нет, нам не удалось. Но за эти годы я перерыл кучу архивов и понял, где мы ошиблись. Уверен, сейчас я справлюсь.

— Почему-то я не удивлен. Серый лорд — непревзойдённый мастер авантюр, — в голосе Кристана сквозил неприкрытый сарказм.

— Вас за мной насильно никто не тянул, — буркнул с досадой Тайл, — хотите — поворачивайте обратно. Мы еще не далеко отошли.

— Да, поворачивайте, — донесся девичий голос из середины отряда, — мы с братом сами доберемся до сокровищницы.

— Никто никуда возвращаться не будет, — подвела итог спору Дара, — в любом случае, это попытка не хуже остальных.

— Если мы просто прогуляемся по заросшим пылью проходам, то риск невелик, — философски заметил Кристан, — а вот если...

Договорить он не успел, густой вибрирующий стон наполнил воздух подземелья.

— Ч-ч-что это было? — испуганно охнула Элалия.

— Если бы что, — попытался пошутить Тайл, — а то ведь обязательно «кто» окажется.

— Звук идет сзади.

— Путь отрезает, гаденыш.

— Тогда бегом вперед. Доберемся до шахты, там разберемся, умеет ли оно лазить по стенам или нет.

И они понеслись. Под ногами мелькали выбоины, трещины, комки грязи неизвестного происхождения. Страх подстегивал, и становилось неважно, что там под ногами, главное — не упасть, ведь в спину дышит самая страшная вещь на свете — неизвестность.

Между тем стон тоже не терял времени даром и в этот раз раздался гораздо ближе, с одного из правых проходов. А затем тут же почти без промедления зазвучал слева.

— Сколько их там? — выдохнул Тайл, на бегу отсчитывая темные арки коридоров, чтобы вовремя свернуть в нужный.

Арганцы бежали молча, в полной боевой готовности встретить противника лезвием в грудь. Хуже всех приходилось Даре, но девушка держалась, хоть ноги и начинали слабеть, а в боку предательски колото от нехватки воздуха.

— Я это одна вижу или вон там слева

мелькает что-то фиолетовое? — на бегу уточнила Элалия.

— Я тоже его видел, — подтвердил Гестар, притормаживая.

— Меч мне в глотку, нам только мертвецких огней не хватало для полного счастья, — Тайл тоже замедлил бег, напряженно вглядываясь в боковые проходы, — ну, где хоть один?

— Кажется, впереди. Вон, розовенький такой, — Дара махнула рукой, с облегчением переходя на шаг.

— Точно, розовенький, а рядышком красненький мигает, — подтвердила Элалия, выглядывая из-за плеча Кристана.

— Подумаешь, огоньки, и что в них такое страшное? — с недоумением уточнил арганец.

— Так ничего, просто после встречи с ними мало кто в живых остается, — пояснил Тайл, осторожно продвигаясь вперед, — души это не упокоенные. Скучно им по земле скитаться, вот живых в разные гиблые места и заманивают.

— Много же у вас здесь загубленных душ шляется. И почему-то я не удивлен.

— Как будто у вас вся власть такая чистенькая и без единого кровавого пятнышка, — огрызнулся Тайл.

— Сколько можно? — не выдержала Дара, — нам и без вашей грызни сейчас что-нибудь ценное

откусят.

Словно в подтверждении её слов из коридора на них покотился густой, низкий звук, наполненный такой безнадежной тоской, что даже свет фонарей стал тусклее, а в воздухе разлилась стылость.

— Ого, комитет по встречи! — присвистнул Тайл.

— И сзади огоньки появились, — добавил «оптимизма» Гестар.

— Зажимают, сволочи...

— Отступаем? — предложил Кристан, — может, попробуем обойти? В правом коридоре пока никто не светиться.

— Нельзя с этого пути уходить, — помотал головой Тайл, — мы здесь в прошлый раз все ловушки обезвредили, а что там, в боковых, одни лишь твари знают. В один раз заплутаем. Да и огни эти... Не верю я им, ох, как не верю.

— Тогда вперед? — неуверенно предложила Дара.

— Вперед! — поддержала её Элалия, — что мы, каких-то там фонариков испугались? Да у нас по праздникам в сто раз симпатичнее зажигают.

«Огни им не по нраву пришлось, — скрипучий и шероховатый голос раздался прямо из стены, — ну-ну, смелые мои, сейчас еще леденящих воплей добавим, враз побежите».

— Вы слышите? — спросил Тайл.

— Что именно, имперец? Кроме твоего хриплого дыхания здесь пока больше ничего не слышно, — ответил Кристан, — учти, если ты решил сойти с ума, то время выбрал совсем неподходящее.

— Похоже, показалось, — пробормотал лорд, мучительно размышляя о стойкости собственного рассудка, — давайте потихоньку вперед.

— Это все подземелье, — сочувственно заметила Дара, — в таком месте все, что угодно может почудиться.

«Разумная девочка, — снова проскрипел некто из стены, — жаль губить такую. А этот, серый, неужто меня слышит. Никак родная кровь? Это ж сколько времени сюда никто из моих родственников, чтоб им сдохнуть поскорее, не заглядывал? Ох-хо-хо... Последними были воин с мальчишкой. Забавный такой пацан. Даже пугать не стал. Там и без меня жить им мало оставалось».

— Видишь что-нибудь? — спросила Дара у Тайла, когда молчать стало нелегко.

Тот хотел было ответить, что не видит, а слышит, но передумал. Не стоит усугублять ситуацию, а то с этих нервных арганцев станется объявить его душевнобольным.

— Есть кое-какие мысли, — уклончиво ответил лорд, — ты права. В таком месте больше чудится, чем есть на самом деле.

«Это я-то чуюсь? — возмутилось из стены, — да от моего вопля народ десятками седеет».

— Молчи уже, — прошептал Тайл, — хватит, легкие драть или что там у тебя осталось. Позоришь ведь перед принцессой чужой страны.

— Что ты там шепчешь? — с подозрением осведомился Кристан.

— Так, заклинание одно вспомнил, которое духов отгоняет, — отмахнулся Тайл, — семейный рецепт, можно сказать, реликвия.

Если не прекратишь свою ораторскую самодеятельность, — зашептал он снова, — я злопамятный, обязательно сюда вернусь. Я тебе тут такую заупокойную устрою, птицей в небеса взлетишь.

— Странные у вас заклинания, — произнес арганец, прислушиваясь, — часто, видать, с родственничками не упокоенными встречаться приходится, раз подобное в архивах храните.

— Горец, еще раз мою семью тронешь, — прошипел лорд — не посмотрю, что ты у нас знатный, да чужеземный, вздую до потери памяти.

«Так, его так! — поддержало Тайла приведение, — Нечего нашу семью хаять. Хоть они и сволочи все поголовно, зато свои, родные».

— Тогда ты прекращаешь трогать мою страну, — не остался в долгу Кристан, — ну, а кто

кого вздует, мы выясним позже, не здесь и не сейчас.

— Кристан! — нахмурилась Дара.

«Во, наглец! — завопил призрак, — ну-ка покажи ему, кто здесь главный. Давай, вмажь хорошенько!»

— Страна и семья — неравноценный обмен, — хмыкнул Тайл, — галчонок, не волнуйся. Мы не мальчишки, чтобы устраивать драки в любом месте. Настоящий поединок требует тщательной подготовки. Мой меч к твоим услугам, тас, — бросил он через плечо ритуальную фразу вызова.

— Условия обговорим позже, — Кристан в ответ изящно поклонился, словно не шли они по темным коридорам старого лабиринта, а находились на дворцовом приеме.

— Вы с ума сошли! — негодуя, воскликнула Дара, — мы здесь в любой момент погибнуть можем, какие, к нечистой силе, поединки?

— При всем моем уважении, принцесса, — голос Кристана был холоден, словно лед, — это наше личное дело. Обещаю к нему приступить, после выполнения своих обязательств.

«Ну и пожалуйста, — фыркнула про себя девушка, — тоже мне великие воины, сцепились из-за ерунды. Ерепелятся, словно мальчишки. Одна надежда, что сокровища их помирят».

Дальше отряд шел молча. Лишь призрак ругался, не переставая, но Тайл вскоре перестал обращать внимание на его причитания. Главное, впереди путь чист, а духи... Что же, живым они не помеха.

«Слышь, пацан, я же тебя сразу узнал. Выжил, все-таки, — закончив охаивать поганого арганца, наглуую вражину и козью морду, и где только таких выражений нахватался, призрак перешел на Тайла, — а старшой где?»

Лорд пожал плечами, тень скользнула по его лицу.

«Жаль, — правильно понял его призрак, — сразу было видно, хороший мужик, да не жилец. А ты молодец, решил его дело продолжить, — в шершавом тоне призрака появились заискивающие нотки, — ну и к нам нечего торопиться. Что у нас хорошего? Даже поговорить не с кем. По началу, правда, весело было. Попугать, поорать, да погоняться. Только эта гадина решила, что проще новый лабиринт от сокровищницы построить, чем обезумевших стражников по коридорам вылавливать. Слушай, а может, ты отомстишь за меня, а? Жутко надоело здесь торчать. Из нормальных душ тут и нет никого. Шелудье одно. Ну, как? Договорились?»

Тайл скептически покачал головой. Кому мстить? Лабиринт стали перестраивать примерно

сто пятьдесят лет тому назад.

Трясти прах из могил он не собирается. Да и не поможет это призраку. Не месть держит его здесь, а жажда мести. Тут уже ничего не поделаешь. Сам должен осознать и простить. А пока пусть полетает. Столько лет в приведениях, а до сих пор себя императором считает. Призрачный сноб. Пусть еще немного пострадает в одиночестве, авось просветлеет в душе.

«Я же не просто так, — не сдавался не упокоенный император, — за сведения повышенной важности. Все расскажу. Кто, когда и даже почему».

Тайл сделал вид, что отмахивается от несуществующей мошки. Нужны ему эти поросшие мхом тайны, как... впрочем, никак не нужны. Ему и своих забот хватает.

Он и сам не понимал, почему вдруг взъелся на горцы. Нет, надменный арганец раздражал его давно, но опускаться до поединка... Такого от себя Тайл не ожидал. Определенно птичьи личности плохо влияют на его выдержку. И долго Дара будет делать вид, что не замечаешь отнюдь не верноподданнических взглядов горца. А может и правда не замечает? Почему тогда его это так злит? Он вроде уже смирился с тем, что галчонок для него — прошлый этап. Н-да, без спиртовой терапии, похоже, процесс не завершён. Вот

разберется с наследством старшего и займется лечением. А поединок с арганцем будет интересным опытом. Давно хотелось изучить их школу меча на собственном опыте.

Глава 13

— Серый, если не поторопишься, нас скоро на лоскутки раздерут, — Кристан сбил мечом очередного пытающегося добраться до них шаграза. Дара брезгливо отбросила носком ботинка окровавленный трупик. На полу около них уже собралась приличная горка из серых крылатых тел. Гибель собратьев, правда, никак не влияла на желание шагразов добраться до свежей крови. Раскрыв ярко-красные зубастые пасти и издавая противный режущий по ушам писк они без устали бросались на двуногую добычу. Небольшие крылья скорее помогали им перепрыгивать со стены на стену, чем летать. Мелкие, чуть больше ладони твари были необычайно проворны, они с силой отталкивались когтистыми лапами от поверхности стен и стремительно атаковали.

— Если я потороплюсь, тварям достанутся пять хорошо прожаренных и разорванных на кусочки трупа, — бросил в ответ Тайл, стоя на коленях перед входом в сокровищницу.

Горцы хоть с трудом, но пока сдерживали

шагразров. Хорошо еще, что узость прохода не позволяла им разом броситься на людей. И все же, при виде уходящего вдаль коридора, сплошь расцвеченного алыми точками глаз, у Дары все внутри замирало от страха. Точек с каждой минутой становилось все больше и больше.

Повезло, что в старый лабиринт эти твари не заглядывали. Их больше интересовала новая часть, где изредка, но появлялись люди.

До границы старой и новой части лабиринта отряд добрался без каких-либо приключений, под конец даже мертвецкие огоньки незаметно пропали, и не упокоенный дух перестал завывать.

В вентиляционную шахту они попали через полуразрушенную стену, судя по наваленным камням — явный новодел. Сама шахта уходила вверх до поверхности узкой трубой, в которую и кошка с трудом пролезет, а вниз вел колодец пару метров в диаметре и метров десять в глубину. Такие трубы служили отводом опасных газов, скапливающихся иной раз в подземельях. Когда от сокровищницы начали строить новые проходы, шахту углубили, соединив с лабиринтом, а проход в старую часть завалили. Да видно, не качественно, раз стена треснула, развалившись до половины. А может, кто-то специально разрушил препятствие на пути к сокровищнице.

В шахту спускались по очереди. На стене, на

высоте двух с половиной метров от пола виднелась большая железная скоба — все, что осталось от веревочной лестницы, привязанной здесь когда-то. Кристан, встав Гестару на плечи, закрепил веревку в скобе. Первым вниз отправился Тайл. Лорд продемонстрировал отличную сноровку и через пару мгновений уже стоял на дне.

Спуск в темное чрево шахты, занятие малопривлекательное. Неприятно осознавать, что жизнь висит на пусть и толстой, но всего лишь веревке. Однако Дара выдержала испытание с честью, даже не охнула, когда под ногами оказалась пустота. Лишь пальцы, вцепившиеся в веревку, побелели от напряжения. А вот коридор, ведущий от шахты в сокровищницу вызвал у девушки разочарование — никакого отличия от предыдущих. Те же серые каменные стены, тот же затхлый и стылый воздух, разве что следы копоты на потолке свежие.

Тайл с осторожностью повел отряд по новой части лабиринта, держа в руке большой кусок прозрачного кристалла и осматривая сквозь него поверхность стен и пола. На вопрос Дары: «Что это?», нехотя ответил: «Еще одна великая тайна моей семьи. Кроме постоянных физических ловушек, здесь понатыканы еще и магические. Эти сами меняют свое местоположение каждые несколько лет. К тому же, как таковой карты

ловушек нет. Никогда не рисовали, во избежание сама понимаешь чего. Наследник учит их расположение здесь же, сопровождая отца в сокровищницу. Однако некоторые императоры к старости не полагаются на память, жизнь дороже. Кристаллы-проводники и были созданы после того, как империя потеряла сразу императора с наследником. Оба подорвались на одной из ловушек. Данный экземпляр, — не без гордости заметил лорд, — один из запасных».

— Прекрасное средство от склероза, — не удержался от ехидного замечания Кристан, — и работает, вижу на императорской крови.

Действительно, как раньше Дара не заметила, что низ кристалла испачкан чем-то темным. Это все лампы. В их свете действительность так обманчива.

— Беда в том, что кровь привлекает местных обитателей. Советую держать мечи наготове.

Спорить с лордом никто не стал. Горцы послушно обнажили клинки.

— Держи, галчонок, — Тайл, неловко придерживая в одной руке лампу и кристалл, протянул девушке кинжал, — надеюсь, ты не забыла, как с ним обращаться.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — обеспокоенно заметил Кристан, придвигаясь поближе к Даре.

До сокровищницы, как и обещал Тайл,

оказалось недалеко. И вскоре все с интересом разглядывали кованную железную решетку, вмурованную в проход. Прямо за прутьями начиналась темнота, такая густая, словно за дверью повесили черную тряпку.

Кристан попытался было просунуть сквозь прутья руку с фонарем, но Тайл перехватил его за рукав.

— Что, лишние конечности завелись?

На взгляд Дары, решетка выглядела абсолютно обычной, вот только вид у нее был, словно вчера поставили — прутья блестели свежей покраской, замок отсутствовал, как факт.

— Как же давно я ждал этого момента, детка! — Тайл с любовью провел рукой извилистой поверхности прута, прижался губами к холодной поверхности металла, — пойми, детка, либо я здесь умру, либо ты станешь моей.

Металл ничего не ответил, только тьма за дверью стала еще гуще. А затем тишина перестала быть тишиной.

— Горец, неужели нельзя прибавить этих тварей подальше от меня, — с раздражением заметил Тайл, когда меч Гестара разрезал воздух в опасной близости от его головы.

— Прости, — выдохнул арганец, сбивая еще одну, — следующий раз подожду, пока она сядет тебе на спину. Так удобнее будет.

— Убить меня или её? — не преминул осведомиться лорд.

— Обоих, — крутанулся Гестар, — долго еще?

— Быстро только кошки родятся, а у нас преступление века намечается. Давай, милая, я в тебя верю, — он вывел очередную кровавую завитушку на гербе империи, занимающем центральную часть решетки.

— Ты уже весь пол кровью заляпал, а толку ноль, — хмыкнул Гестар.

В углу рядом с решеткой прижавшись друг к дружке стояли испуганные Дара с Элалией. Каждая сжимали в руке кинжал. Перед ними блестя вспотевшим лицом, метался Кристан.

— Дрянь, — выругалась Элалия, метя в подкрадывающуюся к ней по стене тварь, — Дара сверху, — внезапно крикнула она.

Визг подсказал Даре, что она попала, вот только висевший над головой шаграз рухнул ей на волосы, скользнул по плечу и только потом упал на пол.

— Какая мерзость, — с трудом сдержав приступ тошноты, высказалась девушка.

— Прости, принцесса, — не оборачиваясь, бросил Кристан.

— Все нормально, — сглотнув, ответила Дара, — не переживай, мы сумеем постоять за себя,

правда, Элалия?

— Красавчик, а? — прошептала вдруг та, кивая на горца.

Дара лишь поджала губы. Неприятное чувство внезапно возникло в её сердце — нелогичное, непонятно, такое мерзкое, какдохлый шаграз, валяющийся у нее под ногами. Эта Элалия знакома с ними всего лишь час, не больше и смеет называть Кристана «красавчиком»! Вопиющая наглость!

— Девушки, я вами горжусь, — громко заявил Тайл, поднимаясь с колен, — через второй рубеж ни одна тварь не пробралась, молодцы.

— Ты бы лучше собой гордился, — неодобрительно заметил Кристан.

— А кто сказал, что не горжусь? Прошу, — лорд легонько толкнул дверь, и та послушно распахнулась. Момент торжества был немного подпорчен раздавшимся дружным визгом рассвирепевших шагразов.

— Живо, — первым влетел Тайл, следом Кристан впихнул обеих девушек. Гестар, последним входящий в сокровищницу стал свидетелем, как пара десятков серых зубастых тварей впечаталась в невидимый щит, закрывший проход. При этом передние пытались на ходу тормозить, но задние напирали и буквально внесли их в проход. Не было ни вспышки, ни удара молнии, просто серые тельца исчезли, и в коридоре

на мгновение стало снежно от пепла. А затем решетка захлопнулась, отрезая людей от лабиринта.

В сокровищнице с каждым мгновением становилось все светлее. Мягким зеленоватым светом разгорались магические светильники. Говорят, когда-то они стояли почти в каждом богатом доме, сейчас немногие могли похвастаться таким освещением. Здесь тоже были видны первые следы выгорания — часть светильников так и не зажглась.

— Так, милые мои, — азартно потер ладони лорд, — время дорого, не дай Создатель, император решит сегодня посчитать свои накопления. Вам прямо, мне налево. Эл. Эл! ЭЛ! Хватит смотреть на это. Оно все равно тебе не к лицу, слишком много камушков. И какой только идиот придумал на входе развешивать ювелирные украшения. Видно для того, чтобы жены сразу здесь застревали и дальше мужьям не мешали.

— Элалия, — Гестар мягко обратился к девушке, — ваш брат прав, мы не воры. Возьмем только свое, чужое нам не нужно.

Та очнулась, нехотя оторвала взгляд от золотого ожерелья, призывно блестящего россыпью брильянтов, огляделась. По стенам широкого коридора, уходящего вглубь сокровищницы, были развешены женские украшения. На черных мраморных плитах, вделанных в стены, висели

полные наборы: диадемы, колье, серьги и браслеты.

— Свадебные украшения императриц, — голосом полным восхищения произнесла девушка, — для каждой изготавливался свой.

— Оригинальный зал славы. Или усыпальница надежд, смотря кому как повезло, — пробормотал Тайл, но тут же встряхнулся, — так, милые, вам в конец коридора. Девушки, руки за спину и только глазками, глазками. Здесь ловушек нет, но кто знает, что конкретно на каждом украшении навешано. Сами понимаете, времена были магические, женщины, как впрочем, и всегда, мстительные. Так что трогать ничего не советую. Все, ходу. Встречаемся здесь же.

— погоди, — Дара с трудом отвела взгляд от рубинового гарнитура. Право, странный выбор для свадебного украшения, — я хотела спросить, — еще там, у дверей сокровищницы, девушка уловила одну странность, и теперь та не давала ей покоя, — ты не мог видеть набор принцессы, откуда тогда знаешь про браслет?

Лорд, повернувшийся было к ним спиной, замер, спина его затвердела, но тут же расслабилась.

— Молодец, галчонок, — на лице обернувшегося Тайла сияла широкая улыбка, — прогрессируешь. Приврал немного, подумаешь, — без капли раскаянья произнес лорд, — мне

наследник про этот набор хвастался, от него и про браслет узнал.

Горцы ограничились выразительными взглядами, мол, кто бы сомневался, однако промолчали.

Тайл, еще раз напомнив про время, исчез в боковом проходе. Остальные отправились дальше по коридору. Кроме развешанных по стенам свадебным гарнитурам императриц, смотреть здесь было не на что. Ни одного даже маленького сундука, лишь светильники через каждые пять метров. И все равно приходилось постоянно одергивать Элалию, застревающую около каждой плиты с украшениями.

Даре было ясно, что золотой запас империи скрыт в боковых проходах. Недаром над каждой аркой виднелся пятизначный номер. Как говорится, деньги любят счет, а большие деньги тем более. Жаль, конечно, что здесь нет рассыпных гор золота, дорогих ваз, спутанных паутин украшений, хищного блеска бесценных клинков, вызывающих роскоши корон. Сокровищница больше напоминала банковское учреждение, куда Дара сопровождала матушку несколько раз, — все строго, все по порядку.

— Вот оно, — оба горца одновременно опустили на колени перед четвертым с конца набором.

Дара приблизилась. На черном мраморе плиты белым цветком распустился свадебный набор последней принцессы Аргании. Бриллианты на платине — плавные изгибы лилий, прозрачный блеск камней, лунный оттенок белого золота. Украшение достойное настоящей принцессы. Изящество, вплетенное в металл.

— Я не верю, что он причастен к её гибели, — прошептала Дара, — это единственный набор, под которым высечена роза.

Все пристально посмотрели на цветок, покоящийся в правом углу. Такого украшения не было больше ни на одной из плит.

— Может ты и права, галчонок, — послышались сзади быстрые шаги, их догонял лорд. Вид у Тайла был немного потрепанный, словно мешком по голове стукнули, в глазах застыла странная смесь удивления и безумства, — хотя некоторые могут и в честь удавшейся смерти на могилу цветочки положить.

— Быстро же ты, — недовольно проговорил Кристан. Он с подозрением оглядел имперца, хм, так и не скажешь, нашел ли Серый, что искал. Правая рука лорд дрогнула и потянулась к карману куртки. Все же нашел...

— Я же не задерживался у каждого украшения, — подмигнул Даре лорд.

— Все равно не верю в его причастность, —

упрямо покачала головой девушка, затем не удержалась, провела пальцем по изгибам каменного цветка и внезапно испуганно вскрикнула, — Ай!

— Что! — бросились к ней арганцы.

Дара с удивлением рассматривала набухшую капельку крови на кончике пальца.

— Вот, укололась, — слабо улыбнулась.

— Гестар, живо, противоядие.

— Галчонок, как ты себя чувствуешь? В глазах не темнеет? Не тошнит?

— Дариэлла, не молчи. Скажи, хоть что-нибудь.

Мужчины засуетились, живо оттеснив девушку от украшения. Дара вяло отмахивалась от попыток заглянуть ей в глаза, залить в рот что-то из бутылочки. Пришла в себя от обсуждения отрезать ей палец целиком или ограничиться выдавливанием крови из пальца.

— Хватит! — отпихнула Тайла, выдернула руку из ладони Кристана, — я себя отлично чувствую, это не ЯД!

— Думаю, она права, — поддержала её Элалия, — иначе бы тогда не открылся тайник.

— Какой тайник? — повернулись разом.

Нижняя часть плиты отъехала вниз, а прямо под розой в открывшейся нише лежал сверток ткани.

— Я сам, — отпихнул всех Тайл. Сквозь

кристалл внимательно изучил нишу, розу и сверток, — надо же, действительно тайник. На цветок наложен магический замок, срабатывающий от крови. Примерно, как вход в сокровищницу. Поздравляю, галчонок, тебе везет. Давай, посмотрим, что нам подарили. Кто-то же потратился на мага, надеюсь, не зря.

Он натянул перчатки и осторожно взял сверток из ниши. Дара затаила дыхание.

Вот ткань пыльным облаком летит на пол, и в руке Тайла остается книга в потемневшем от времени кожаном переплете. Золотое тиснение букв на обложке и потрясенный голос лорда:

— Дневник императора Лиашанга.

— Ты уверен?

— Можно взглянуть?

Девушки разом подались вперед.

— Так, красавицы, — Тайл подобрал ткань, завернул обратно книгу и спрятал за пазуху, — Эл, тебе рановато еще читать подобные откровения. Я потом своими словами перескажу. Ну, а тебе, галчонок, тем более не положено знать личные тайны императора чужой страны. Не находишь это немного не этичным?

— Этот император может быть причастен к гибели моей пра-прабабушки, — нахмурилась Дара.

— Не отрицаю, но, извини, дать в руки не могу. Сама понимаешь, политика. Обещаю показать

все, что будет связано с теми событиями. Но большего не проси.

— Не стоит настаивать, Дариэлла, — мягко сказал Кристан и добавил, с брезгливым выражением на лице, — уверен, дневник императора этой страны мало подходит для чтения уважающей себя женщине.

— Не понятно, зачем заводить столько копий, разве только для того, чтобы переписать отдельные части, — задумчиво проговорил Гестар, — надеюсь, ты предоставишь нужные страницы для ознакомления.

— Когда я вас обманывал? — оскорбленно вздернул подбородок лорд, — Дайте только выбраться отсюда. И, кстати, мы почти у выхода. Правда, неплохо придумано, что нам не нужно опять встречаться с шагразами?

Выход из сокровищницы действительно оказался в двух шагах. Но сначала Кристан шагнул вперед, осторожно с благоговением снял украшения с плиты, аккуратно убрал в бархатный мешочек, приготовленный Гестаром. Арганец затащил шнурок, повернулся и, встав на колени, протянул его Даре.

— Ваше высочество, он ваш по праву.

Рука девушки дрогнула, когда она принимала этот бесценный дар. Это еще не окончательное решение, нет, всего лишь желание почтить память

той, которая рискнула полюбить, всего лишь маленький шагок к трону.

— Вот и правильно, — с одобрением кивнул Тайл, — два в одном. Проще следить будет.

Кинув последний взгляд на недостижимые, но такие притягательные украшения, Элалия вышла из сокровищницы. Вышла, тряхнула головой, прогоняя наваждение. Нет, такие места лучше посещать, зная, что все это принадлежит тебе.

Дара плотнее запахнула плащ. Стылость подземелья постепенно пробиралась сквозь слои одежды. За пазухой приятной тяжестью ощущался мешочек со свадебным набором принцессы. Они обходили сокровищницу с другой стороны, чтобы вернуться к шахте и оставленной там веревке.

Шли медленно и молча. Привлечь внимание шагразов лишним шумом не желал никто. Тайл все чаще останавливался, высматривая ловушки.

— Зачем было городить столько всего? — с раздражением прошептала Дара, переступая через плиты, на которые указывал лорд, — разве нельзя было сделать единый механизм отключения?

— Вопрос непростой, — так же тихо ответил Тайл, — вероятно в самом начале он существовал, но времена шли, маги совершенствовались свое ремесло, и каждый следующий император считал своим долгом создать нечто новое, невскрываемое ушлыми магами. В конце концов, это стало

своеобразной традицией. Не помню, кто первый перестал включать ловушки в общую цепь — то ли по глупости, то ли из-за соображений безопасности. Знаешь, защищённая сокровищница — это не просто слова. Это символ. Символ стабильности империи, её силы, уверенности в себе. Не просто убедить людей, что ты в состоянии защитить своё. Речь не только о казне. Видя, что на протяжении стольких лет её порог не перешагнула нога грабителя, люди начинают верить в неприступность многих заведений, принадлежащих императору.

— Например, Гранитной тюрьмы, — с пониманием кивнула Дара, — или канцелярии.

— Верно. Ты думаешь, только заклинания держат заключенных? Ничто так не убивает волю к побегу, как мысль, что все предыдущие попытки закончились неудачей. Но вернемся к сокровищнице. Последней здоровой идеей было создание проходных кристаллов. А то, стыдно сказать, многие императоры годами боялись сюда соваться. Знаешь, на самом деле это помогло избежать лишних растрат.

— Неплохой способ экономить деньги, — улыбнулась Дара.

Мимо прохода, ведущего ко входу в сокровищницу они прошли не дыша. Оттуда доносились писк шагрзов, шелест крыльев и скрежетание когтей по камням. Но вот и знакомый